СОДЕРЖАНИЕ

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. Д. КОНДРАТЬЕВА	
Акад. Л. Абалкин — Научное наследие Н. Д. Кондратьева и	
современность	. 4
Ю. Яковец — Становление постиндустриальной цивилизации	18
Акад. А. Никонов—Аграрные проблемы в трудах Н. Д. Кондратьева	26
Член-корр. РАН Д. Львов — Закономерности технико-экономического	
развития и их деформации	31
В. Симонов — Российская экономика чрезвычайного времени	
Джордж Модельски, Уильям Томпсон — Волны Кондратьева, развитие	
мировой экономики и международная политика	49
В. Маевский — О характере длинных волн	
Р. Аврамов — Теория длинных волн: исторический контекст и	
методологические проблемы	63
С. Лазуренко — Проблемы долговременных колебаний экономической	
динамики	69
Ричард Моуги — Развитие процесса длинноволновых колебаний	
Якоб Ван Дейн — В какой фазе кондратьевского цикла мы находимся?	
Zikoo zan zeni zi kakon quse konzpurbebekoro unkau min nukozinmezi	/>
вопросы теории	
О. Ананьин — Экономическая теория: кризис парадигмы и судьба научного	01
сообщества	81
Экономическая теория на пути к новой парадигме: методология подхода	
В. Радаев — Обновление экономической теории: пути и проблемы	
А. Смирнов — Философия НТП и стратегическая оценка технологий	121
ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ	
А. Коломиец — Следует ли «ускорять прогресс»?	129
АНАЛИТИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ	
аналити вскал шфогмация	
Тенденции мировой и восточноевропейской экономики. Лето 1992 г	133
Об основных тенденциях социально-экономического развития России	141
С. Терещенко — Реформа экономики и управления в республике	149
научная жизнь	
Научное наследие Н. Д. Кондратьева и современность (по материалам Межд	/ -
народной научной конференции)	154
О создании Международного фонда Н. Д. Кондратьева	159
Научное наследие Н. Д. Кондратьева и современность (по материалам Межд народной научной конференции)	154

Л. АБАЛКИН, академик, директор ИЭ РАН

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Н. Д. КОНДРАТЬЕВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

В наше непростое время с его непредсказуемыми поворотами, нарастающими заботами и тревогами трудно уловить доминанту событий. Однако все более явственно выступают главные ее контуры — возрождение России, ее величия и славы, восстановление и умножение жизненных сил народа.

Этот прорыв в будущее немыслим без восстановления исторической памяти, без критической и мужественной оценки пройденного пути и, разумеется, без опоры на богатейшее духовное и интеллектуальное наследие народа. Все сказанное в полной мере относится и к отечественной экономической науке с ее взлетами и падениями, озарениями и самой низкопробной апологетикой, отвергнутыми гениями и трагическими судьбами. Сейчас важно возродить память о тех, кто составляет гордость и славу отечественной науки, включить их наследие в орбиту современных идей и поисков.

Среди таких имен одно из выдающихся мест принадлежит Николаю Дмитриевичу Кондратьеву — ученому с мировым именем, внесшему вклад во многие направления экономической науки '. Его деятельность отличали широта и многообразие интересов, пионерная разработка ряда фундаментальных проблем, сочетание скрупулезного анализа фактического материала с широкими методологическими обобщениями.

Трагическая судьба и десятилетия забвения оказались не в состоянии перечеркнуть или умалить сделанного им. Научное наследие Н. Д. Кондратьева и в настоящее время актуально.

Современность — отнюдь не то, что диктуется сиюминутными запросами и потребностями, ее нельзя свести к сводке газетных новостей. Современно то, что характеризует своеобразие целой полосы исторического развития, ее качественные особенности и отличительные признаки. И актуальность научных разработок (не забывая, конечно, о «вечных» проблемах) определяется тем, в какой мере они способствуют осмыслению этого своеобразия и решению возникающих на данном этапе проблем.

Сегодня и в России, и в большинстве стран мирового сообщества происходят глубокие кардинальные перемены, которые еще только предстоит осмыслить. Все сильнее ощущаются сомнения и неудовлетворенность имеющимся арсеналом идей и положений, что служит предвестником рождения новой парадигмы, способной раскрыть внутреннюю логику, структуру и динамику глобальных социально-экономических про-

¹ Признанием научных заслуг Н. Д. Кондратьева стало его избрание членом Лондонского экономического общества, Лондонского статистического общества, Американской экономической ассоциации, Американской академии социальных наук, Американской ассоциации по вопросам экономики сельского хозяйства, Американского статистического общества и- Американского социологического общества.

Академия наук нашей страны учредила золотую медаль и премию имени Н. Д. Кондратьева, которые будут присуждаться раз в три года отечественным ученым за лучшие работы в области экономики.

цессов. Подобные чувства присущи как отечественным ученым-обществоведам, так и многим представителям мировой науки².

Новая парадигма как целостная система взглядов и представлений не может родиться в виде счастливого озарения или быть придумана. Она вырастает из всего хода развития социально-экономической мысли, осмысления происходящих перемен и мучительного осознания несостоятельности сложившихся представлений, а часто и убеждений. Слагаемые новой парадигмы должны быть выявлены и в тех разрозненных идеях и догадках, которыми так богат путь подлинно научных исканий величайших мыслителей прошлого.

Разумеется, прогресс науки не сводится к разработке фундаментальных проблем и осмыслению глобальных процессов. Он образует широчайший спектр специальных исследований, непосредственно связанных с решением практических вопросов.

Верный признак современности научного наследия ученого — созвучность его идей сегодняшним исканиям. Знакомясь с трудами Н. Д. Кондратьева, мы обнаруживаем в них вопросы, которые волнуют нас сегодня: соотношение должного и сущего, общественного идеала и действительности, анализ долговременных тенденций социально-экономического развития, необратимых и обратимых (волнообразных) изменений, поиск эффективного сочетания механизма рынка и методов его государственного регулирования, исторические судьбы крестьянского хозяйства и их связь с развитием кооперации.

Было бы неверно искать в этих трудах готовые ответы на поставленные современной жизнью вопросы (даже если предположить, что такие ответы вообще существуют в науке). Время необратимо, и каждая полоса исторического развития, отличаясь своеобразием и неповторимостью, требует своих решений. Но прогресс науки идет тем успешнее, чем надежнее «плечи» предшественников, чем глубже проник их ум в хитросплетения экономических и социальных процессов.

В исследованиях Н. Д. Кондратьева и ученых его поколения, в созданной ими интеллектуальной атмосфере мы находим мощный импульс и стимул к разработке современных проблем. Важно не упустить этот шанс, умножить славу науки и передать эстафету следующему поколению ученых.

Научное наследие Н. Д. Кондратьева было оценено далеко не сразу и отнюдь не в полной мере. В мировом научном сообществе получила известность лишь одна, хотя и важнейшая, часть его наследия—концепция «больших циклов». На родине же ученого оно на полвека оказалось в полном забвении. Лишь сейчас в связи с переизданием его трудов и публикацией ранее неизвестных рукописей наследие великого мыслителя предстает перед нами во всем своем объеме, многообразии и богатстве.

² Этот вывод можно кратко проиллюстрировать на ряде примеров. Так, Дж. Нейсбит, широко известный своими работами по анализу мегатрендов, подчеркивает, что «нам необходимы новые концепции, стоящие на уровне современных требований, если мы должны понять все, что происходит сегодня, для того, чтобы сказать о том, что может, произойти завтра» (Naisbitt J. Megatrends: Ten New Directions Transforming Our Lives. N.-Y., 1982, p. 72).

А. Тоффлер, отмечая, что изменения, происходящие в современном мире, носят революционный характер, разъясняет, что революционность эта понимается не в узком политическом значении данного слова, а подразумевает «всестороннюю социальную трансформацию». «Если мы не осознаем этого факта, — пишет он, — не начнем определять контуры будущей экономики, то как мы можем надеяться совладать с нашими проблемами? Мы нуждаемся в новых идеях» (Toffler A. Previews and Premises. N.-Y., 1983, p. 30).

Один из активных творцов концепции «информационной эпохи» Е. Масуда призывает «смело построить парадигму, которая свободна от традиционных концепций, для того чтобы представить будущий образ этого информационного общества» (Masuda J. The Information Society as Post-Industrial Society. Washington, 1981, p. VIII).

И еще об одной стороне дела. Труды Н.Д. Кондратьева незаменимы с точки зрения овладения методологией и культурой научного мышления. Они предостерегают от легковесности и односторонности суждений, предупреждают об опасности как бездумного упования на спасительную силу стихии, так и административного произвола.

Жизнь и творчество

Николай Дмитриевич Кондратьев родился 4 (17) марта 1892 г. в центре европейской России — в деревне Галуевская Кинешемского уезда Костромской губернии (ныне Ивановская область).

Он обучался в различных школах и училищах, посещал курсы, затем сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости в Костромской гимназии.

С 1910 г. Н. Д. Кондратьев — студент юридического факультета Петербургского университета. Здесь под влиянием выдающихся ученых, работавших в университете, началось его приобщение к науке, формировался круг научных интересов. В годы студенческой жизни появились первые публикации Н. Д. Кондратьева в печати. Его дипломная работа «Развитие хозяйства Кинешемского земства Костромской губернии» была опубликована в виде монографии в 1915 г. и получила положительные отклики в прессе.

Научные способности Н. Д. Кондратьева были замечены, и его оставили при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре политической экономии и статистики. Одновременно он поступает на службу в петроградский Земский союз в качестве заведующего статистико-экономическим отделом. С этого момента и на протяжении всей последующей жизни (вплоть до ареста) его научная деятельность тесно переплетается с выполнением административных и общественных обязанностей, что было характерным для большинства ученых-экономистов того времени.

Бурные события 1917 г. затянули в свой водоворот и 25-летнего Н. Д. Кондратьева. Он активно участвует в подготовке Всероссийского совета крестьянских депутатов, выступает с докладами по продовольственному вопросу, пишет ряд статей по аграрным проблемам, избирается делегатом Учредительного собрания. Незадолго до Октябрьской революции его назначают товарищем (заместителем) министра продовольствия в последнем кабинете Временного правительства.

После роспуска Учредительного собрания в начале 1918 г. Н. Д. Кондратьев переезжает в Москву. Он поступает на работу заведующим экономическим отделом Центрального товарищества льноводов, работает в экономическом отделе Московского народного банка. Одновременно он ведет преподавательскую деятельность в университете им. А. Л. Шанявского³, в Кооперативном институте, в Петровской (ныне Тимирязевской) сельскохозяйственной академии.

В 1920 г. Н. Д. Кондратьев возглавляет созданный тогда же Институт по изучению народнохозяйственных конъюнктур (Конъюнктурный институт), превратившийся вскоре в авторитетный исследовательский центр.

В 1922 г. в издательстве «Новая деревня» выходит фундаментальный труд Н. Д. Кондратьева «Рынок хлебов и его регулирование во вре-

⁸ Основателем университета был отставной генерал-майор, близкий к кругам либеральной интеллигенции Альфонс Леонович Шанявский. Народный университет, получивший ега имя, был основан в 1908 г., а в 1912 г. переехал в специально для него построенное здание на Миусской площади. На его базе в последующем работали Коммунистический университет им. Свердлова, Высшая партийная школа и Академия общественных наук при ЦК КПСС. С 1991 г. здесь находится Российский гуманитарный университет.

мя войны и революции»⁴. Как писал автор в предисловии к нему, работа посвящена «уже пережитому и отошелшему в историю периоду состояния рынка хлебов и регулирования снабжения ими. Однако, нам кажется, что она не лишена некоторого интереса с точки зрения как истории, так и теории и экономической политики» С этой оценкой, думается, можно согласиться и

В том же году вышло в свет и его обширное исследование «Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны», в котором он впервые упоминает о ставших впоследствии знаменитыми больших циклах.

Вскоре в центре научных интересов Н. Д. Кондратьева оказываются вопросы статики и динамики, конъюнктуры в широком смысле. С развернутым изложением своих взглядов по этим вопросам он выступает в марте 1924 г. в Институте экономики I Московского государственного университета. Спустя два года, в феврале 1926 г. он сделал доклад «Большие циклы конъюнктуры» в Институте экономики Российской ассоциации научноисследовательских институтов общественных наук. Лишь со временем мировое научное сообщество (и с еще большим опозданием отечественные ученые) оценило оригинальность, глубину и эвристический потенциал выдвинутых автором положений.

Н. Д. Кондратьев, не изменяя — как ученый и гражданин — своим взглядам и убеждениям, активно включился в процесс обновления советской экономики. Его деятельность на данном направлении совпала с первым этапом проведения в жизнь новой экономической политики. Он принимал участие в разработке (начиная с 1923 г.) пятилетнего плана развития сельского хозяйства РСФСР, получившего название «пятилетки Кондратьева». В тесной связи с указанной работой он сформулировал и свои теоретические представления, изложенные в статьях «План и предвидение. К вопросу о методах составления перспективных планов развития народного хозяйства и сельского хозяйства в частности» и «Критические заметки о плане развития народного хозяйства». Обе статьи были опубликованы в 1927 г.

Этот год стал переломным и в жизни страны, и в судьбе ученого. В экономической политике начался крутой поворот от нэпа к административнокомандной модели хозяйствования. Н. Д. Кондратьев вместе с другими учеными-экономистами оказался в опале. Их объявили «идеологами кулачества», и «реставраторами капитализма». Открытые гонения начались после появления в журнале «Большевик» (1927, № 13) статьи Г. Зиновьева «Манифест кулацкой партии».

В 1928 г. Н. Д. Кондратьев был уволен из Конъюнктурного института, а вскоре закрыт и сам институт. В исследовании проблем конъюнктуры возник долгий перерыв, затянувшийся на несколько десятилетий.

В 1930 г. Н. Д, Кондратьев был арестован. Находясь под следствием по делу так называемой Трудовой крестьянской партии в Бутырской тюрьме, он продолжал научную деятельность. Им была написана и передана жене-Евгении Давыдовне Кондратьевой — обширная рукопись монографии под названием «Основные проблемы экономической статики, и динамики. Предварительный эскиз». Она опубликована лишь в 1991 г.

Теперь нет сомнений в том, что данная работа — лишь часть задуманного автором исследования, которое должно было включать в себя пять книг. Это подтверждает письмо самого Н. Д. Кондратьева, напи-

ции. М.: Наука, 1991, с. 87.

 $^{^4}$ Книга вышла тиражом 2000 экз. и. стала библиографической редкостью. Когда было решено ее переиздать, то созданная в этих целях рабочая группа обнаружила, что в Москве имеется лишь два экземпляра книги — в Государственной библиотеке им. Ленина и в личной библиотеке В. И. Ленина в Кремле.

⁵ Н. Д. Кондратьев. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и револю

санное им жене 7 сентября 1934 г. из Суздальского политизолятора, помещавшегося в Спасо-Евфимиевом монастыре. В нем он пишет о книге, над которой продолжал работу (ее рукопись исчезла бесследно) и вспоминает о переданных ранее черновиках: «Как только кончу эту книгу, начну книжку о больших колебаниях, план которой и содержание для меня вполне ясны. Затем буду писать книгу о малых циклах и кризисах. А после этого вернусь к вводной общеметодологической части, которую в черновиках передал тебе. И, наконец, закончу все пятой книгой по синтетической теории социальноэкономической генетики или развития. Впрочем, все это планы, для которых нужны силы, душевное спокойствие и вера. Поэтому планы могут остаться только планами» $^{\circ}$.

Выдающийся специалист в вопросах прогнозирования оказался, к сожалению, прав. Силы покидали его, а с ними — душевное спокойствие и вера. Военная коллегия 17 сентября 1938 г. вынесла новый приговор и в тот же день Николай Дмитриевич был расстрелян.

Реабилитации пришлось ждать долго. В 1962 г. было отменено решение Военной коллегии о вынесении смертного приговора. И лишь в 1987 г. состоялась отмена приговора 1932 г. по «делу» Трудовой крестьянской партии.

Николай Дмитриевич Кондратьев сознательно связал свою жизнь и судьбу с судьбой России . И вместе с ней испил до конца чашу страданий и горя.

Можно лишь догадываться о сомнениях и колебаниях, о тех страстях, которые бушевали в его душе. Но свой гражданский и нравственный долг перед Россией он исполнил. Не разделяя, как известно, многих подходов нарождающейся «официальной» науки и тем более административных методов вторжения в экономическую жизнь, он служил не власти, а народу. Думается, что позиция и выбор ученого в критических для судеб Отечества ситуациях—тема также современная и актуальная.

Даже после первой волны «оттепели» научные труды выдающегося сына своей страны оставались преданными забвению. Лишь после создания постановлением бюро Отделения экономики АН СССР Комиссии по научному наследию Н. Д. Кондратьева началась интенсивная работа по изданию его трудов. В течение 1989—1991 гг. были изданы (не считая публикации отдельных работ в журналах) книги «Проблемы экономической динамики» (М.: Экономика, 1989), «Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции» (М.: Наука, 1991), «Основные проблемы экономической статики и динамики» (М.: Наука, 1991). Планируется выход еще одной книги, содержащей как труды Н. Д. Кондратьева, так и оценку его вклада в развитие мировой экономической науки.

Все это — часть большой работы, связанной с восстановлением вычеркнутых из истории имен выдающихся отечественных ученых-экономистов и изданием серии трудов под общей рубрикой «Экономическое наследие». И дело не только в запоздалом признании их заслуг, не только в выполнении долга перед ушедшими и погибшими. Думается, что эта работа имеет гораздо большее общественное значение. Она неразрывно связана с возрождением России, ее духовного потенциала. К тому же знание истории науки, знание трудов тех, кто составляет ее славу, — незаменимая школа подготовки профессионального ученого, формирования его научной этики.

 $^{^{6}\,}$ Н. Д. Кондратьев. Основные проблемы экономической статики и динамики. М.:

Наука, 1991, с. 554. В 1924 г. Н. Д. Кондратьев вместе с женой выехал в длительную зарубежную командировку, посетил Германию, Великобританию. Канаду и США. Встретившись здесь с Питиримом Сорокиным — своим другом со школьной скамьи,— он отклонил его предложение возглавить кафедру в одном из университетов и вернулся на родину.

Преследование ученых за инакомыслие не прошло даром. Оно привело к снижению теоретического потенциала науки, к появлению и расцвету приспособленчества, распространению догматизма, угодливой апологетики и серости, потере нравственных достоинств ученого.

Никогда нельзя забывать уроков истории. А они убедительно свидетельствуют, что любое давление и административное командование губительны для науки (как и для культуры) и неизбежно сопровождаются разложением общества, его социально-политических структур. К таким же последствиям приводят и пренебрежение трудом ученых, слепое и завистливое давление на науку со стороны толпы.

Отмечая 100-летие со дня рождения великого русского ученого-экономиста, надо отказаться от сомнительного соблазна абсолютизировать, выдавать за истину все, что вышло из-под его пера. Николай Дмитриевич Кондратьев в этом не нуждается. Он был, как и мы все, сыном своего времени. И ему как подлинному ученому были свойственны искания и сомнения, выдвижение оригинальных, но не доказанных до конца гипотез. Воспринимать его как современника, спорить с ним как с живым — это и значит признавать его величие.

Диалектика сущего и должного

При изучении научного наследия любого ученого особый интерес представляет выявление его мировоззренческих позиций, принятой им методологии анализа явлений действительности.

Некоторые исследователи творчества Н. Д. Кондратьева пришли к выводу, что его мировоззрение во многом можно назвать «статистическим мировоззрением», сложившимся под значительным влиянием А. Чупрова. Нельзя сказать, что для такого вывода нет никаких оснований. Они есть и состоят в вероятностно-статистическом подходе Н. Д. Кондратьева к характеристике закономерностей общественного развития, в широком использовании статистической «фактуры», в построении разнообразных моделей, наконец, в особом уважении и даже любви к факту.

Однако внимательное изучение научного наследия Н. Д. Кондратьева позволяет говорить о наличии у него более широкой методологической базы, о его серьезном внимании к философским основам теоретических построений. Среди них особое место занимает соотношение сущего и должного. Другими словами, должны ли мы при исследований «социального хозяйства» рассматривать его только под углом зрения категории «Sein» или же мы можем (не выходя за пределы науки) рассматривать его также и с точки зрения долженствования, то есть категории «Sollen»?

Есть основание полагать, что эти вопросы волновали Н. Д. Кондратьева на протяжении всей его научной деятельности⁸. Они нашли отражение, в частности, и в ходе анализа соотношения генетического и телеологического методов в планировании, и при разработке многих других проблем. Оказавшись в Бутырской тюрьме и как бы заново осмысливая свою научную деятельность, он в подготовленной рукописи посвящает этой проблеме самостоятельную главу, назвав ее «Категория сущего и должного в социально-экономических науках».

Диалектика сущего и должного принадлежит к числу вечных проблем, хотя каждая эпоха придает этому соотношению свои оттенки и нюансы, находит свои ответы и... рождает новые вопросы. Сегодня нам необходимо дать ответ на следующий вопрос: к чему ведет насилие над

 $^{^8}$ Уже на первом году обучения в Петербургском университете в кружке, руководимом М. Туган-Барановским, он сделал доклад на тему «Телеологические элементы в политической экономии».

действительностью, стремление во что бы то ни стало воплотить в жизнь «должное» — социальную норму, идеальную модель общественного устройства? И должны ли вообще логические или абстрактные построения теории (совершенно необходимые в науке) обретать статус общественного идеала, становиться знаменем политической борьбы?

Вместе с тем в наше время интерес к названным проблемам проистекает и совсем из иной сферы. Он порожден потерей ориентиров социально-экономического прогресса, утратой идеалов, всего того, что обычно называют «смыслом жизни». Куда идет общественный прогресс и прогресс ли это, если нет надежных критериев движения к определенной цели или к определенному состоянию, как бы их ни называли— «светлое будущее» или «царство божие на земле»? И можно ли ответить на все эти вопросы без апелляции к «должному»? И если нет, то можно ли, обращаясь к нему, оставаться на позициях науки?

Все эти вопросы были известны и Н. Д. Кондратьеву. У него был свой взгляд на соотношение сущего и должного. Противоречие в подходах к ним он усматривает «в двойственной природе человека», которая состоит в том, что «человек не только и не столько познает сущее, но он еще и действует, ставит себе практические цели, выдвигает идеалы своих стремлений» Однако предмет социально-экономических наук— реальная действительность, «сущее». Идеалы и социальные нормы или, как он их называет, «суждения ценности» относятся к практическим (а не научным) понятиям.

Н. Д. Кондратьев считает, что идеалы не могут быть выведены из логики науки и что задача создания научных суждений ценности является принципиально неразрешимой. Другое дело, что они могут быть предметом науки как факты социальной действительности 10.

Достаточно прямолинейное и даже во многом механическое разделение сущего и должного, теоретических суждений и суждений практических («суждений ценности») весьма далеко от диалектики отношения между ними. Это, как мне представляется, интуитивно чувствует (именно чувствует, а не логически осознает) и Н. Д. Кондратьев. Не случайно он пишет о том, что «взгляд на действительность под категорией должного, находящий свое выражение в суждениях ценности, по самому существу пропитан духом активности, духом стремления изменить действительность, перестроить ее» 11. И не случаен также его вывод о том, что «огромная роль суждений ценности и необычайная склонность к высказыванию их, как это очевидно, вытекает из глубочайшей связи социальной экономии (политической экономии. — Л. А.) с практикой и интересами общественной жизни» 12.

Может быть, об этих сомнениях свидетельствует и его желание, о котором он говорил в цитированном выше письме к жене, еще раз вернуться к рукописи вводной общеметодологической части.

⁹ Н. Д. Кондратьев. Основные проблемы экономической статики и динамики,

с. 244.

10 В этих рассуждениях чувствуется достаточно сильное влияние Макса Вебера, в частности, его положений, изложенных в 1904 г. в статье «Объективность» социальнонаучного и социально-политического познания». «Мы придерживаемся мнения,— писал он,— что задачей эмпирической науки не может быть создание обязательных норм и идеалов, из которых потом будут выведены рецепты для практической деятельности» (М. Вебер. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990, с. 347). В соответствии с этим он предельно жестко разделил задачи «социальной науки», которая призвана давать мысленное упорядочение фактов, и задачи «социальной политики», состоящие в изложении определенных идеалов.

1 Н. Д. Кондратьев. Основные проблемы экономической статики и

[.] Н. Д. Кондратьев. Основные проблемы экономической статики и динамики,

с. 258.

12 Н. Д. Кондратьев. Указ. соч., с. 273. Этот вывод — своеобразный итог проведенного автором анализа всех известных в политической экономии школ, ни одна из которых не обошлась без обоснования в своих исследованиях тех или иных социальных идеалов или «суждений ценности».

Нельзя не учитывать и время, когда формировалась позиция автора по рассматриваемым вопросам. Крутая ломка социально-экономических структур, форсированные темпы индустриализации, наступление на крестьянство, волюнтаризм в экономической политике (Н. Д. Кондратьев одним из первых показал его пагубность) не могли не вызвать у честного исследователя отрицания таких методов, прикрывающихся ссылками на «должное». А отсюда всего один шаг до того, чтобы принять конкретно-историческую форму, знакомую автору, за единственно возможный способ проведения в жизнь концепции долженствования.

Понятен и психологический подтекст рассматриваемых рассуждений. Признавая правомерность выдвижения «суждений ценности» в практической политике, в которой, как он считал, борьба идей имеет характер борьбы мировоззрении, ученый хотел оставаться вне этой борьбы, не привносить ее в «чистую» науку.

Но не является ли иллюзией попытка встать «над схваткой», не умаляет ли такой подход огромной созидательной роли общественных наук и насколько он вообще правомерен в науках, имеющих дело с социальной материей?

И вновь приходится сказать, что здесь мы сталкиваемся с «вечными» вопросами, однозначный ответ на которые вряд ли когда-нибудь будет найден. Однако это отнюдь не означает бесполезности исканий. Умудренные опытом прошедших поколений, мы начинаем данный поиск не на пустом месте. Каждый раз он происходит не в абстрактном обществе, а на вполне определенном витке исторического развития. И, видимо, прав был Н. Д. Кондратьев, когда писал, что «вопрос о том, является ли данный идеал живым или мертвым, решает не ученый, не логическое доказательство, а совокупность условий общественной жизни, определяющих веру социальных масс» ¹³.

Статика, динамика и большие циклы конъюнктуры

К числу наиболее крупных и известных научных заслуг Н. Д. Кондратьева принадлежит разработка вопроса о больших циклах, или волнах конъюнктуры, получивших название «циклов Кондратьева».

Время, прошедшее с тех пор, как он впервые выступил с развернутым изложением своих взглядов по данному вопросу, многое прояснило, отбросило все случайное и наносное, высветило глубину и оригинальность его концепции. Сегодня уже нельзя без некоторой улыбки читать материалы дискуссии, развернувшейся после доклада Н. Д. Кондратьева и контр-доклада Д. И. Опарина. Странными выглядят и споры о принадлежности этих циклов капиталистическому хозяйству, как будто можно было проследить долговременные циклы на какомлибо ином материале и как будто капиталистическое хозяйство не подчинено более общим закономерностям динамики общественного воспроизводства.

Интерес к тем или иным аспектам проблемы длинных волн определяется во многом общественными условиями, складывающимися на различных исторических этапах. В период 70—80-х годов, как отмечает ряд исследователей, дискуссии вокруг этой проблемы были обусловлены развертыванием НТР и посвящены выявлению связи научно-технического прогресса с долговременными колебаниями экономической активности.

В настоящее время и в ближайшей перспективе, как мне представляется, проблематика долговременных циклов будет значительно расширена. Она охватит общие проблемы социально-экономического прогресса в связи с его нелинейным характером, присущей ему пульсаци-

¹³ Н. Д. Кондратьев. Указ. соч., с. 262.

ей, а также вопросы цикличного развития культуры, изменения стереотипов поведения и смены поколений, обусловленные во многом обращением к традициям и памяти предков. Можно ожидать и серьезных исследований связи долговременных циклов экономической коньюнктуры с космическими процессами, в частности, с периодами солнечной активности.

Анализируя взгляды Н. Д. Кондратьева на большие циклы, надо учитывать, что они были логическим продолжением и, в известном смысле, завершением его учения о статике и динамике.

Саму статику и динамику Н. Д. Кондратьев рассматривает не как свойства изучаемого объекта — действительности, а как особые методы («точки зрения») ее изучения. Поэтому он считает неправомерным отождествлять эти подходы с изучением явлений в состоянии покоя и движения. «Под статической, писал он, мы понимаем теорию, которая рассматривает экономические явления по существу, вне категории изменения во времени. Наоборот, под динамической мы понимаем ту теорию, которая изучает экономические явления в процессе их изменения во времени»

После установления различий между статикой и динамикой следующим логическим шагом становится анализ самих динамических процессов. При этом Н. Д. Кондратьев вводит имеющее принципиальное значение «разграничение динамических процессов на эволюционные (иначе неповторимые, или необратимые) и волнообразные (повторимые, или обратимые)» Применительно к исследованию динамических рядов это разграничение трендовой циклической составляющих означает И экономического роста.

Проводя такое разграничение, Н. Д. Кондратьев уделяет преимущественное внимание изучению обратимых процессов, так как, с его точки зрения, только в связи с ними мы можем определить понятие коньюнктуры. Это новый логический шаг, приближающий исследователя к анализу больших циклов конъюнктуры. Под экономической конъюнктурой каждого данного момента он понимает «направление и степень изменения совокупности элементов народнохозяйственной жизни по сравнению с предшествующим

В своем докладе «К вопросу о понятиях экономической статики, динамики конъюнктуры» он сформулировал три основные задачи изучения конъюнктуры.

Первая из них состоит в описании и установлении фактического состояния и изменения конъюнктуры. Сами колебания конъюнктуры могут быть как регулярными, так и иррегулярными. Регулярные в свою очередь подразделяются на сезонные и циклические. При этом следует различать малые циклы, охватывающие около 7—11 лет, и большие циклы, охватывающие от 40 до 50 лет.

Вторая задача заключается в объяснении хода конъюнктуры и построении ее теории. При этом возникает непростая проблема разложить в процессе научного анализа единый динамический процесс народнохо-

¹⁴ Н. Д. Кондратьев. Проблемы экономической динамики, с. 49. В соответствии с этим он выделяет две группы законов — законы соотношения и законы изменения яв лений. Особенностью законов соотношения, к которым Н. Д. Кондратьев относит за коны равновесия в физике и химии, закон всемирного тяготения, законы равновесия рынка, служит то, что они, «вскрывая единообразие связи явлений, ничего не говорят об их изменении во времени» (Н. Д. Кондратьев. Основные проблемы экономической статики и динамики, с. 192). «В отличие от законов соотношения законы изменения выражают единообразие хода явлений во времени» (там же, с. 193). В качестве при мера законов этого вида он называет второй закон термодинамики, закон наследствен ности Менделя, закон концентрации производства и закон тенденции нормы прибыли

Н. Д. Кондратьев. Проблемы экономической динамики, с. 58.
 Н. Д. Кондратьев. Указ. соч., с. 70.

зяйственной жизни на необратимые тенденции и обратимые колебательные процессы.

конъюнктуры¹⁷ Наконец, третья задача — прогноз изменения

Определив таким образом задачи изучения конъюнктуры, Н. Д. Кондратьев приступил непосредственно к разработке вопроса о ее больших циклах. Необходимо подчеркнуть ту тщательность и основательность, с которыми он подошел к данной работе. Хотя он и назвал свои выводы гипотезой, однако она явилась не просто результатом чисто логических построений. Анализ больших циклов конъюнктуры опирается на прочный методологический фундамент, созданный автором на протяжении ряда лет, и на обобщение гигантского фактического материала, охватывающего в ряде случаев период почти в полтора столетия.

Подводя итоги своего анализа, Н. Д. Кондратьев весьма осторожно, с предельной научной добросовестностью формулирует итоговый вывод, подчеркивая вероятность существования больших циклов: «Принимая во внимание те положительные доводы, которые были развиты выше, мы и приходим к следующему выводу: по имеющимся данным можно полагать, что существование больших циклов конъюнктуры весьма

Вместе с тем на основе предыдущего изложения, нам кажется, мы вправе сказать, что если большие циклы существуют, то они являются весьма важным и существенным фактором экономической динамики, фактом, отражения которого встречаются во всех основных отраслях социально-экономической жизни»

Признание самого факта наличия больших циклов и понимание того, что они возникают отнюдь не случайно, требовало, естественно, создания теории больших циклов. Не претендуя на окончательное решение, Н. Д. Кондратьев изложил свое понимание вопроса, логически вытекающее из всех его взглядов.

Согласно ему, рыночное хозяйство (сам автор пишет о капиталистическом хозяйстве) никогда не находится в состоянии идеального равновесия, а его динамика подвержена волнообразным колебаниям. Вместе с тем оно постоянно эволюционирует и в ходе этого процесса меняется и сам уровень его равновесия. Здесь действуют факторы различного масштаба. Если же говорить о большом цикле, то его повышательная волна связана, по мнению Н. Д. Кондратьева, с обновлением и расширением основных капитальных благ, с радикальными изменениями и перегруппировкой основных производительных сил общества. Он раскрывает и финансовый механизм данного процесса, предполагающий образование гигантского капитала, его концентрацию в «мощных предпринимательских центрах», относительно малую степень его связанности.

Здесь, по-видимому, схвачено главное, а именно-материальная база больших циклов. Однако имеются серьезные аргументы в пользу выявления более широких, не только чисто экономических основ боль-

¹⁷ См.: Н. Д. Кондратьев. Проблемы экономической динамики, с. 74—75. В дру-

см.: П. Д. Кондратьев. Проолемы экономической динамики, с. 74—73. В других своих работах он называет циклы, охватывающие 7—11 лет, «средними», выделяя наряду с ними более короткие циклы, продолжительностью 3—3,5 года.

18 Н. Д. Кондратьев. Указ. соч., с. 214—215. Отражение больших циклов в раз личных областях общественной жизни Н. Д. Кондратьев подтверждает четырьмя «эмпирическими правильностями», которые можно установить при более или менее внима тельном изучении конкретного хода развития экономической жизни. Они состоят в следующем: 1) перед началом повышательной волны каждого большого цикла, а иногда в самом ее начале наблюдаются существенные изменения в основных условиях хо зяйственной жизни (глубокие изменения техники производства и обмена, изменение условий денежного обращения и др.); 2) периоды повышательных волн больших циклов, как правило, значительно богаче крупными социальными потрясениями и переворотами в жизни общества (революции, войны); 3) понижательная волна циклов сопровождается длительной депрессией сельского хозяйства; 4) повышательная или понижательная волна больших циклов оказывает соответствующее влияние на течение среднихциклов (там же, с. 199—208).

ших циклов. К ним можно отнести складывающиеся и господствующие на протяжении достаточно длительного времени стереотипы массового потребления. Насыщение сложившихся потребностей связано с понижательной волной, а переход к повышательной волне предполагает рождение нового, более привлекательного представления о качестве жизни, что становится важным стимулом накопления и развития производства. Все это во многом связано, на мой взгляд, с изменением типа экономической культуры, сменой поколений и требует, естественно, тщательной проверки с помощью экономико-статистических моделей.

Конечно, названные факторы можно в известной мере считать производными от «изменения и перегруппировки» производительных сил. Думается, однако, что далеко не во всем можно согласиться с ортодоксальными представлениями о линейной зависимости социально-экономических процессов от развития производительных сил.

Эти и подобные им соображения не следует рассматривать как недостаток предложенной Н. Д. Кондратьевым теории больших циклов. Еще никогда не было (и вряд ли когда-нибудь будет), чтобы теория возникала сразу в законченном виде, охватывая все связи и опосредования изучаемой сферы. Ценность любой, подлинно научной теории — в ее способности к развитию и самообогащению, в ее возможности интегрировать новые знания. Всеми указанными качествами и обладает теория больших циклов Н. Д. Кондратьева, что делает ее современной и актуальной.

В заключение следует подчеркнуть огромный прогностический и поэтому практический потенциал теории больших циклов. Она в состоянии не только многое объяснить в нашем прошлом, но прояснить и наше будущее, подсказать направления практической деятельности.

Методология планирования

Деятельность любого экономиста в 20-е годы не могла остаться в стороне от поиска эффективных форм и методов хозяйствования, неразрывно связанных с признанием активной преобразующей роли плана. Такова была реальность того времени. Такова была неумолимая логика социально-экономических преобразований.

Сегодня, когда в моде охаивание всего, что относится к советской системе, участие крупнейших ученых с мировым именем в разработке теории и методологии планирования воспринимается как вынужденное приспособленчество или в лучшем случае как романтическое увлечение. В действительности все обстояло намного сложнее. Огосударствление экономики и внедрение плановых начал было не просто «изобретением» социализма и его идеологов. Они рассматривались как освоение лучшего опыта Запада, тех государств, которые в наши дни называют «цивилизованными странами».

Государственное регулирование экономики, в том числе опыт планового управления,— одно из важнейших приобретений цивилизации в XX столетий. Если, разумеется, не отождествлять его с теми уродливыми формами, которые, будучи доведенными до абсурда, утвердились у нас в стране, а затем «позаимствованы» нашими соседями. И не забывать о том, что кейнсианство было на протяжении ряда десятилетий не только господствующей на Западе научной школой, но и теоретической базой политики государственного регулирования экономики.

Вопрос, следовательно, заключается в содержании планирования, его месте в системе экономического регулирования, его функциях и методологических принципах построения. Данные проблемы должны стать предметом серьезного, профессионального обсуждения, свободного от политического давления и идеологических штампов. И, естественно, с учетом использования накопленного мирового опыта,

В связи с этим небезынтересно проследить борьбу идей, которая велась в 20-е годы вокруг проблемы плана, и выяснить позицию самого Н. Д. Кондратьева.

Его мысли и суждения по вопросам планирования были самым тесным образом связаны с участием в подготовке перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства и обсуждении проекта пятилетнего плана развития народного хозяйства, разработанного Центральной комиссией при Госплане СССР под руководством С. Струмилина. Этим объясняются полемический, местами остро критический характер его выступлений, а затем и ответная «критика», завершившаяся политическими обвинениями.

Надо, разумеется, учитывать, что эпоха наложила свой отпечаток на воззрения ученого. Огосударствление большей части хозяйства (промышленности, транспорта, кредитной сферы, значительной части торговли) он принял, пользуясь его терминологией, за «необратимые перемены». И вряд ли можно упрекнуть его в том, что он не предвидел современных процессов разгосударствления собственности, приватизации предприятий, формирования смешанной экономики. Вместе с тем Н. Д. Кондратьев в статье «План и предвидение» достаточно четко сформулировал свою позицию о необходимости сочетания плановых начал с развитием рынка и конкуренции 19.

В центре его научных интересов находились не организационные или технические вопросы плановой деятельности, а вопросы методологии плана. Он выделяет три слагаемых плана: систему перспектив, реализация которых имеется в виду органами регулирования хозяйства; анализ объективной хозяйственной действительности и тенденций ее стихийного развития; построение системы мероприятий и средств воздействия государства на ход этого стихийного развития в целях направления его по максимально желательному руслу.

Особое внимание он уделяет реальности планов, резко критикуя отрыв целей плана от имеющихся возможностей, разработку так называемых «смелых» планов. Он призывал не поддаваться гипнозу гигантских, но несбыточных проектов, «фетишизму цифр». «Одно из двух,— писал Н. Д. Кондратьев,— или мы хотим иметь серьезные и реальные планы и в таком случае должны говорить в них лишь то, на что мы имеем известные научные основания; или мы будем продолжать заниматься всевозможными «смелыми» расчетами и выкладками на будущее без достаточных оснований и тогда мы должны заранее примириться, что эти расчеты произвольны, что такие планы лишены реальности. Но какая цель и цена таких планов? В лучшем случае они останутся безвредными, потому что они мертвы для практики. В худшем — они будут вредными, потому что могут ввести практику в жесткие ошибки»²⁰. Эта логика представляется сегодня бесспорной и даже элементар-

¹⁶ «В силу того, что то и другое начало в нашем хозяйстве дано в достаточно резко выявленной форме, ни то, ни другое в отдельности не дано у нас в чистом виде. Поскольку у нас существует рынок, постольку и предприятия государственного сектора одной стороной своей жизни втянуты в рыночные отношения и вынуждены считаться с рынком, как с фактом, стихийное начало вторгается и в орбиту сектора хозяйства, находящегося под непосредственным руководством государства. Поскольку, наоборот, государство непосредственно руководит значительной областью хозяйственной жизни н благодаря этому располагает возможностями мощного воздействия на сферу частного хозяйства и на рынок, стихийное начало под влиянием этого воздействия дано у нас неизбежно в трансформированном виде> (Н. Д. Кондратьев. Проблемы экономической динамики, с. 95).

²⁰ Н. Д. Кондратьев. Проблемы экономической динамики, с. 126—127. В ряде своих выступлений он предупреждал о последствиях волюнтаризма в планировании: наступление на жизненный уровень населения, разрушение сельского хозяйства, неизбежное вслед за этим ухудшение ситуации на товарном рынке и в промышленности. Именно это, как мы знаем, и произошло. Такова цена, которую общество платит за игнорирование выводов и предупреждений экономической науки.

ной. И трудно себе представить, что она встретила яростное сопротивление, став основой предъявления ученому политических обвинений²¹.

В развернувшейся во второй половине 20-х годов дискуссии по вопросу о так называемых генетическом и телеологическом методах планирования Н. Д. Кондратьев высоко оценивал значение первого из них, основанного на проявлении объективных (он обычно писал «стихийных») законов и тенденций экономического и социального развития. Корни такого подхода, как нетрудно убедиться, органически связаны со всей логикой его исследований. Вместе с тем он не отрицал и значимости «телеологического метода», рассматривающего плановую деятельность как механизм реализации заданных целей экономической политики. «Построение перспектив как в плане развития сельского хозяйства, так и в плане развития промышленности неизбежно опирается как на телеологический метод, так и на метод генетический. И различие в употреблении того или другого при построении планов, если оно существует, не качественного, а количественного характера»²².

Генетический и телеологический подходы представляются отнюдь

Генетический и телеологический подходы представляются отнюдь не антиподами, а взаимосвязанными и дополняющими друг друга методами. Целевые установки плана не могут выдвигаться априорно, без учета складывающихся тенденций. Но прошлое не задает будущее развитие однозначно. Общество всегда имеет возможность выбора одного из вариантов своего развития. А это предполагает сопоставление целей как между собой (в том числе их ранжировку во времени), так и с реальными возможностями их достижения.

Сказанное отнюдь не отрицает научной значимости и познавательной ценности генетического метода. Оно лишь имеет цель предостеречь от абсолютизации любого из подходов, подчеркнуть эффективность использования различных подходов при условии их включения в целостную систему форм и методов регулирования экономической жизни.

Особую роль в разработке планов Н. Д. Кондратьев уделял предвидению, сила которого в том, что оно опирается на знание «связей и закономерностей» в развитии экономики, подмеченных при изучении прошлого. Однако он не ограничивается столь общей постановкой вопроса и рассматривает несколько типов предвидения: нерегулярных событий (конкретные размеры урожая или промышленного производства на определенную дату, конкретные размеры экспорта, конкретный уровень цен в определенный момент времени); наступления того или иного более или менее регулярно повторяющегося события; общего развития тех или иных социально-экономических событий.

Проведя их сравнительный анализ, Н. Д. Кондратьев пришел к выводу, что наименее надежным, по существу, случайным является первый тип предвидения. Но, к сожалению, именно он и лег в основу практики разработки народнохозяйственных планов. А для того чтобы снять элемент случайности, несовпадения реальных процессов с намечаемыми «директивами», приступили к детальной росписи плановых заданий, доводя их до конкретных исполнителей.

Что из этого получилось — хорошо известно: бюрократизация плана, сковывание инициативы и потеря стимулов, репрессивные методы

²² Н. Д. Кондратьев. Проблемы экономической динамики, с. 99.

²¹ Отвечая на призывы к реальности планов, С. Струмилин возражал: «Мы ни когда не откажемся от своих целей только потому, что их осуществление не обеспечено стопроцентной реальностью». Но как же все-таки найти недостающие ресурсы и возможности? Ответ прост: «Воля пролетариата и наши планы, концентрирующие эту волю для борьбы за поставленные перед собой задачи, сами могут и должны стать тем решающим шансом, какого недоставало для их успешного разрешения» (С. Г. Струмилин. На плановом фронте. 1920—1930 гг. М., 1958, с. 314). Так создавалась пита тельная среда для проникновения субъективизма в плановую деятельность, для раз работки несбалансированных планов со всеми вытекающими отсюда и столь хорошо известными сегодня последствиями.

«выжимания» плана и связанные с этим приписки. Нужен ли лучший пример для того, чтобы показать, к каким последствиям ведет политическая самоуверенность и нежелание прислушаться к голосу экономической науки?

В своей концепции планирования Н. Д. Кондратьев исходил из необходимости следовать законам развития экономики, охватывать плановым воздействием лишь основные тенденции народного хозяйства. Не отрицая директивных черт плана, он настаивал на том, что его ведущим звеном должно стать предвидение. Можно с полным основанием утверждать, что Н. Д. Кондратьев — главный теоретик концепции «планапрогноза» как одного из вариантов индикативного планирования.

К поиску эффективных методов хозяйствования примыкают и работы Н. Д. Кондратьева по аграрному вопросу. В методологическом плане он исходил из необходимости поддержки и всемерного развития тех хозяйственных форм, которые в состоянии обеспечить прогресс производительных сил и более конкретно — высокую товарность производства. Думается, что с чисто экономической точки зрения такая позиция является безупречной. И сегодня, при обсуждении многочисленных вариантов аграрных реформ нельзя упускать из виду главные критерии — способность различного рода новообразований обеспечить прогресс производства, его интенсификацию и высокую товарность.

Именно с учетом сказанного могут быть правильно поняты и оценены высказывания Н. Д. Кондратьева в поддержку сельскохозяйственной кооперации, прежде всего снабженческо-сбытовой и кредитной, что отнюдь не противоречит развитию фермерских хозяйств. В целом он явно отдает предпочтение «крепким», интенсивно развивающимся товарным крестьянским хозяйствам, выступает за отказ от поддержки немощных хозяйств и «бесхозяйственных форм кооперации», критикует искусственно созданное монопольное положение государственного и кооперативного торгового аппарата.

Современные непростые проблемы возрождения России, обновления ее социально-экономических структур и институтов требуют огромного напряжения сил от всех, от ученых — честности, от политиков — мудрости. И пусть поможет нам память о прошлом, обращение к истокам, к идейному наследию великих мыслителей нашей страны.

* *

В год, когда отмечается 100-летие со дня рождения Николая Дмитриевича Кондратьева, мысли вновь и вновь возвращаются к его научной деятельности и трагической судьбе.

Он прожил всего 46 лет, но это был воистину «большой цикл», оставивший заметный след в истории отечественной и мировой науки. На всю его творческую жизнь — от окончания университета и до ареста — судьба отпустила ему лишь 15 лет. Но и за это время были созданы труды, свидетельствующие об оригинальности ума и энциклопедической образованности ученого. Ему принадлежат капитальные исследования в области теории конъюнктуры, закономерностей и показателей ее динамики, труды по вопросам прогнозирования и перспективного планирования экономического развития, работы по аграрному вопросу и статистике. В последние годы жизни он включил в орбиту своих научных изысканий проблемы социологии и математики.

Большую часть его гигантского и уникального научного наследия удалось собрать, сохранить и передать нынешнему поколению исследователей, которому предстоит осуществить прорыв к новым высотам социально-экономического знания, умножить научную славу России. В этой нескончаемой эстафете поколений — сила и бессмертие науки.

СТАНОВЛЕНИЕ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В водовороте событий конца XX в. нелегко разглядеть глубинные закономерности общественной динамики и генетики, предвидеть вероятные тенденции для мира и России в предстоящем столетии. Господствовавшие прежде парадигмы видения мира и прогностики во многом потерпели крах, новые еще не сложились. Тем важнее заново осмыслить историческую ретроспективу, пульсирующий ритм смены цивилизаций, опираясь на смелые, опередившие свое время идеи Н. Д. Кондратьева о закономерностях общественно-экономической динамики, цикличном, волнообразном ее характере, генетическом подходе к предвидению будущего.

Что такое пивилизация?

Термин «цивилизация», вошедший в научный обиход с XVIII в., имеет множество толкований. Одни отождествляют ее с уровнем культуры, другие рассматривают как ступень исторического развития, пришедшую на смену варварству, третьи — как культурно-исторический тип развития общества, четвертые — как заключительную стадию, период упадка той или иной культуры, пятые — как уровень развития материальной и духовной культуры в рамках общественно-экономической формации.

Здесь под цивилизацией понимается определенная ступень в историческом ритме динамики и генетики общества как целостной системы, в которой взаимно переплетены, дополняя друг друга, материальное и духовное воспроизводство, экономика и политика, социальные отношения и культура. Зачем понадобилось вводить новое понятие взамен привычной, ставшей аксиоматичной категории «общественно-экономическая формация»?

Во-первых, чтобы освободиться от давящей логики примата материального производства в общественном развитии в ущерб духовному, от абсолютизации детерминизма, который сужает свободу выбора для человека, превращающегося в жалкую песчинку в объективно предопределенном потоке смены формаций.

Во-вторых, чтобы преодолеть жесткое пятичленное деление человеческой истории (формации: первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, коммунистическая), завершающееся «концом истории» с наступлением безграничной эры коммунизма, чтобы открыть возможность более свободного поиска и выявления закономерностей исторической ритмики цикличной смены следующих друг за другом цивилизаций в прошлом и будущем человечества.

гом цивилизаций в прошлом и будущем человечества.

Какова структура цивилизации? Это прежде всего человек с присущим ему уровнем потребностей, способностей, знаний, умением и желанием преображать окружающий мир; технологический способ производства, степень разделения и формы кооперации труда; экономические, социальные, политические, национальные отношения; культура и идеология, нравственные ценности и духовный мир человека.

Исторический ритм смены цивилизаций

Изучение ритма смены цивилизаций в прошлом (начиная с неолитической, которая открыла историю человечества и включала в первоначальном виде почти полный набор элементов, составляющих структуру современного общества) позволяет выделить в истории человечества шесть цивилизаций и начало седьмой, становление и расцвет которой придется на следующий век: неолитическая (7—4 тысячелетие до н. э.); восточно-рабовладельческая (3—1 половина I тысячелетия до н. э.); античная (VII в. до н. э.— VI в. н. э.); раннефеодальная (VII — XIII вв.); прединдустриальная (XIV—XVIII вв.); индустриальная (60-е годы XVIII в.— 70-е XX в.); постиндустриальная (80-е годы XX в.— 10-е годы XXII в.). Как названия цивилизаций, так и их хронологические рамки весьма условны, они будут уточнены в процессе дальнейших исследований и дискуссий. Но стоит предложить первый вариант как канву для дискуссий; уже из него можно сделать любопытные выводы о закономерностях, темпах и механизме смены цивилизаций.

- 1. История человечества предстает как ритмичная смена цивилизационных циклов. Каждый из них развивается в последовательной смене фаз: зарождения, возникновения (рождения), становления (распространения, диффузии), зрелости, угасания. На стык двух смежных цивилизаций приходится период кризисов и революций, противоборства ухо дящей и приходящей систем.
- 2. В структуре каждого цивилизационного цикла можно выделить ряд сменяющих друг друга циклов меньшей длительности. Например, в индустриальной цивилизации кондратьевские циклы с примерно полувековой ритмикой, воспроизводственные циклы и экономические кризисы, повторяющиеся каждые 8—10 лет, краткосрочные цикличные колебания (вплоть до сезонных). В этом проявляется закономерность цикличного развития общества, механизм которой раскрыт Н. Д. Кондратьевым.
- 3. Наблюдается отчетливо выраженная тенденция к сокращению длительности цивилизационных циклов, ускорению темпов общественного развития. Так, длительность преобладания индустриальной цивилизации почти в 10 раз меньше, чем восточно-рабовладельческой, в 5,4 раза меньше античной и вдвое прединдустриальной. Биение исторического пульса учащается, можно ожидать, что эта тенденция сохранится и на будущее (на чем основан прогноз о длительности постиндустриальной цивилизации в 1,3 века). А затем последуют очередные цивилизации.
- 4. Отсчет времени ведется по эпицентрам цивилизаций, которые часто меняются. Переворот осуществляется в стране или группе стран, имеющих «критическую массу» уровня развития и противоречий. В то же время каждая страна имеет свой неповторимый почерк исторической ритмики, хотя и испытывает на себе резонансное воздействие общечеловеческой динамики. При этом отдельные страны и регионы могут «перескочить» через один-два этапа, переместиться с периферии к эпицентру, или затормозить движение, вновь сдвинуться к периферии.
- В то же время следует учитывать, что цивилизации никогда не встречаются в «чистом», строго отвечающем основным своим признакам виде. В каждый исторический момент в каждой стране мы имеем дело с «тройкой», а то и «четверкой» разных цивилизаций: уходящей, преобладающей и приходящей, а также реликтами давно прошедших времен. Нужны четкие критерии, сложный качественный и количественный анализ, чтобы в этом разобраться, дифференцировать взаимодействующие и противоборствующие наслоения разных цивилизаций во всем их разнообразии и динамичности.
- 5. Каков механизм смены цивилизаций? Зачатки будущей цивилизации зарождаются в недрах предшествующей на фазе ее зрелости. Причем предвестники будущей «бури» одновременно проявляются и в материальном производстве (замедление темпов экономического роста, падение эффективности воспроизводства), и в духовной сфере: наиболее чуткие ученые и деятели культуры подвергают критике господствующие парадигмы и художественные взгляды, нарастают интеллектуальные предпосылки будущей цивилизации. Это противоречие явственно обнаруживается и многократно обостряется в период всеобщего кризиса цивилизации (который длился от нескольких столетий в древности до нескольких десятилетий в нашу эпоху). Элементы уходящей цивилиза-

ции уже прогнили, не могут обеспечить нормальных условий воспроизводства и жизни широких масс, а элементы новой еще слабы. Кризисы в экономике и духовной сфере дополняются социально-политическими столкновениями, революциями и войнами, которые сопровождаются частичным разрушением производительных сил, падением производства, безработицей и инфляцией, появлением множества противоборствующих научных теорий и художественных течений. Этот бурный всплеск противоречий постепенно спадает на стадии становления; новой цивилизации. Революции сменяются контрреволюциями, устраняются забегания вперед, амплитуда колебания исторического маятника на время уменьшается — до очерёдного взрыва.

6. Первоисточником и движущей силой всех этих перемен являются человек, изменения, которые происходят в отдельных личностях, социальных группах и слоях, в противоречивом единстве их духовных устремлений и экономического бытия. Как же совместить неповторимую индивидуальность каждого человека, свободу его выбора с закономерной сменой цивилизаций и их фаз, как предвидеть будущий ход исторического действия? Задумываясь над этим парадоксом, Н. Д. Кондратьев отмечал, что закономерность социально-экономических явлений опирается на закон больших чисел, имеет структурно-вероятностный характер, вероятность закономерного хода явлений социально-экономического мира значительно ниже, а вероятность уклонения событий от законномерной линии их хода значительно выше, чем в мире физико-химических явлений'.

Особенно ярко вероятностный характер реализации закономерностей цикличного развития общества проявляется в переломные эпохи: от сочетания множества факторов, а иногда и случайных событий зависит, по какой из возможных альтернативных дорог пойдет тот или иной народ. Роль субъективного фактора, исторических личностей здесь чрез вычайно велика. И это многократно подтверждается историей каждой страны.

Такова лишь общая, принципиальная схема общественной динамики, генезиса цивилизаций. Конкретные пути его многообразны, поэтому так трудно предвидеть будущее каждой страны.

Кризис индустриальной цивилизации и становление постиндустриальной

Нам и нашим современникам и повезло, и не повезло. Очень интересно быть свидетелями и участниками исторического перелома, который случается далеко не каждое столетие. Но одновременно это и мучительный период агонии старого и «родовых мук» возникновения нового мира, падения уровня жизни, социальных потрясений, ломки устоявшихся стереотипов жизни и мышления, поиска новых.

¹ Кондратьев Н. Д. Основные проблемы экономической динамики. Предварительный эскиз. М.: Наука, 1991, с. 239, 242.

Кризис индустриальной цивилизации — это целая историческая эпоха, охватившая примерно три четверти нынешнего столетия. Она включила смену двух кондратьевских циклов и сопутствующие ей глубокие мировые экономические кризисы, две мировые войны и последовавшие за ними революционные волны, формирование и крах тоталитаризма в различных его разновидностях (фашизм, сталинизм, маоизм и т. п.). Сюда вошел также период возникновения, стремительного распространения и крушения социализма как попытка найти новый выход из кризиса индустриально-буржуазного общества, воплотить на практике столетиями вызревавшие и получившие марксистское обоснование идеалы социально-уравнительного общества, планомерно управляемого и бескризисного. Однако идеалы эти в конечном счете оказались во многом, весьма существенном, утопичными, отрицательно сказались на творческой активности людей и эффективности воспроизводства. Каковы главные черты и перспективы преодоления кризиса индустриальной цивилизации?

Во-первых, это всеобщий кризис, пронизывающий все элементы структуры цивилизации. Кризис в человеке, его знаниях, умении, потребностях, в науке и образовании, что сделало функциональную неграмотность и профессиональную некомпетентность широко распроестраненным явлением. Кризис структуры воспроизводства, милитаристского, ресурсорасточительного, наносящего огромный, во многом непоправимый ущерб окружающей природной среде. Кризис государственного вмешательства в экономику (особенно в бывших соцстранах), чрезмерной этатизации собственности, зарегулирования рынка. Кризис социально-политических и национальных отношений, крушение тоталитарных режимов, взрыв национализма, распад колониальных империй, а затем и ряда федеративных государств. Кризис в области культуры и идеологии, распространение массовой отупляющей антикультуры, жестко централизованных систем идеологического господства и оболванивания людей.

Во-вторых, это глобальный кризис, охвативший всю планету. Его очаги и вспышки зарождаются то в одной, то в другой стране, распространяясь затем волнообразно из эпицентров на периферию. Значительно возросла взаимозависимость в динамике отдельных звеньев общечеловеческой цепи. Распад мировых систем и империй сопровождается появлением и укреплением интеграционных узлов на целых материках (например, в Западной Европе). На фоне возрождения национальных культур становится все более ощутимым единство общечеловеческой культуры.

В-третьих, неоднозначен исход нынешнего кризиса цивилизации. Возможны разные последствия. Впервые стала реальной угроза конца истории, гибели всего живого на Земле в результате ядерной войны. Более оптимистический вариант возник в связи с прекращением противостояния двух систем, холодной войны, началом всеобщего разоружения, превращением бывших смертельных противников в партнеров. Но при этом нельзя не замечать подстерегающих опасностей новой волны милитаризма в результате межнациональных конфликтов, растущей бедности большинства населения Земли, распространения опасных болезней как попутного продукта цивилизации, угрозы экологических и техногенных катастроф.

Путь в будущее отнюдь не усеян розами. Однако нет сомнения в том, что этот кризис (как и все предшествовавшие) конечен, что он служит неизбежной фазой на пути цикличного, поступательного движения всего человечества. В историческом плане кризис играет прогрессивную роль, ускоряя гибель устаревших элементов системы, расчищая путь для новой цивилизации и передавая по наследству то, что поступает в растущую сокровищницу общечеловеческой культуры.

- Уже сейчас все более отчетливо проступают главные черты постиндустриальной цивилизации, которая станет преобладающей и достигнет расцвета в XXI в, Причем речь идет не о предсказании желаемых тенденций, отвечающих тому или иному идеалу, а о тех реальных живых ростках будущего общества, которые уже есть в жизни. О каких чертах идет речь?
- 1. Человек XXI века будет отличаться более высоким уровнем знаний, адекватным представлением о законах и закономерностях статики, динамики и генетики общественных и природных систем, умением эффективно применять эти знания в практической деятельности, что поможет успешно выполнять разнообразные функции в быстроменяющемся наукоемком мире. Коренным образом изменятся содержание, методы, организация образования, которое будет нацелено на развитие творческого потенциала каждого человека, завершится формирование системы непрерывного образования (в ряде развитых стран она практически уже действует).
- 2. Гуманизация воспроизводства. Демилитаризация и экологизация экономики открывают дорогу коренной перестройке структуры воспроизводства, возвращению к естественному приоритету удовлетворения личных потребностей человека (духовных и материальных) и созданию необходимых для этого средств производства. При значительном сокращении в структуре воспроизводства доли военного сектора и обслуживающих его секторов возрастет удельный вес экологически чистого продовольствия, высокотехнологичных товаров и услуг, интеллектуального продукта (науки и культуры), нужных для их производства машин, приборов, материалов. Возрастут масштабы международного обмена продуктами высокой степени обработки, интеллектуальными продуктами при сокращении доли торговли первичным сырьем и топливом. Сила интеллекта, производственного аппарата будет нацелена главным образом на потребительский сектор. Первоначальный эталон будущей структуры воспроизводства можно видеть в современной Японии, чем и объясняются так называемое «японское чудо», устойчивость японской экономики к кризисным потрясениям в мире.
- 3. Многоукладная социально-рыночная экономика, органично сочетающая различные формы собственности и уровни концентрации производства (мелкие, средние и крупные предприятия), специализацию и диверсификацию, рыночное хозяйство с мягкими формами его регулирования, жесткую конкуренцию с развитой системой социальной защиты. Речь не идет о реставрации свободной конкуренции образца XIX в., а о новом шаге вперед в освоении цивилизованных, гораздо более эффективных форм экономических отношений. Образцы таких форм мы видим сейчас в Германии, Швеции, Дании.
- 4. Демократически правовое государство, построенное на приоритете и могущественной правовой защите интересов, прав, свободы личности, четком законодательном регулировании экономических и социальных отношений, на сбалансированном разделении властей (не только традиционных законодательной, исполнительной и судебной, но и экономической, партийно-политической и идеологической). Хотя формы государственной власти могут периодически меняться, однако при этом важно избежать тоталитаризма, монополизации всех властей в одних руках или «разгула» демократии и анархии. Примером будущего государственно-политического строя могут служить США.
- 5. Предстоящие десятилетия будут периодом национального возрождения как реакция на прежнюю тенденцию игнорирования и стирания национальных особенностей, формального федерализма. На первых порах не избежать преувеличения национальных особенностей и интересов, но затем будет достигнуто новое равновесие, не допускающее ограничения прав любого человека по национальному признаку,

дающее возможность свободного выбора языка, форм образования, работы, места жительства. Добровольные союзы равноправных наций будут в перспективе усиливаться, ибо невозможно безболезненно разорвать общность технологических, экономических и культурных связей. Образцом такого типа национальных отношений может считаться Швейцарская конфедерация.

6. Важнейшими чертами постиндустриальной цивилизации станут возрождение высокой культуры, первенство духовного воспроизводства. Будут преодолеваться шаблонизирующее воздействие крупной машинной индустрии на человека как на унифицированный винтик в производственной и политической машине, усредняющее влияние на личность стандартной системы образования, массовой антикультуры, мощного пресса средств массовой информации. Воспроизводственные процессы и социально-политическая жизнь индивидуализируются, создаются условия для проявления разносторонних способностей, своеобразия каждой человеческой личности. Тенденцию ренессанса искусства включили в число десяти ведущих мировых тенденций 90-х годов Дж. Нейсбит и П. Абурден, опираясь на реальные факты экономической и социальнокультурной жизни США, стран Западной Европы. Можно предполагать, что эта реальная тенденция будет еще более отчетливой и широкой в XXI в. по мере насыщения материальных потребностей (в питании, одежде, жилье и т. п.). Интерес (и потребительский спрос) человека все более будет перемещаться в сферу духовных ценностей, продуктов науки и культуры.

Не приходится рассчитывать, что все перечисленные основные черты постиндустриальной цивилизации придут сразу в готовом виде, легко и безболезненно. Мы несем бремя мучительного перелома переходного периода между двумя цивилизациями, который займет не одно десятилетие, потребует немало жертв.

Россия в историческом ритме смены цивилизаций: прошлое, настоящее, будущее

Россия (предшествовавшие ей племена и народы) с запозданием начала свой исторический путь: неолитическая цивилизация развернулась здесь на пару тысячелетий позднее, чем в ее эпицентрах (если считать по Северному Кавказу, в нынешней центральной части России еще позднее), а восточноевропейская и античная практически прошли по сокращенному циклу и не в полном объеме. Однако в период раннефеодальной цивилизации расцвет экономики, торговли, культуры начался примерно в то же время, что и в ряде стран Западной Европы. Об этом говорят результаты изучения истории Киевской Руси, Новгорода и Пскова. Татаро-монгольское нашествие затормозило ход исторического прогресса, тяжело сказалось и смутное время. Петр I резко сократил разрыв, приблизил Россию к эпицентрам прединдустриальной цивилизации, плоды этого ощущались еще при Екатерине II. Однако в освоении индустриальной цивилизации вновь наблюдалось отставание — почти на столетие. Лишь в конце XIX — начале XX в. прогресс пошел стремительными темпами: Россия обладала, пожалуй, наиболее мощным интеллектуальным потенциалом.

Первая и вторая мировые и гражданская войны, коллективизация и репрессии, планомерное уничтожение и подавление интеллектуального потенциала, растущий гнет милитаризма, господство партийно-государственно-хозяйственно-военного аппарата, предельный уровень монополизации, порождающий загнивание,— все это привело к тому, что Россия потеряла значительную часть былого интеллектуального потенциала, природных богатств. Непосильное бремя гонки вооружений, ресурсорасточительный тип воспроизводства в сочетании с раздутыми внеш-

ними обязательствами и неблагоприятной структурой внешней торговли истощили экономику страны. Поток нефтедолларов, хлынувший в страну в период энергетического кризиса, продлил агонию одряхлевшей, нежизнеспособной системы, тем страшнее стало пробуждение.

Структура нынешнего всеобщего кризиса, поразившего все стороны жизни страны, все уровни воспроизводства, включает следующие основные элементы.

- 1. Кризис человека, уровня его подготовки, умения и желания эффективно трудиться, принимать самостоятельные решения и отвечать за их последствия, склонность к иждивенчеству и уравнительности. Это самый тяжелый продукт тоталитарного режима, определяющий все остальное. Деинтеллектуализация общества принесла свои плоды.
- 2. Технологический кризис, сложившийся огромный производственный аппарат, оснащенный устаревшими поколениями техники, пожирающий ресурсы и наносящий растущий ущерб окружающей среде, неспособный производить конкурентоспособную, качественную продукцию. Антиинновационная направленность хозяйственного механизма и кризис еще больше затруднили обновление технической базы общества, которая в значительной своей части не имеет будущего.
- 3. Тяжелый и затяжной экономический кризис, неэффективность уродливой структуры воспроизводства, в которой приоритет был отданвоенно-промышленному комплексу и тяжелой промышленности, а потребительский сектор влачил жалкое существование на задворках пиршества. Такая экономика была обречена на глубокий кризис. И обвальный кризис разразился в начале 90-х годов.
- 4. Отчуждение работников от собственности, уравнительное распределение небогатого произведенного продукта между работниками и коллективами, ограничение рынка и подавление инфляции привели к незачитересованности работника в улучшении конечных результатов, к кризису всей системы экономических отношений.
- 5. Кризис охватил сферу социально-политических и национальных отношений. Избавившись от диктата партии, обеспечив гласность, разрушив СССР, новые лидеры оказались не в состоянии справиться с кризисной обстановкой, выработать и по-деловому реализовать программу возрождения России и других республик бывшего Союза. Следствием стали усиление дезинтеграционных тенденций, межнациональные конфликты, непродуманные решения, выданные векселя, по которым нечем платить, перерастание галопирующей инфляции в гиперинфляцию, падение уровня жизни и рост недовольства масс, расширение массовой базы для новой диктатуры. Завоевав беспредельную демократию, народ оказался неготовым к тому, чтобы воспользоваться плодами победы. Некомпетентное вмешательство в экономические процессы еще больше обострило социально-экономический и политический кризисы.
- 6. Кризис духовной сферы, науки и культуры, прорыв грязной волны антикультуры, крах прежних идеалов, рост бездуховности, алкоголизма, наркомании, преступности тяжелый урон, наносимый культурному наследию. Все это поставило под удар духовный потенциал нации.

Перечисленные выше кризисные потоки сливаются в один бушующий «девятый вал», все сметающий на своем пути. Кризис еще не дошел до предельной глубины, поскольку перестройка структуры воспроизводства и сознания людей требует много лет. Но рано или поздно кризис неизбежно кончится. Каковы же перспективы России в конце нынешнего— начале будущего века? Рассмотрим три реально возможных сценария будущего.

Пессимистический сценарий. Кризис затянется еще на 4—5 лет и отбросит страну на периферию мирового прогресса на многие десятилетия. Распад военно-промышленного комплекса, кризис науки, крупномасштабная утечка за границу «мозгов» и талантов сделают невоз-

можным выход в ближайшие десятилетия на технологический уровень развитых стран. Эксперименты с приватизацией и переход к «дикому рынку», огромная безработица, обнищание большинства населения, резкое усиление дифференциации доходов, гиперинфляция — все это вызовет накопление недовольства, создаст базу для продолжения распадафедерации, установления диктатуры, новой волны милитаризма. Переход России к постиндустриальной цивилизации надолго отодвинется, затормозится такой переход и для всего человечества из-за военной угрозы со стороны отдельных агрессивных элементов распавшегося Союза.

Оптимистический сиенарий. Кризис и революционный переворот вызывают взрывную энергию масс. Формируется поколение лидеров и работников, адаптированных к новым условиям. Приватизация и инновационные стимулы рыночной экономики помогут ускорить перетоки капиталов, начать возрождение с потребительского сектора, привлечь в достаточно широких масштабах вложения иностранного капитала с высокими технологиями. Через год-два станет вновь увеличиваться число рабочих мест, сократятся темпы инфляции, начнется нелегкий путь выздоровления экономики, но при условии, что будет обеспечена политическая стабильность и социальное нетерпение обратится в конструктивные шаги по наполнению рынка. На рубеже XXI в. начнется ускоренный переход к новой цивилизации. Россия при таком счастливом развороте событий не только будет приближаться к авангарду движения к постиндустриальной цивилизации, но и станет способствовать ускорению перехода к ней всего человечества. Такой вариант возможен: об этом говорит опыт России, в первый период нэпа, Китая — в начальный период реформы.

Однако более вероятен реалистический сценарий, когда путь преодоления всех сторон кризиса, возрождение, движение к расцвету будут продолжаться долго и стоить дорого, кризис затянется на 2—3 года, после чего удастся приостановить падение производства и затем начать его подъем. С помощью Запада будут осуществлены конверсия, перестройка технологической базы производства, повысится конкурентоспособность продукции. Будет сформирована многоукладная рыночная экономика и постепенно обеспечен уровень социальной защиты, предотвращающий политический взрыв и установление диктатуры. Со временем возрастет роль России в мировом движении к новой цивилизации, что само по себе станет дополнительным фактором, гарантирующим процесс становления постиндустриальной цивилизации в мире. Для этого нужны сознательный выбор и конкретные дела².

² Изложенные в статье вопросы более подробно рассматриваются в монографии автора «У истоков новых цивилизаций», которая готовится к публикации издательством «Дело».

АГРАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ТРУДАХ Н. Д. КОНДРАТЬЕВА

Воздавая дань заслуженного внимания, уважения и почитания светлой памяти Николая Дмитриевича Кондратьева, мы вновь и вновь мысленно обращаемся к его судьбе, месту и роли в науке, к его жизненной позиции, трудам и оставленному потомкам научному наследию, а также к тому, как мы, его потомки, пользуемся этим наследием и как лучше это слелать.

Судьба Николая Дмитриевича, к глубокому сожалению, типична для многих талантов и гениев России: короткая, яркая, спрессованная до предела творческим трудом жизнь; стремительный полет мысли с прорывом в будущее и заметным отрывом от господствовавших воззрений; бешеная травля со стороны власть предержащих при жизни с приклеиванием политических ярлыков и накапливанием «компромата» при его полном отсутствии; судьба, обязательно кончавшаяся либо ГУЛАГом, либо вынужденной эмиграцией, но всегда в своем отечестве с трагическим финалом: сначала признание на чужбине и затем запоздалое признание на Родине.

Это драма человека, однако гораздо большая драма для всей страны и народа. Такова судьба и таков жизненный путь многих невостребованных в свое время талантов. В этом какой-то злой рок, тяготеющий над Россией. Он был всегда, начиная с первого нашего экономиста Ивана Посошкова, горячего сторонника петровских преобразований, погибшего в Петропавловской крепости. Но XX век, особенно в 30—40-е годы, поставил беспрецедентные рекорды по истреблению интеллектуального и генетического потенциала нации.

Жизненная и гражданская позиция, личность Николая Дмитриевича отмечены цельностью и целеустремленностью. Революционная, демократическая, антимонархистская и антилатифундистская деятельность с раннего юношества. Жажда знаний и разносторонность интересов до, во время студенчества в Санкт-Петербургском университете и всю жизнь. Исследовательская работа еще на студенческой скамье. Позднее — научная, учебная, общественная и государственная деятельность как бы слились воедино и по крутой спирали поднимались вверх от частного к общему, охватывая проблемы макроэкономики, социологии, методологии.

Лет пять-шесть назад случай свел меня в Новосибирске с ныне уже покойным Александром Ивановичем Дегтяревым, в 30—40-е годы прошедшим все круги гулаговского ада, чудом оставшимся живым, сохранившим ясность мысли и доброе отношение к людям до конца своей жизни. В начале 20-х годов он был студентом Тимирязевской академии и на последних курсах подрабатывал лаборантом на кафедре профессора Кондратьева. Когда заговорили об учителе, его глаза потеплели и засветились. Он сказал, что более честного, строгого, требовательного и внимательного человека в науке никогда больше не встречал: десятки и десятки раз проверяли каждую цифру и каждый факт, ибо малейшая неточность считалась постыдным и недопустимым делом. Этого не мог позволить профессор, старались не допускать и его помощники.

Николай Дмитриевич никогда не кривил душой. Об этом свидетельствуют его многочисленные выступления в разных комитетах и комиссиях, в государственных и общественных организациях, которые откры-

ваются сейчас в архивах. Об этом же говорят его опубликованные и ожидающие публикации работы. Н. Д. Кондратьев — подлинный, неподкупный рыцарь науки, рыцарь гражданственности.

Последняя, недавно увидевшая свет его исключительно глубокая по содержанию методологическая монография «Основные проблемы экономической статики и динамики» написана в сталинских застенках и сохранена его женой и дочерью. Так же поступали его современники и друзья: Александр Васильевич Чаянов, написавший в Бутырской тюрьме и алма-атинской ссылке две работы, Николай Иванович Вавилов — в саратовской тюрьме — историю мирового земледелия.

И еще об одной черте характера Николая Дмитриевича — патриотизме. В середине 20-х годов он выезжал с чтением цикла лекций в престижные университеты Великобритании и Америки, ему предлагали кафедры и институты. Но он не принял этих предложений. Вернулся в полуголодную Россию, чтобы вложить свой ум, опыт, знания и силы в дело ее возрождения и расцвета. Так поступают только подлинные, а не митинговые и застольные патриоты. Вместе с тем это не «квасной» патриотизм псевдославянофильского толка. Профессор Кондратьев в своем мировоззрении охватывал глобальные проблемы, и он принадлежит сегодня не только России, но и всему миру, мировой науке.

Николай Дмитриевич входил в плеяду талантливых ученых-экономистов, объединявшихся поначалу в так называемое организационнопроизводственное направление, зародившееся еще перед первой мировой войной. Позднее, в 1917 г., он работал в Лиге аграрных реформ, в Высшей семинарии, а затем в Институте сельскохозяйственной экономики и политики при ТСХА, который возглавлял А. В. Чаянов.

Противники этих прогрессивных ученых выделяли Н. Д. Кондратьева как идейного вождя и главу, как идеолога. Совокупность его работ, особенно по аграрному вопросу, небезызвестный Григорий Зиновьев, лидер ленинградских большевиков и председатель Коминтерна, слово которого тогда воспринималось как официальная установка, в одном из номеров журнала «Большевик» за 1927 г. назвал «манифестом кулацкой партии», посвятив этому огромную статью-пасквиль. Статья стала детонатором разнузданной травли ученых, пошли в ход хлесткие термины «кондратьевщина» и «чаяновщина», тут же была выдумана никогда не существовавшая контрреволюционная «Трудовая крестьянская партия», а в июне 1930 г. начались массовые аресты ученых и специалистов, закончившиеся трагически для Николая Дмитриевича, Александра Васильевича и для многих других. Эта всесоюзная варфоломеевская ночь под корень вырубила передовую в мире агроэкономическую науку нашей страны, надолго отбросив ее на обочину поступательного развития науки.

Профессору Кондратьеву инкриминировались предложения: снизить нереально высокие, разоряющие деревню темпы индустриализации; не допускать репрессий по отношению к зажиточным крестьянам; снизить непомерно высокие цены на промышленные товары, ликвидировав ценовые «ножницы»; противостоять любым «пролетарским» крайностям и насилию в хозяйственном строительстве; строить инвестиционную политику с учетом эффективности вложений; соизмерять уровень заработной платы с производительностью труда, а не исходить из уравнительного принципа, столь любезного комбедовским и люмпенским слоям; ослабить монополию внешней торговли. Вот и все «грехи» Николая Дмитриевича Кондратьева против пролетарской власти. А ведь это азы нормального, здравого хозяйствования, если отбросить идеологическую зацикленность. Но власти стояли на диаметрально противоположных позициях по данным вопросам. Они тогда боролись с так называемыми «правыми», мечтали о мировой революции и уже предрешили

свертывание нэпа, обеспечившего ежегодный прирост производства в сельском хозяйстве на 10%.

Что же главное в научном наследии Н. Д. Кондратьева? Я не стану останавливаться на общеэкономических проблемах, изложенных в статьях Л. Абалкина и Ю. Яковца: ни на больших циклах Кондратьева, принесших ему мировую славу, ни на проблемах статики и динамики. Сосредоточусь на аграрных вопросах, да и то телеграфно, хотя более половины его научных изысканий связано с аграрным вопросом и крестьянством. Это традиционно для наших экономистов XIX и первой трети ХХ в. И не потому, что Россия была страной крестьянской, а потому, как отмечал еще С. Ю. Витте: «Государство не может быть сильно, коль скоро главный оплот его — крестьянство слабо»¹. Николай Дмитриевич и его единомышленники хотели, чтобы Россия была сильной, а ее граждане жили зажиточно и счастливо.

Н. Д. Кондратьев рассматривал сельское хозяйство макроэкономически и в связи со всем народнохозяйственным комплексом, не вырывая его из единой и взаимосвязанной экономической системы. Он писал: «...Чистое или простое хозяйство есть миф. Никакого хозяйства вне Общества история не знает, как не знает и человека вне общества... Всякое единичное хозяйство всегда несет на себе печать того социального строя, в котором оно существует»². Данное методологическое положение имеет важнейшее практическое значение. Дело в том, что в инвестиционной политике это элементарное требование не соблюдается, нарушается системность, эффективность вложений остается край-

Н. Д. Кондратьев был сторонником социализации земли, как и все эсеры, и не разделял идеи частной собственности на землю. Но нало иметь в виду, что частными собственниками были помещики. Он признавал при этом неотъемлемое право на землю каждого человека, который на ней работает: «...право человека на жизнь приводит нас неизбежно к трудовому праву на землю. Каждый человек имеет право на жизнь. Следовательно, каждый имеет и трудовое право на землю... И пока он или его семья работают над этой землей, никто не имеет права мешать ему пользоваться, улучшать ее и получать с нее доходы...»

Основой аграрного строя России Николай Дмитриевич считал передовое крестьянское хозяйство, но не исключал и другие формы хозяйствования. Он писал: «Мы не сможем всю жизнь постричь под один номер... Какую же форму трудового землепользования мы признаем: личную, общинную или артельную? И ту, и другую, и третью. Вот единственный ответ, который можно дать на этот вопрос... Это зависит от местных условий»⁴

Данные положения принципиально важны. Ведь в 1929—1930 гг. «постригли» всю страну под один номер, и не лучший, ввергнув ее в перманентный аграрный кризис. На Старой площади Москвы утверждали и составляли графики насильственной коллективизации по кварталам в разрезе областей и регионов. Не дай бог, если кому-то взбредет в голову и сейчас составлять новые графики, хотя бы и с другим знаком.

Обсуждаемый в нашей научной и политической печати на остро полемических тонах вопрос: кто накормит страну — фермер или колхоз— абсолютно беспочвенный. Он идет от тоталитарного мышления, от той же «стрижки» под один номер. Накормит крестьянин, и только

¹ Витте С. Ю. Избранные воспоминания. М., Мысль, 1991, с 511.

² Кондратьев Н. АД. Основные проблемы экономической статики и динамики. М., Наука, 1991, с. 76.
³ Кондратьев Н. Д. Аграрный вопрос: о земле и земельных порядках. М., 1917, с. 30. 4 Там же, с 39—40.

крестьянин. А как ему вести хозяйство: индивидуально или коллективно— это его дело, в которое недопустимо вмешательство государственных органов. Их функция — создать побыстрее благоприятные правовые, экономические, социальные, сервисные и другие условия для крестьянина и дать возможность ему проявить предприимчивость, иметь собственность.

Н. Д. Кондратьев изучал процессы дифференциации крестьянских хозяйств как в дореволюционный период (по данным земской статистики), так и в 20-е годы. Она всегда была, но проявлялась по-разному. Была ведь дифференциация колхозов и совхозов, есть она и в наши дни. Это объективный процесс. В наше время пытались бороться с ним дифференциацией цен, списанием долгов и т. д. Ученый считал чрезвычайно опасной ошибкой «переоценку процесса дифференциации, переоценку значения кулацких слоев деревни... легко находить кулаков там, где имеет место здоровый, энергичный слой крестьянских хозяйств с наиболее высокой производительностью труда и наиболее быстрым накоплением...». Он предлагал «дать простор здоровой инициативе массового сельскохозяйственного производства» 5. Особенно актуально это сегодня, когда предстоит восстановить разрушенное до основания предпринимательство в аграрной сфере.

Николай Дмитриевич не мыслил Россию страной — импортером продовольствия. Он видел ее только экспортером, что возможно на основе роста товарности крестьянского хозяйства, накопления в аграрном секторе, исключения ценовых ножниц, всемерного развития кооперации. Причем кооперация противостоит парцеллизации хозяйств и создает соответствующий сервис.

Итак, аграрный строй, по Кондратьеву, базируется на трудовом крестьянском хозяйстве, развитой кооперации, ценовом паритете, сервисе и обеспечении техникой, на науке и компетентных, инициативных слоях крестьянства. К сожалению, жизнь не пошла на Руси с конца 20-х годов ни по Кондратьеву, ни по Чаянову. В этом наша национальная драма. Объективная необходимость диктует последовательное, бескомпромиссное и взвешенное осуществление аграрной реформы. О реформах Н. Д. Кондратьев высказался также совершенно недвусмысленно. Он выдвинул три условия рационального) реформирования: во-первых, реформы должны быть реалистичными, выполнимыми и непременно осуществляться, во-вторых они должны приводить к повышению производительности или но крайней мере не приводить к понижению и, в-третьих, отвечать требованию справедливости⁶. У нас с этими принципами пока что далеко не благополучно. Наоборот, они нарушены. Все свелось к либерализации цен, вызвавшей беспрецедентно крутой виток инфляции.

Николай Дмитриевич видел *противоречия между эффективностью экономической и социальной*, разрешить которые не всегда удается. Но выход должен быть найден. Иначе приходится иметь дело либо с падением производства, либо с социальной напряженностью. Сейчас в нашей стране налицо и то, и другое.

Много внимания Н. Д. Кондратьев уделял сельскохозяйственному рынку и его регулированию со стороны государства. Он не мыслил нерегулируемого рынка. Воздействие бывает прямое и косвенное. На огромном фактическом материале он показал, что никакое государственное вмешательство не может заменить рынок и выполняемые им воспроизводственные функции. Огромные усилия царской администрации, Временного, а затем и Советского правительства ничего не дали для

⁵ На аграрном фронте, 1926, № 9, с. 119.

⁶ Кондратьев Н.Д., Макаров Н.П. О крупнокрестьянских хозяйствах. П. 1917, с 22.

смягчения острейшего продовольственного кризиса, только обескровили крестьян ^{7} .

Это надо помнить, чтобы под влиянием навалившейся на нас лавины трудностей с продовольствием, а также ностальгии среди некоторых слоев населения по былому «порядку» кое-кто не ввергнул бы страну в новое насилие. При развалившейся и никогда не блиставшей порядочностью системе снабжения, невообразимых ценовых «ножницах» товарное сельскохозяйственное производство просто умрет, перейдет на лопату с мотыгой. Это может произойти с нарождающимся фермером и с другими формами хозяйствования. Кто же тогда обеспечит 110-миллионное городское население России да с прибывающими беженцами и сотнями тысяч военнослужащих? Поэтому еще и еще раз надо последовательно, взвешенно осуществлять реформу, соблюдая принципы, выработанные наукой и оправдавшие себя во всех развитых странах мира.

Как рассматривает Н. Д. Кондратьев соотношение *плана и рынка?* Он не отвергает планирование, но не приемлет его директивный характер. Рыночные и плановые элементы находятся в диалектическом сочетании. План не может и не должен быть директивой, а только лишь прогнозом, учитывающим сложившуюся обстановку, тенденции развития сельского хозяйства, экономические и технические факторы этого развития.

Ученый много занимался конъюнктурой рынка, создал Конъюнктурный институт, которым руководил до его закрытия. Видимо, такой институт надо возродить, как возрожден Аграрный институт. Отслеживание конъюнктуры по всем ее направлениям столь же важно, как и социально-экономический мониторинг по аграрной реформе, который уже рождается и действует.

Кондратьевское научное наследие не только многообразно, богато, методологически безупречно, но и невообразимо современно. Ставка на возрождение инициативного, компетентного, самостоятельного крестьянина, которому чужда иждивенческо-люмпенская психология; воссоздание полнокровной кооперации во всех ее формах (производственной, кредитной, сбытовой, снабженческой, мелиоративной и т. д.) как на базе инфраструктуры колхозов и совхозов, так и другой; немедленный ценовой паритет с быстрейшим изживанием монополизма и системой льгот для села; поддержка науки и переподготовки кадров; пересмотр инвестиционной и внешнеэкономической политики в интересах быстрейшей реновации третьей сферы агропромышленного комплекса. Все изложенное созвучно идеям Н. Д. Кондратьева и представляет собой неотьемлемые контуры оздоровления российского села. Долг ученых развивать идеи Н. Д. Кондратьева с учетом наших реалий.

Жизнь и творчество Николая Дмитриевича — достойный пример для нас. Его подвижническая деятельность, полная драматизма жизнь, вся методология работы как ученого — это неиссякаемый источник вдохновения для нашего поколения при решении нелегких задач. Нам предстоит создать современную аграрную теорию, обосновать современную структуру аграрной сферы России, воссоздать здоровый сельский быт, духовность и психологию в возрождающейся российской экономике. Работы и наследие Н. Д. Кондратьева, равно как и А. В. Чаянова, Н. И. Вавилова, П. А. Сорокина, — надежный ориентир в осуществлении преобразования экономики России на разумных ос-

новах.

⁷ Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов. М., 1923, с. 78, 201.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ТЕХНИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ИХ ДЕФОРМАЦИИ

Наука уже не раз сталкивалась с необходимостью теоретического объяснения периодически происходящих изменений в экономике и в обществе. Теперь можно считать общепризнанным, что многочисленные исследования данной проблемы в той или иной степени исходят из фундаментальных положений классических работ Н. Д. Кондратьева'. Это касается прежде всего того, что экономическая жизнь общества имеет не простой и линейный, а сложный и циклический характер; что в циклах происходит чередование фаз подъема, кризиса и депрессии; что до начала восходящей волны каждого большого цикла наблюдаются значительные изменения в жизни общества, связанные с появлением новых технических нововведений и т. д.

Плодотворную гипотезу о природе и характере длинных волн высказал Й. Шумпетер². Он считал, что основа длинных волн — нововведения, приходящие на смену традиционным технологическим способам. Шумпетер вслед за Кондратьевым связывал циклический характер развития с изменениями в системе экономических отношений, с созданием новых отраслей промышленности и вызываемыми ими изменениями в экономической конъюнктуре.

В последнее время в теориях длинных волн заметно проявляется интеграция различных подходов к объяснению природы циклических колебаний. Все больше сторонников получает концепция, в соответствии с которой первопричиной длинных волн выступает научно-технический прогресс³, Наиболее продуктивной, с нашей точки зрения, в этом плане оказалась концепция технологических укладов, предложенная С. Глазьевым⁴. В ее основе лежит представление о технико-экономическим развитии как о процессе периодической смены технологических укладов — комплексов взаимосвязанных и взаимодополняющих производств, объединяемых в единую воспроизводственную цепь. Жизненный цикл технологического уклада образует содержание соответствующего этапа НТП.

Изучение закономерностей технико-экономического развития имеет принципиальное значение для выбора эффективных стратегий структурной перестройки экономики на новой организационно-экономической основе. Но чтобы такой выбор состоялся, необходимы соответствующие механизмы, создающие благоприятные условия для становления и развития всего нового и передового в недрах старого технологического уклада. Это прежде всего конкуренция, экономические методы финан-

 $^{^1}$ Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры. Вопросы конъюнктуры, 1925, № I, вып. I.

² Chumpeter J. A. Business Cyecles, N. Y. 1939; Шумпетер И. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982.

³ См., например, Яковец Ю. В. Цикличность научно-технического прогресса. Общественные науки, 1985, № 1; Энтов Р. М. Эмпирические исследования долговременных колебаний. Долговременные тенденции в капиталистическом производстве. ИНИОН АН СССР, М., 1985; Полтерович В. Н., Хенкин А. А. Диффузия технологий и экономический рост. ПЭМИ АН СССР. М. 1988

кий рост, ЦЭМИ АН СССР, М., 1988.

Тлазьев С. Ю. Некоторые закономерности технико-экономического развития и возможности ускорения научно-технического прогресса. Известия АН СССР, 1987, Серия экономическая, № 2.

сового регулирования, стимулирование предпринимательской активности в приоритетных для развития экономики направлениях.

Мировой и наш собственный опыт — убедительное свидетельство неоспоримых преимуществ рыночных методов хозяйствования при широкой реализации научно-технических достижений в производстве. Они не препятствуют, а побуждают предпринимателей менять технологию и организацию производства, отслеживать ход научно-технического прогресса. Другое дело — директивная экономика, создавшая уникальную систему управления. В отличие от рыночной она работает на себя, а не на человека. Главным для нее являлось наращивание добычи нефти, газа, производства цемента, проката, труб, станков и других средств производства. Директивная экономика сама себе заказывает, сколько произвести продуктов, сама их принимает и распределяет. Для этого были отработаны такие мощные механизмы, как фондирование, лицензирование, лимитирование, прикрепление поставщиков к потребителям и т. д.

Денежная оценка произведенных продуктов в указанной системе напрочь оторвана от реального спроса, заработной платы. Государство выступало гарантом лишь выплаты заработной платы, но никак не ее товарного покрытия. Единственным недефицитным товаром здесь являлись деньги. Отсюда стереотип поведения потребителя: бери не то, что надо, а то, что дают. Натура, а не рубль — исходное отношение в экономической жизни. Это порождало «самобытную» систему цен. Ее характерная особенность — увеличение затрат в одном секторе неизбежно вызывало цепную реакцию роста затрат во всех других секторах. Поэтому если, к примеру, повышаются цены на энергоносители, что, конечно же, является вполне естественным делом, то происходит автоматическое повышение цен и на электроэнергию, и на топливо, и на металл, и на машины, и т. д.

В такой системе экономических координат никогда не было и не могло быть действенных стимулов к ресурсосбережению, созданию техники, экономящей хозяйственные ресурсы и снижающей затраты, к переходу к новым технологиям и эффективным методам организации производства. Такие цены создавали ложную видимость прогресса. Поскольку продукция распределялась по разнарядке, то потребитель, по существу, был выключен из процесса активного воздействия на производителя. Если цена оказывалась настолько высокой, что потребитель начинал терпеть убытки на так называемых фондах самофинансирования, то государство устанавливало двойные цены: одну, высокую,— для производителя и вторую, низкую,— для потребителя. Разница в ценах перекладывалась на государственный бюджет. В результате целые отрасли и секторы экономики формально считались эффективными, способными к саморазвитию, а на самом деле существовали за счет скрытых дотаций и субсидий. К ним в первую очередь относится обрабатывающая промышленность. Понятно, что если снять дотации и перейти к ценам, отражающим полезность и эффективность продукции для потребителя, то многие предприятия окажутся просто убыточными. Естественно, что в таких условиях ни о какой конкуренции не могло быть и речи. За счет жесткой системы централизованного перераспределения доходов из топливно-сырьевых секторов в другие система поддерживала развитие оборонных отраслей, выделяла некоторый объем ресурсов для разработки научно-технических программ, достаточный для создания опытных образцов, но не для освоения их серийного выпуска.

Существовавшая у нас ранее общественная система доказала свою способность к выживанию в условиях больших запасов природных ресурсов. Но она также доказала и свою абсолютную неэффективность в рационализации производства, создании сектора перспективных производств. Более того, методы государственного воздействия в планово-

директивной экономике оказывают настолько сильное деформирующее влияние на весь ход технико-экономического развития, что даже меняют характер и вид фазовых процессов внутри воспроизводственных циклов. Вместо логистической кривой, характерной для описания технико-экономического развития западных стран, появляется прямая. Это связано с тем, что темпы роста в фазе развития и распространения нового технологического уклада оказываются значительно меньшими, чем в развитых капиталистических странах, поскольку на эту определяющую его жизнеспособность фазу обычно выделяется ничтожно малое количество ресурсов. Инициирующий импульс быстро затухает.

Структурных изменений в экономике не происходит, и, как следствие, возникает технологическая многоукладность В структуре экономики оказываются задействованными сразу несколько технологических укладов — старые и новые, находящиеся на разных стадиях жизненного цикла. Из-за принципиальных различий в техническом уровне составляющих их производств связи между технологическими укладами носят в основном вынужденный характер, принимая форму компенсирующих и замещающих потоков ресурсов. Функционирование каждого технологического уклада осуществляется автономно на собственной воспроизводственной базе. На стыках технологических укладов наблюдаются большие народнохозяйственные потери из-за принципиальных различий в техническом уровне соединяемых производственных пронессов.

Следствием технологической многоукладности экономики является замедление прогрессивных технологических сдвигов. Устаревшие производства, продолжая воспроизводиться, поглощают значительные ресурсы и существенно ограничивают возможности роста новых производств, что ведет к развитию диспропорций (наиболее очевидная из них — перепроизводство устаревших видов продукции при остром дефиците новых) и замедлению общих темпов экономического развития. В 'таких условиях технологическая многоукладность из нормального процесса замещения старого новым, характерного для капиталистической экономики, превращается в патологический.

Состояние патологической технологической многоукладности экономики характеризуется расслоением ее воспроизводственной структуры. Межукладные взаимодействия в этом случае направлены не на преобразование устаревших технологических укладов в соответствии с потребностями новых, а на ликвидацию узких мест, сдерживающих их одновременное воспроизводство. Самым узким местом становится удовлетворение производственных потребностей в первичных ресурсах: ведь все уклады воспроизводятся на общей сырьевой основе, в результате чего замещающие воздействия преждевременно концентрируются в добывающей промышленности.

В условиях сохраняющего целостность старого уклада формирование замкнутого воспроизводственного контура нового затруднено общей ограниченностью ресурсов: недостающие звенья компенсируются за счет внешней торговли. Из-за дефицита качественных ресурсов на международный рынок в обмен поставляются массовые ресурсы, что в итоге приводит к неэквивалентному обмену: через недостающие звенья воспроизводственного контура нового уклада происходит вымывание национального богатства. Еще одним негативным следствием такой технологической многоукладности является расслоение системы экономических ценностей, отражающих воспроизводственную структуру экономики.

В результате экономические оценки перестают служить сколько-нибудь надежным ориентиром при принятии хозяйственных решений. Раз-

 $^{^5}$ Львов Д. С, Глазьев С. Ю. Новая концепция управления НТП, Информэлектро, М., 1989.

витие новых технологий в системах, отражающих условия воспроизводства старого технологического уклада, почти всегда выглядит неэффективным, вследствие чего хозяйствующие субъекты оказываются заинтересованными в сохранении устаревшей технологической структуры. Технологическая многоукладность экономики в патологическом состоянии поддерживается множеством положительных обратных связей, усугубляющих связанные с ее сохранением потери. Недостаточно активная техническая политика приводит к втягиванию экономики в хронический структурный кризис и чревата растущим обнищанием страны.

Положение резко обострилось сегодня, когда структурный кризис стал составной частью общего кризиса социально-экономической системы. Говорить в этих условиях о структурной перестройке, создании научно-технического задела для будущего теряет практический смысл. Мировой опыт наглядно свидетельствует о том, что если переход к рыночным отношениям консервирует структуру, то неизбежно наступает стагнация, реформы начинают «захлебываться», растут инфляция и дефицит государственного бюджета. Еще ни одна преуспевающая экономика не добивалась успеха в своем развитии, ориентируясь только на текущую рыночную конъюнктуру. Всегда долгосрочные цели, связанные с преобразованием производственной и институциональной структур экономики, имели столь же важное значение, что и непосредственный переход к рыночным отношениям.

Мы же сейчас в результате непродуманной политики реформирования тоталитарной экономики просто загнали себя в угол. Хозяйственный механизм оказался повернутым от научно-технического прогресса. Система цен, налоговая и кредитная политика, проводимая нынешним правительством, направлены на поддержку посреднических структур, обогащаемых за счет перепродажи ресурсов и дефицитных продуктов, извлекаемых из государственного сектора, и игр на спекулятивном курсе рубля по отношению к западным валютам. Ни о какой структурной перестройке не может быть и речи. Но тогда неизбежна ориентация на сырьевой сектор,, на экспорт природных богатств и ускоренное превращение нашей страны в сырьевой придаток мировой экономики.

Рынок, который нас в этом случае ожидает, будет иметь мало общего с цивилизованным рынком современных западных стран. Скорее всего это будет рынок наподобие того, который сформировался в ранее колониальных странах Африки и Латинской Америки. Здесь, как и на Западе, господствует та же система экономических отношений, однако результаты совершенно разные. И дело не в величине накопленного научного или производственного потенциалов. В таких странах, как Бразилия, Аргентина, Мексика, он достаточно велик. Одной из главных причин низкой эффективности латиноамериканского, и тем более африканского, рынка является абсолютная неразвитость механизмов структурных преобразований, перераспределения ресурсов в приоритетные для будущего развития экономики ее секторы и производства. Рыночная экономика таких стран не защищена институтами общественного контроля за хозяйственной деятельностью от произвола своих и чужестранных предпринимателей. Обычными приемами в рыночной конкуренции становятся подкуп государственных чиновников, шантаж, применение насилия, забастовки, а в некоторых случаях и государственный переворот.

Неразвитость институтов долгосрочного развития, опирающихся на систему государственного регулирования рыночных процессов, создает возможность для недобросовестной конкуренции производителей, особенно крупных. Завышение цен, фальсификация качества товаров, инфляция и развал денежной системы, катастрофическое падение жизненного уровня населения, отток квалифицированных кадров за границу и в малоквалифицированные, но доходные секторы отечественной эконо-

мики (торговля, автосервис и т. п.), создание льготных условий деятельности посредством подкупа должностных лиц — обычные явления в рыночной экономике такого типа.

Все это подтверждает теперь уже достаточно очевидную истину: рынок без механизмов долгосрочной целевой ориентации, без соответствующих общественных институтов контроля за эффективностью производства так же плох, как и система жесткого централизованного планирования и распределения. Это, по существу, две стороны одной и той же медали. Вот почему так необходимо одновременное проведение радикальной экономической реформы и крупномасштабной реконструкции народного хозяйства. Содержание первой проблемы — организация системы эффективной конкуренции; содержание второй — создание механизмов структурных преобразований, направленных на свертывание устаревших производств, поддержку становления и развития новых технологических укладов. Указанные две стороны реформирования находятся в определенном противоречии, и их согласование представляет собой одну из наиболее сложных задач, которую с самого начала следовало бы решать нашим реформаторам.

Большую долю вины за отмеченные провалы должна взять на себя и экономическая наука, правда, не вся, а в основном та ее часть, которая была сращена с властными структурами. Это не могло не сказаться на свертывании стратегических исследований по проблемам рынка, на их подмене недостаточно проверенными рекомендациями. Критерии истинности так же, как и раньше, продолжали отодвигаться на задний план, что не могло не породить тот же нигилизм в научной среде, как и в обществе. Исходные представления и соответствующие им методологические подходы, разрабатываемые для совершенно других условий функционирования, не пересматривались. А новых теоретических разработок не оказалось, в связи с чем нет и решения многих практических проблем.

Однако вот что удивляет. Ведь у нас есть свое весьма серьезное научное наследие, которым просто грех не воспользоваться в нынешней ситуации. Это прежде всего фундаментальные работы Н. Д. Кондратьева и многих его последователей, результаты которых позволяют сформулировать новые подходы к управлению переходными процессами. Нельзя не вспомнить и об известной теории СОФЭ. Она возникла в 60-х годах как альтернатива экономической апологетике господствовавших методов управления народным хозяйством. Ее создатели сразу занялись методологией рачительного хозяйствования, то есть изучением принципов рационального построения системы хозяйственных отношений, формирования экономических интересов и их мотиваций. В СОФЭ как в общей теории эффективного функционирования был сформулирован ряд принципиальных постулатов социально-экономических исследований. К ним относится в первую очередь системный характер анализа изучаемых явлений, включающий сочетание натурального и ценностного аспектов экономического развития, «вертикальных» (между уровнями иерархии) и «горизонтальных» отношений, влияние индивидуумов на функционирование предприятий и народного хозяйства в целом через демократические механизмы.

Важнейшим результатом теории оптимального функционирования экономики является представление об оценках всех видов ресурсов как характеристиках их вкладов в конечную цель — удовлетворение потребностей общества. Не только труд, но и другие факторы производства — природные, капитальные, вообще любые лимитированные — получают при оптимальном функционировании свою оценку. Преодоление ограниченности трудовой теории стоимости и связанных с ее использованием широкомасштабных народнохозяйственных ошибок — несомненная заслуга СОФЭ.

На строго научной основе была раскрыта роль ряда характеристик общеэкономического уровня, таких, как норматив эффективности капитальных вложений, плата за фонды, проценты за кредит, рентные оценки; выработано понятие наилучшей стратегии развития экономики. Это привело к тому, что уже в 70-е годы были сформулированы теоретические предпосылки создания хозяйственного механизма типа регулируемого рынка. Именно за это теория СОФЭ неоднократно подвергалась огульной и некомпетентной критике вплоть до того, что сам термин СОФЭ периодически исчезал из печатных изданий. Последний идеологический погром был осуществлен в 1983—1985 гг., на старте перестройки. Тем самым противникам СОФЭ удалось реализовать свою главную цель — вывести теорию оптимального функционирования экономики и вместе с ней ЦЭМИ из процесса преобразований. Подлинная «ценность» этой акции постепенно осознается лишь сегодня 6.

Настало время вновь вернуться к нашему научному заделу и с его помощью сформировать новую концепцию перестройки экономики и общества. Такая работа была начата в ЦЭМИ РАН под руководством автора и доктора экономических наук В. С. Пугачева. В чем ее определяющая суть?

Главным для нас должно быть не прошлое, а будущее. А это открытая экономика рыночного типа. Следовательно, для нас не столь уже важны те хозяйственные связи, которые ныне рушатся. Ведь многие из них носили директивный, принудительный характер, являлись атрибутами командной системы, следствием централизации и монополизма. Восстанавливать такого рода неэффективные связи вряд ли целесообразно. Наоборот, следовало бы воспользоваться той уникальной ситуацией, которая сложилась сейчас во многих секторах экономики. Включением соответствующих рыночных механизмов можно гораздо продуктивнее решить эту задачу, чем возвращением к директивной экономике. В нынешних условиях наиболее естественный выход из структурного кризиса — быстрая интеграция нашей экономики в мировой рынок и развертывание на данной основе новых хозяйственных связей.

Одним из препятствий к этому является принципиальное несоответствие внутренних и мировых цен. Сегодня соотношения между ними для разных групп товаров различаются в десятки раз. По энергоносителям и металлу, например, рубль дороже доллара, а на валютной бирже за доллар дают 260—300 руб. При таких перекосах в ценах развитие экспортно-импортных связей наносит ощутимые удары по внутреннему рынку. Процветают и обогащаются лишь мафия и коррумпированные чиновники, а страна и народ разоряются и бедствуют.

Действующие цены выступают одним из главных препятствий структурным преобразованиям, развитию конкуренции. Поэтому нужен переход к мировым ценам, вернее, к мировой структуре цен. Но если перейти на мировые цены, наши труд и капитал не получат достойной оценки. Природные же ресурсы, прежде всего энергоносители, сразу получат высокую оценку и предстанут в качестве главного богатства. Такова реальность, рассматриваемая не через призму наших деформированных и ложных цен, а мировых цен, отражающих полезность и эффективность продукции для потребителя. Нам не надо прибегать к новой конструкции ценообразования, вытекающей из теории СОФЭ. Мировые цены вполне могут рассматриваться в качестве аналога оптимальных или равновесных цен. Только с помощью таких цен можно будет понять,

⁶ См. Львов Д. С, Герасимович В. Н., Глазьев С. Ю. и др. Преодоление кризиса в реформаторстве экономики. ЦЭМИ АН СССР, М., 1991.

⁷ См. серию статей в «Российской газете» от 4 февраля, 18 марта, 29 мая и 20 июня с. г.

какая отрасль или производство вносят положительный вклад в прирост итоговой эффективности производства, а какая дает одни убытки, образно говоря, сидит на шее государства. Мировые цены позволят сбросить тяжелое «покрывало» с нашей экономики, мешавшее десятки лет правильно ориентироваться в эффективности производства. Вот только тогда можно будет по существу и обоснованно решать вопрос о самофинансировании и окупаемости предприятий. Исходным здесь должен быть не хозрасчет, а эффективность, измеряемая через равновесные цены. В соответствии с эффективностью следовало бы рассматривать и вопрос о самофинансировании и других атрибутах того механизма, который получил у нас не совсем удачное название полного хозрасчета. Сможет ли наше отсталое и энергоемкое народное хозяйство развиваться при мировых ценах? Распространено мнение, что не сможет в силу неконкурентоспособности и убыточности ряда отраслей перерабатывающей промышленности, прежде всего машиностроения. Но вот что важно, мимо чего, как правило, проходят экономисты: в целом народное хозяйство остается достаточно эффективным и сохраняет способность к саморазвитию. Расчеты, выполненные в ЦЭМИ, подтверждают этот вывод. В топливно-энергетических отраслях в данном случае будет сосредоточено до 90% всей прибыли. Главный ее источник — рента с природных ресурсов. Таким образом, рента, образуемая в топливном комплексе, вполне достаточна для того, чтобы сохранить жизнеспособность всей экономики при переходе на мировые цены. Что касается обрабатывающей промышленности, то опять же нужно исходить из принципов предложенного нами подхода.

Значит, если мы хотим выйти на структуру мировых цен: надо применить какие-то мощные макроэкономические рычаги для перемещения прибыли в топливно-энергетический комплекс и сырьевые производства. Главным рычагом должна стать принципиально иная налоговая политика по сравнению с действующей: отмена почти всех существующих налогов, кроме ренты. Если налоги отменять одновременно с либерализацией ценообразования, то удорожание энергоносителей приведет не к общему росту цен, а только к их структурной перестройке в направлении к мировым пропорциям. Первым шагом на таком пути могла бы стать отмена раздражающего всех налога на добавленную стоимость с одновременным повышением рентных платежей на всю необходимую сумму бюджетных поступлений. В I квартале 1992 г. для этого достаточно было бы увеличить цену на нефть примерно на 2 тыс. руб. за 1 т. В среднем цены не изменятся: подорожает лишь продукция энергоемких производств, а всех прочих даже подешевеет.

Энергоемкие, но нужные стране производства, которые при этом проиграют, можно поддержать с помощью дополнительных льгот: снятие с них отчислений на соцстрах, амортизационных отчислений; обложение подоходным налогом трудящихся, а в крайних случаях предоставление еще и дотаций в пределах пособий по безработице. Необходимые для этого средства также можно получить за счет рентных платежей с природных ресурсов. В дальнейшем указанные меры по отмене существующих налогов и замене их рентными источниками поступлений в бюджет целесообразно распространить на все народное хозяйство. По-видимому, было бы неверно и далее сохранять нынешнюю систему налогообложения, копирующую западный опыт и игнорирующую специфику России. У нас есть крупные фундаментальные источники доходов, на них и надо ориентироваться, а не держать огромную налоговую службу для сбора разного рода мелочевки типа подоходного налога и т. п. Давно пора отменить все эти рудименты старой системы, прекратить заниматься многочисленными «льготами по налогообложению», требующими большой и ненужной работы. Отмена старых налогов позволила бы вздохнуть, наконец, нашей промышленности и населению. Это была бы действительно значимая акция с серьезными позитивными социально-экономическими последствиями.

В программе Российского правительства по углублению экономических реформ выход на мировые цены отнесен на конец 1993 г. Думается, что при синхронизации изменений цен и налоговой политики на мировые цены можно выйти уже в текущем году. А без такой синхронизации цель не будет достигнута не только а 1993 г., но и в последующие годы.

Таким образом, если проблему либерализации цен мы будем рассматривать одновременно с системой налогообложения, включением мощных механизмов перераспределения финансовых ресурсов страны, то ответ на поставленную задачу однозначен: надо форсированно менять цены на энергоносители и переходить к структуре мировых цен. Пока для этого есть еще условия. Другого выхода в реформировании российской экономики у нас попросту нет! Задачи, связанные с реализацией такого механизма, позволят вплотную приблизить нас к решению проблемы формирования экономики нового типа, форсированно развивать секторы новых производств, осуществлять поэтапное замещение экспорта ресурсов на экспорт наукоемкой продукции. Это позволит приостановить деформации в технико-экономическом развитии.

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ВРЕМЕНИ

Вызвавший определенный общественный резонанс юбилей выдающегося отечественного экономиста Н. Д. Кондратьева был отмечен не только проведением Международной научной конференции, посвященной его памяти, но и появлением в ряде изданий целой серии статей, анализирующих творческое наследие ученого. Однако, на наш взгляд, такой анализ был бы неполным без существенного пересмотра традиционных взглядов на экономику 10—20-х годов, на которые пришелся пик творческой активности ученого.

* *

Раскрытие существа тех социально-экономических отношений, которые развивались в отечественной экономике в течение трех четвертей XX в., представляет, на наш взгляд, определенный интерес для развития отечественной экономической науки. Но есть интерес и чисто практического свойства. Связан он прежде всего с выбором модели экономического развития и методов ее реализации. Осмысление исторического опыта отечественной экономики на протяжении достаточно длительного времени, теорий развития, предлагавшихся разными группами ученых в конкретных экономических обстоятельствах, в определенной мере схожих с современными, анализ причин кризиса модели, заложенных уже при разработке основополагающих ее принципов,— все это может привнести момент вариативности в разрабатываемую ныне (не без участия западных экономистов) модель развития экономики России. Речь идет о той вариативности, которой этой модели явно недостает и отсутствие которой, как свидетельствует исторический опыт, лишь усугубляет течение кризисных явлений, лишая народнохозяйственные процессы необходимой степени маневренности.

Насущной задачей современной экономической науки в целом и ее исторических дисциплин в частности является не только преодоление сугубых крайностей традиционного отечественного марксизма (прежде всего вульгарно-социологического подхода к анализу) и ряда постмарксистских прекраснодушных утопий, направленных в ретроспективу, но и попытка избежать влияния очередного издания «идеологического патернализма», активно навязываемого и экономическими методами новыми «верхами», не утратившими, по всей видимости, вкуса к большевистски-командному modus operandi, в том числе и в отношении фундаментальной науки.

Неожиданную остроту ныне приобрел вопрос о *теоретической и методологической основах* экономического исследования вообще. Отечественная экономическая мысль оказалась на теоретическом перепутье. Расставание с «идеологическим императивом» политической экономии социализма (и с социализмом как социально-экономическим строем) воспринимается подчас как абсолютная переориентация всего инструментария научного исследования вплоть до категориального аппарата. Необходимость деидеологизации диалектического и исторического

материализма превращается в потребность «очищения науки» от упомянутых методов исследования. В итоге «дух разрушающий» — совсем по-большевистски — не становится духом созидающим, появляется тенденция заменить старые догмы новыми, и теория гуманитарного исследования (будь то исследование экономическое, историческое или любое иное), освободившись от одного рода подавляющих факторов, втискивается в прокрустово ложе других, обрекая себя на открытие истин, ставших для западной историографии давно тривиальными.

Добиться результатов, наиболее адекватно отражающих реалии исторического процесса, позволяет методологический синтез, сочетающийся с применением основных принципов историко-критического метода. Поэтому, с одной стороны, нецелесообразно (по крайней мере до тех пор, пока кем-либо не будет достоверно обоснована абсолютная независимость друг от друга базисных и надстроечных структур) полностью отказаться от сформулированной Марксом теории общественноэкономических формаций. Но не в стандартном, во многом догматическом пятичленном ее варианте, а в том, который развивался «неортодоксальными» специалистами в ходе дискуссий по поводу азиатского способа производства и в последующей литературе этого направления. С другой — невозможно, конечно, обойти ряд культурологических факторов, оказавших непосредственное влияние на генезис капитализма и посткапиталистическое развитие России (таких, как особенности общинного строя, во многом определявшие и направления товаризации производства в аграрном секторе, и специфику возникновения капиталистических отношений). И в этой связи нельзя не воспользоваться элементами цивилизованного анализа.

Выводы настоящей статьи мы основываем на анализе периода с рубежа XIX—XX вв. до рубежа 20—30-х годов. Выбор последней из приведенных дат в качестве конечной границы исследования обусловлен тем, что именно к данному времени относится завершение относительно целостного этапа социально-экономического развития страны: в области надстройки заканчивается время легального сосуществования и взаимодействия разнонаправленных идеологий, а марксизм фиксируется как единственная теоретическая основа системы гуманитарных знаний; равным образом происходят изменения в базисе — хозяйственное развитие направляется по единственному пути, обусловленному курсом социалистического строительства в том его понимании, какое окончательно сформировалось именно к концу 20-х годов; концептуальная и конкретно-экономическая вариативность исчезает, страна вступает в длительный период монотеоретического развития с соответствующими выводами для хозяйственной практики.

Экономика России в предреволюционное время. Исследование проблем развития отечественной экономической мысли первой трети XX в. не может не основываться на анализе целого ряда конкретно-экономических проблем и решении на этой базе комплекса теоретических вопросов. Без этого практически нельзя дать адекватную оценку эффективности — потенциальной (коль скоро отнюдь не все концепции, сосуществовавшие и противоборствовавшие в то время, были воплощены на практике) и реальной — теорий развития, предлагавшихся в то время теоретиками и практиками различных направлений.

Речь идет в первую очередь о стадиальном положении дореволюционной России на оси исторического времени, о формационной характеристике ее экономики. Эта характеристика зависит от решения вопроса о степени развитости капиталистических отношений в хозяйстве страны, о широте охвата ими различных хозяйственных структур и о глубине проникновения их в указанные структуры. Данная проблема, которая еще в 60-е годы (вплоть до связанной с разгромом так называемого нового направления в советской историографии окончательной идеоло-

гической унификации исторического мышления в СССР) была остро Дискуссионной, не решена до настоящего времени.

Известна ленинская характеристика России как страны среднеслабого капиталистического развития, второстепенной и не вполне самостоятельной '. Если оставить в стороне последующие резкие эволюции ленинской концепции, то с этой оценкой нельзя не согласиться.

Россия вступила в XX век с таким уровнем производительных сил даже в отраслях экономики, не просто наиболее подверженных капиталистическому воздействию, но являющихся генераторами капиталистических отношений, который был пройден ведущими капиталистическими странами еще в период свободной конкуренции. Этот вывод позволяет внести весьма существенные коррективы в характеристику «среднеразвитого» российского капитализма. В еще большей степени упомянутые коррективы должны коснуться той традиционной, традиционалистской даже отрасли народного хозяйства страны, какой было ее сельское хозяйство.

Господство общинных отношений с характерной для них социальной дискретностью и остатки отношений феодальной эксплуатации консервировали экономическую отсталость российской деревни, уровень развития которой был на несколько порядков ниже довольно скромного (в сравнении с передовыми странами) уровня капиталистического развития промышленного сектора хозяйства страны. Возможность аграрнокапиталистической эволюции по «прусскому» типу оказалась неосуществимой, а для создания предпосылок «американского» пути необходимо было буржуазно-демократическое решение аграрного вопроса, которого не дала даже Февральская революция.

Экстенсивное в основном ведение хозяйства, низкие нормы обеспеченности землей и тягловой силой, низкие нормы потребления крестьян, низкая сравнительная капиталоинтенсивность аграрной сферы, незначительные размеры применения наемного труда (причем спрос на него был достаточно низким и со стороны сельских нанимателей, и со стороны городской экономики, а процесс пролетаризации сельских наемных рабочих был далек от завершения), нерациональность крестьянского хозяйства, низкая товарность его, носившая во многом принудительный характер, весьма слабый слой так называемой «сельской буржуазии» — все говорит о незавершенности процесса эволюции российской деревни на пути развития капиталистического товарного производства.

Капиталистические отношения в России носили, таким образом, анклавный характер, были связаны скорее с городской, чем с сельской экономикой: процессы монополизации имели искусственный, внесистемный характер, а элементы государственно-монополистических структур были гетерогенными, их возникновение в военные годы обусловлено главным образом перерывом постепенности в развитии народного хозяйства. Образование товарного продукта в аграрной сфере носило во многом вынужденный характер, что также было связано с принудительным характером товаризации части необходимого продукта. Единый внутренний рынок страны находился в стадии генезиса, а механизмы, обслуживающие товарооборот, несли отпечаток докапиталистических отношений. Следовательно, традиционный вывод о вступлении России в стадию монополистического капитализма в начале XX в. и тем более о естественном перерастании последнего в государственно-монополистическую фазу является, надо полагать, следствием модернизаторского подхода к анализу исторического процесса.

Летом 1914 г. естественно-экономический процесс развития России был прерван внесистемными факторами экзогенного характера как объективными, так и субъективными по своему происхождению. Эти

См.: Ленинский сборник XL, с. 425; XXII, с. 335.

Факторы вызвали необходимость определенной структурной перестройки народного хозяйства (если вести речь о периоде с августа 1914 г. по октябрь 1917 г.), а после октябрьской победы большевиков привели к слому прежних народнохозяйственных структур.

Экономика данного периода может быть охарактеризована как экономика стресса (форс-мажора), когда под давлением внешних обстоятельств происходили структурные сдвиги (и экономические прогрессирующая детоваризация хозяйства при усилении влияния государства на функционирование экономических структур, вплоть до возникновения ГМК; и идеологические — укрепление дирижистских взглядов в экономической теории: и социальные — систематическое деклассирование, приводящее к возникновению люмпенских слоев, экономически инертных, но представлявших собой почти идеальный «горючий материал», для приведения которого в движение было достаточно малейшей искры — «слева» или «справа»), почва для которых «естественным» ходом хозяйственного развития отнюдь не была подготовлена. В качестве основных характеристик экономики форс-мажора можно считать: перерыв постепенности естественно-экономического процесса под воздействием гетерогенных факторов (война, революция, попытки внедрения в хозяйственную практику кабинетных теоретических конструкций, что в конкретном случае приняло вид военного коммунизма); стимулированный извне распад едва приобретшего более или менее законченные формы единого внутреннего рынка и прогрессирующую детоваризацию хозяйственных связей, сопровождающиеся нарастающей активизацией государственного вмешательства в функционирование экономики (независимо от направленности этого вмешательства).

Концептуальный конфликт в отечественной экономической мысли между двумя революциями. Стрессовая ситуация в экономике, естественно, породила множественность концепций, связанных с перспективами выхода народного хозяйства страны из кризисной ситуации. В наиболее общем виде можно утверждать, что своеобразный водораздел между ними проходил по линии «марксизм — немарксизм». Если оставить в стороне концепцию меньшевиков, по ряду позиций приближавшуюся к позициям немарксистов, то единственным течением ортодокмарксистского направления следует считать позицию большевиков, в становлении и развитии которой ведущая роль принадлежала В. И. Ленину: национализация всей земли (причем в восприятии социальной структуры крестьянства доминировала мысль об усилении процессов классообразования в его среде); организация распределения (вариант продразверстки с государственным снабжением населения); подконтрольное государству производство (в том числе и в аграрной сфере) на базе принципа милитаризации труда (по типу совхозов бюджетным финансированием); C монополизация банковского дела (сводившая на нет кредитное дело как таковое); требование «государства-коммуны». Уже для весны 1917 г. можно было с полной ответственностью заключить, что вся схема строилась на принципах классической нетоварной модели социализма.

Немного позднее в систему мероприятий в рамках этой модели (столпом которой становится государственное регулирование производства и потребления) органично вливаются: принудительное синдицирование; принудительное кооперирование населения; свертывание денежного обращения. Причем в структуре стимулирующих мероприятий начинают приобретать особый вес такие «экономические» меры, как конфискация имущества, расстрел и даже некоторое подобие крепостнических отношений ².

Весьма содержательный критический анализ концепций развития

См., например: Ленин В. И., Полн. собр. соч., т. 34, с. 174.

страны, относившихся к так называемым буржуазным и мелкобуржуазным течениям отечественной экономической мысли пред- и межреволюционного времени, дан в работах советских исследователей, причем, если абстрагироваться от наслоений, обусловленных «идеологическим, императивом», следует подчеркнуть, что он не потерял своей ценности и поныне. В этой связи мы ограничили свою задачу в данной статье изучением концепции Н. Д. Кондратьева, практически не нашедшей адекватного отражения в современной историографии.

Уже в начале своей научной деятельности Н. Д, Кондратьев концентрируется на поиске приемлемого сочетания объективных (регулирование хозяйственных процессов в ходе рыночной конкуренции) и субъективных (государственное регулирование) начал в развитии экономики, обращая особое внимание на примат общегосударственных интересов. Именно от последнего должен зависеть, по Кондратьеву, приоритет, отдаваемый тем или иным формам развития народного хозяйства.

Н. Д. Кондратьев проявлял себя активным сторонником эволюционного пути развития, считал любого рода революционные «скачки». не имеющие под собой реальных экономических оснований, лишь затрудняющими общественный прогресс. Однако оставаясь на почве реальных экономических процессов, ученый углубляет анализ стрессовых для народного хозяйства ситуаций. В условиях форс-мажора, нарушающего естественное течение экономических процессов (каковым стали первая мировая война и революции 1917 г.), безусловно ведущими должны стать методы планомерного, сознательного государственного воздействия на экономику, осуществляемого в целях соблюдения общенациональных интересов. Но для того чтобы государственное регулирование было успешным, оно должно вылиться в строгую систему и на институциональном уровне, и в смысле единства, широты и глубины охвата регулирующих мероприятий (под которые должны подпадать и сфера производства, и сфера обращения, включая денежно-кредитные отношения и вплоть до тотального регулирования цен), и в смысле планомерности последних.

Устойчивость народнохозяйственной системы как целого Н. Д. Кондратьев связывает прежде всего с устойчивостью сельского хозяйства, с ростом производительных сил деревни. На достижение указанных целей и направлены предлагаемые ученым регулирующие мероприятия государства, которое должно обладать реальными властными полномочиями (проведение земельной реформы, регулирование капиталистической промышленности и пр.).

Основным принципом реформирования поземельных отношений Н. Д. Кондратьев в это время считал социализацию земли при множественности форм земельной собственности. Производство на этих землях может быть организовано в виде: мелкого трудового хозяйства; крупного капиталистического (с применением наемного труда); крупного кооперативного или трудового. Принимая во внимание экономическую ограниченность всех перечисленных форм, ученый обосновывает приоритетность развития кооперативных форм хозяйствования, которые дают возможность преодолеть упомянутую ограниченность, соединив преимущества мелкого и крупного капиталистического способов хозяйствования. Итогом такого развития должны стать ликвидация полярных социальных прослоек в деревне и товаризация хозяйства середняка, в результате чего будут заложены прочные основы взаимозависимого равновесного развития города и деревни, расширения рынка сбыта и сырьевой базы промышленности, рынка рабочей силы.

Военный коммунизм. Резкое превалирование внеэкономических методов воздействия на народнохозяйственные процессы, связанное

«совершенно утопичной идеологией большевиков» ³, вызвало со стороны Н. Д. Кондратьева (и концептуально близких ему специалистов) езкое неприятие.

Внедряемая в народное хозяйство модель, основанная на принципиальной антитезе *«торговля, рынок* (иными словами — стихия и анархия) — *социализм»*, предполагала сознательное, субъективное внедрение в народнохозяйственные структуры схем управления, соответствующих теоретическим, умозрительным представлениям о новой общественно-экономической формации (иных к тому времени просто не было).

Разработанные указанной концепции на основе макроэкономического регулирования (С. И. Гусев, А. М. Кактынь, Г. М. Кржижановский, Л. Н. Крицман и др.) базировались на принципе хозяйственного аппарата. единства Субстанцией, цементирующей всю хозяйственную систему, призван был стать единый хозяйственный план, выражающий руководящую волю центра и формирующийся как жесткое производственное задание. Сам процесс планирования односторонний: по линии совнархозов идет конкретизация заданий вплоть до уровня предприятий «сверху вниз», линии низовых хозяйственных центров определение соответствия этих заданий общеорганизационной задаче. Вертикальная связь осуществляется не с позиций неких изменений спущенной из центра директивы, а по линии наполнения ее конкретным содержанием для последующего утверждения «наверху» в качестве приказа к исполнению. Цель таких военных методов работы — найти «дикий революционный выход» ИЗ состояния технико-технологической отсталости.

Главной характеристикой этой новой качественной ступени должна стать замена рынка плановым распределением в безденежной системе координат на основе государственной организации производства и заготовок и госмонополии на распределяемые продукты (своеобразная распределительская" концепция социализма). Единственной помехой за пути к полному и всеохватывающему воплощению предлагаемой модели становилось сельское хозяйство. Способом разрешения этой коллизии представлялись планомерная концентрация и трестирование сельского хозяйства (по образцу промышленности, транспорта, сферы обращения и огосударствленной кооперации) с созданием в недалекой перспективе «сельскохозяйственных сырьевых фабрик»; значительную роль в этом деле призваны были сыграть лишение (de facto, а позже — и de iure) крестьян земельной собственности, система прямых и косвенных налогов³. Детоваризация и жесткая централизация экономики программно провозглашаются целью развития социалистического общества

В годы господства «государственного коллективизма» большинство экономистов-немарксистов находилось в положении чистых аналитиков. Основным возражением, делавшим для них невозможным реальное взаимодействие с хозяйственной практикой, была концептуальная основа политики правящих кругов, сконцентрировавшихся на распределении, поставивших проблему повышения эффективности производства в положение «функции произведенного переворота в перераспределении», и вы-

 $^{^3}$ Кондратьев Н. Д. Год революции с экономической точки зрения.— В сб.: Год русской революции, 1917—1918. М., 1918, с. 210.

⁴ Кактынь А. М. Единый хозяйственный план и единый хозяйственный- центр.— В сб.: Об едином хозяйственном плане (Работы 1920—1921 годов). М., 1989, с.

<sup>124.

&</sup>lt;sup>5</sup> В 1920/21 г. налоговые платежи крестьян превышали довоенные более чем в 2 раза (Кабанов В. В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., за — см.: Вайнштейн А. Обложение и платежи крестьянства в довоенное и революционное время (Опыт статистического исследования). М., 1924, с. 116, табл. 23).

6 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд.,

т. 2, М., 1970, с. 59.

рвавших Россию из системы мирохозяйственных связей. Н. Д. Кондратьев не понимал такого отношения к рынку и считал целесообразным использовать рыночные механизмы уравновешивания хозяйственных процессов (которые превращают народное хозяйство в состояние организованного целого, способного к саморазвитию) хозяйственными органами для того, чтобы добиться прогресса производительных сил. Стоя на позициях сочетания плановых и рыночных начал в экономике и оставаясь сознательным этатистом, он продолжает разработку схемы взаимообусловленного развития сельского хозяйства и промышленности по линии «сырье <=> товары потребительского и производственного назначения», которая приобретает вид «полуфабрикат промышленные товары».

Основой концепции ученого являются принцип свободы хозяйственной инициативы, демонополизация производства (в частности, за счет селективного импорта капитала и развития системы кооперации) и формирующее воздействие государственных регулирующих органов на рыночную конъюнктуру, в том числе путем оптимизации размеров и структуры налогообложения.

Новая экономическая политика. Осенью 1921 г. в ряде выступлений В. И. Ленин сформулировал положения , которые, на наш взгляд, могут считаться основополагающими для понимания сущности нэпа. Новая экономическая политика в момент своего введения содержала в себе лишь единственное действительно новое начало — ограничение (но не упразднение) масштабов внеэкономического воздействия на народное хозяйство, временный, рассчитанный на ряд лет зигзаг на пути к поставленной цели — бестоварному обществу, в основе которого лежит государственная экономика города и «обобществленный, коллективный, общинный труд» в деревне при регулирующей роли центра в общехозяйственном масштабе и закреплении за государством распределительных функций. Ленин, осуществляя поворот к новой экономической политике, не предусмотренный ранее, во-первых, весьма четко ставил вопрос о временном характере этой политики, которая, кстати сказать, менее всего ассоциировалась с социализмом и тем более с коммунизмом. Во-вторых, нет никаких оснований предполагать, что в годы нэпа он отказался от нетоварной модели коммунистической общественно-экономической формации.

Конечная цель этого движения — вначале процесс радикального укрупнения и огосударствления всех, элементов народного хозяйства при безусловном примате крупной, занимающей монопольные позиции индустрии, а затем — разгосударствление неизвестного дотоле типа: не реприватизация или что-либо подобное ей, а растворение политики в экономике, государства — в хозяйственных структурах. Таким образом, нэп отнюдь не означал некоего радикального расхождения с классическим марксизмом по вопросу о сути посткапиталистического общества и способах его строительства. Вряд ли стоит говорить и об особой концепции (теории) нэпа.

Видимо, именно поэтому постленинскому руководству партии и государства удалось с значительной степенью легкости свести нэп в серию поверхностных мероприятий, охвативших главным образом город и практически не затронувших при этом деревню даже к 1925—1927 гг., вылившихся в осуществление того, что не требовало никаких сверхусилий ни по организации, ни по обеспечению материально-технической базой, ни по контролю (в том числе финансовому).

Новая экономическая политика носила крайне несистемный характер. Скорый отход от нее был заложен в ней самой. Этот отход начался еще при жизни Ленина, и инициатором его явился он сам. Его слова

 $^{^7}$ См.: Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 44, с. 50, 151, 199, 204, 211—213 и др.

о том, что в новой экономической политике гораздо больше старого. чем нового, несут вполне определенный смысл, ибо речь шла не о сознательной смене модели социализма (на «товарную», «кооперативную» или любую другую), а о вынужденном обстоятельствами отступлении. своеобразной принудительной и временной товаризации хозяйства, единственно верной перспективой дальнейшего развития которого оставалась классическая нетоварная модель государства-коммуны.

Прогрессирующее свертывание нэпа было продолжено в теории Троцким, Каменевым, Зиновьевым и другими (так называемый «левый» уклон) и Бухариным, даже в разгар «деятельности» «правого» уклона оставшимся, строго говоря, на позициях марксистской «ортодоксии», на практике — Сталиным, сумевшим воплотить теоретические посылки «левого» уклона, по сути дела, неотличимые от теории «ортодоксального» марксизма. Крах «новой экономической политики» был связан прежде всего не с некими «кризисами, разрушившими нэп», по мнению некоторых современных исследователей ^{8} . Причины его были имманентны нэпу как теоретической схеме развития, и заключались они прежде всего в тех посылках в отношении хозяйственного роста деревни, на которых эта схема была построена.

Основная ставка в проведении политики нэпа была сделана на бедняка и середняка, и это вызвало к жизни ряд коллизий, две из которых стали основополагающими для структурного кризиса нэпа. Вопервых, в полном соответствии с ленинскими взглядами между понятиями «развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве» и «развертывание нэпа в деревне» был уверенно поставлен знак равенства. И уже в 1924 г. в высших эшелонах власти стали говорить о необходимости «бороться с нэпом»⁹. Во-вторых, опора была сделана на социальные слои, хозяйство которых носило принципиально потребительский характер. Бедняцкое хозяйство нельзя считать полностью ориентированным на подъем собственного сельскохозяйственного производства. Середняцкое же хозяйство было в принципе автаркным, самонаправленным, мало связанным с рынком и стремилось максимально ограничить свои денежные расчеты (товарная часть продукции возникала здесь спорадически, под давлением жизненных обстоятельств).

Таким образом, государственная политика абстрагировалась от хорошо известной «буржуазной» науке 20-х годов естественной тенденции, в силу которой до определенных пределов хозяйство крестьян не выходит за собственные рамки, за границы простого воспроизводства, и лишь за этими пределами хозяйства начинают ориентироваться на расширенное воспроизводство ^{10} . Вследствие этого рост производительности аграрного труда на несколько порядков отставал от промышленного, а затронутость аграрной сферы СССР товарно-денежными отношениями была слабой: господствовал скорее локальный (межхозяйственный) и централизованный обмен (к последнему, однако, более применим термин «распределение»), чем обычные, чисто денежные связи. Особо слабой была товарность зерновых. Именно поэтому государство перешло на путь тотальной административной коллективизации, окончательно подорвав хозяйственный потенциал деревни. Кризисы сбыта, «ножницы цен», хлебный кризис конца 20-х годов явились лишь проявлением определяющего влияния указанного фактора на общехозяйственные процессы.

См., например: Голанд Ю. Кризисы, разрушившие нэп. М., 1991.
 Рыков А. И. Избранные произведения. М., Экономика, 1990, с. 383, 376, 416.
 Еще в 10-х годах была выведена закономерность, продолжавшая действовать, по всей видимости, и в 20-х годах для середняцких хозяйств: по достижении необходи мого для существования семьи уровня производства дальнейшая работа, как правило, прекращается. См.: Челинцев А. Н. Теоретические основания организации крестьянского хозяйства. Харьков, 1919, с. 6.

В тех ограниченных мероприятиях, ориентированных на подъем народного хозяйства страны, которые проводились в рамках новой экономической политики в 20-х годах, уже были заложены причины их будущей неудачи: отсутствие в разрабатывавшейся на официальном уровне концепции макроэкономического регулирования ясного понимания направлений взаимосвязи между промышленным и аграрным секторами; тенденция к тотальному огосударствлению всех хозяйственных структур; стремление переориентировать государственную политику с воздействия на макро- на воздействие на микроуровне с преимущественным использованием прямых методов регулирования; попытка построить систему товарного (или, скорее, квазитоварного, поскольку мыслилось значительную часть продукции аграрной сферы мобилизовать в распоряжение государства нерыночным, фискальным путем) производства и обращения с ориентацией на слои, принципиально нацеленные на простое воспроизводство (середняк), опираясь на люмпенизирующуюся часть населения, и на базе распределительной концепции государственного регулирования.

С переходом к нэпу (в немарксистском лагере определенному как «государственный капитализм») перед учеными-немарксистами открылись возможности практического воздействия на ход экономических процессов в СССР. Н. Д. Кондратьев, например, сосредоточил внимание на проблемах развития сельского хозяйства и народнохозяйственного планирования.

Ряд положений, которые Н. Д. Кондратьев сформулировал для себя еще в 10-х годах в гипотетическом виде, позднее появятся уже в качестве аксиом. Главное его положение как ученого-прогнозиста в 20-х годах — системный подход к явлениям общественной жизни. Закономерность для него — не логика по преимуществу, а результат взаимодействия большого числа элементарных явлений, рассматриваемых как реальная совокупность. Если основные внутренние составляющие и условия функционирования (внешняя среда) системы радикально меняются, то и сама система приходит в движение. В этом смысле всякая закономерность относительна и имеет исторический характер. Отсюда следует ряд практических выводов, один из которых гласит, что хотя закономерность событий и явлений общественной жизни имеет место (при этом далеко не в единственном числе: их действует множество), построение неких соображений относительно будущего развития истории и экономики возможно лишь тогда, когда прогнозист обладает идеальным знанием всех причинно-следственных связей, лежащих в основе течения событий. Прогностический потенциал человеческого знания оказывается в большой степени ограниченным — и количественно, и качественно.

Это, однако, не означает, что наука должна отказаться от всяких попыток изучения и предвидения событий, предоставив их воле волн естественного процесса. Наука должна прежде всего отдавать себе отчет в ограниченности своих возможностей и не ставить перед собой и перед обществом задач, решение которых невозможно по определению. Прогностика имеет и реальное прикладное значение в условиях, когда на очередь поставлена задача организованного управления стихийными силами жизни.

В естественном, «стихийном» ходе событий Н. Д. Кондратьев видит в целом элемент не определенной саморегуляции, а деструкции, преодолеть который призвано внесение в течение жизни элементов ratio — разумности, человеческой сознательности. Здесь — точка его соприкосновения как с традиционным, «ортодоксальным» марксизмом, так и с возникшей несколько позже теорией Дж. М. Кейнса и другими вариантами этатистских концепций. Именно здесь можно найти окончательное решение коллизии, возникшей в отечественной литературе

относительно соотношения генетики и телеологии в его теории: Н. Д. Кондратьев не был противником телеологии, напротив, он считал государственное регулирование экономики непременным условием ее прогресса. Он лишь подчеркивал, что teleos — та цель, которая ставится перед экономической и социальной жизнью, должна быть сугубо рациональна, а раз так, то она не может не опираться на сложившиеся закономерности развития общества.

Основой концепции Н.Д. Кондратьева стало сочетание генетического и телеологического методов планирования народного хозяйства. Ввиду окончания периода форс-мажорной экономики он считал целесообразным рациональное сочетание методов государственного регулирования и саморегулирования экономики. Осмысливая регулирующий потенциал рынка, ученый предлагал строить плановую деятельность на учете тенденций его развития. Поэтому генетический метод мыслился как основа целеполагания, что ставило план на реальную почву действительных тенденций развития экономики. Н. Д. Кондратьев выступал против гипертрофии телеологического метода, сводившего в конечном итоге регулирующее воздействие государства к планированию ради планирования. План в его понимании должен был представлять собой вариант программы развития, то, что ныне принято характеризовать термином «индикативное планирование».

В изучении развития народного хозяйства Н. Д. Кондратьев исходил из того, что основой его является развитие аграрной сферы: экономика не может быть развита более, чем позволяет ей сельское хозяйство. Хозяйственный прогресс в СССР в понимании ученого был прямо связан с подъемом сельскохозяйственного производства. Для этого предполагалось (и было заложено в «пятилетку Кондратьева»): дать простор развитию производительных сил деревни; сделать ставку на хозяйства, ориентированные на расширенное воспроизводство (а коль скоро бедняцкие хозяйства находились на грани люмпенизации, середняцкие же были нацелены главным образом на простое воспроизводство с эпизодическим, зачастую вынужденным выбросом на рынок товарного продукта, то к таким хозяйствам можно было отнести только те, которые статистика именовала «зажиточно-кулацкими», а теория делала относительно них далеко идущие выводы в духе вульгарного социологизма), используя их как своеобразный катализатор товаризации деревни и резерв для реальной помощи .бедноте; развернуть потенциал кооперации во всех ее формах вплоть до развития на кооперативной базе производства по первичной (и даже более глубокой) переработка продукции аграрного сектора.

Естественным путем развития народного хозяйства Н. Д. Кондратьев считал становление единого комплекса, в котором развитие каждой из отраслей было бы взаимосвязано с развитием других, но не так, чтобы одна отрасль развивалась за счет другой, как это предполагалось большевиками, строившими свою модель индустриализации СССР на базе перекачивания капитала, а так, чтобы отрасли взаимодополняли друг друга, создавая и резервы накопления, и материальные стимулы для развития товарного производства. Метод же большевиков, по мнению Н. Д. Кондратьева, финалом своим мог иметь лишь прогрессирующую деструкцию народного хозяйства.

ВОЛНЫ КОНДРАТЬЕВА, РАЗВИТИЕ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА*

Волны Кондратьева и длинные циклы мировой политики

В последние два десятилетия специалисты уделяли довольно много внимания долговременным взаимосвязям глобальных процессов, происходящих в экономической и политической сферах. В области экономики интерес привлекали колебания цен и, правда, в меньшей степени — объемов производимой продукции. В области политики исследования были сосредоточены на военных вопросах и фазах глобального лидерства. Различные ученые часто использовали несопоставимые подходы, что ослабляло теоретическую основу изучения указанной проблематики. В данной работе мы попытаемся предложить выход из возникших затруднений.

Мы исходим из того, что в реальности существуют как волны Кондратьева, так и длинные циклы мировой политики. Анализ литературы, посвященной длинным волнам, позволяет сформулировать следующие их особенности:

- длинные волны характерны прежде всего для показателей вы пуска продукции, а не для индексов цен, и касаются скорее роста производства в различных отраслях и инвестиций в инфраструктуру в мировом масштабе, чем общих макроэкономических показателей отдель ных стран;
- генератором длинных волн выступают группы важнейших нововведений, благодаря которым начинаются технологические революции, приводящие к возникновению отраслей-лидеров;
- длинные волны принимают форму четырехфазного промышленно-продуктового цикла, выраженного S-образной кривой;
- длинные волны носят интернациональный характер, их легче вы явить при изучении статистики ряда стран, чем какой-либо одной; они присущи глобальным экономическим процессам, а также экономикам наиболее развитых стран мира.

Длинные волны Кондратьева можно определить как процессы подьема и упадка ведущих отраслей или как структурные изменения в мировой экономике. Принципиальное значение для подобных изменений имеют кластеры (сгустки) нововведений, включающие, согласно подходу, предложенному еще И. Шумпетером, не только новые продукты и методы производства, но и открытие новых рынков и источников сырья, а также создание пионерных форм организации бизнеса.

Существуют довольно большие расхождения в трактовках указанных процессов между учеными, стоящими на позициях неоклассической политэкономии, и сторонниками волнообразного характера глобальных структурных сдвигов. Адепты неоклассической теории рассматривают нововведения и политические процессы (например, войны) как исторические случайности, то есть как экзогенные факторы по отношению к

^{*} Публикуется с сокращениями.

изучаемой проблеме. В этом заключается сущность указанной теории: объем произведенной продукции данной страны, описываемый производственной функцией, зависит только от масштабов использованного капитала и задействованных трудовых ресурсов. В то же время статистический анализ показал, что труд и капитал обеспечивают вместе около половины прироста продукции, а другую половину разделяющие положения неоклассической политэкономии относят на счет научнотехнического прогресса Таким образом, в рамках этой концепции НТП рассматривается в качестве экзогенного фактора, носящего случайный характер и напоминающего манну небесную, которая время от времени высыпается на головы отдельных счастливчиков, но в границы теоретических представлений сам по себе не укладывается. Современные исследования, однако, вынуждают во многом пересмотреть такую точку зрения. По мнению П. Роумера², именно научно-технический прогресс является главным источником экономического роста, носит эндогенный характер, а его ускорению способствует развитие рынков. НТП — самостоятельный фактор, производства, которому присущи особые характеристики, и должен учитываться в производственной функции наряду с другими факторами.

Другая предпосылка нашего анализа — существование длинных циклов (циклов лидерства) мировой политики. На наш взгляд, они выступают примерами структурных изменений, поскольку длинные циклы периодически меняют структуру мирового политического устройства, способствуя возникновению новых великих держав.

Теория длинных циклов описывает изменения мировой политической структуры. Мы рассматриваем длинные циклы как подъем и упадок великих держав. Длинные циклы развития данной страны бывают двух видов: этап обучения (подъема) и этап лидерства (упадка). Каждый из них можно подразделить на четыре фазы. Первый включает в себя: определение основных проблем, требующих решения; создание коалиции союзников; принятие решений на макроуровне; проведение их в жизнь. Второй состоит из следующих фаз: мировая война; положение великой державы; утрата легитимности; распад (см. табл. 1).

Таблица 1

Виды длинных циклов	Фазы			
Этап обучения (подъема)	Определение основных проблем	Создание коалиции союзников	Принятие решений на макроуровне	Проведение решений в жизнь
Этап лидерства (упадка)	Утрата легитимности	Распад	Мировая война	Положение великой державы
Страны	Годы	Годы	Годы	Годы
Португалия	1430 1540 1640 1740 1850 1973	1460 1560 1660 1763 1873 2000	1494 1580 1688 1792 1914 2030	1516 1609 1714 1815 1945 2050

Economics and Statistics, 1957, v. 39, p. 312—320.

Romer P. M.— «Endogenous Technological Change» — Journal of Political Economy, 1990, v. 98, № 5, pt. 2, p. 71—102.

Solow R. H. «Technical Change and the Aggregate Production Function» Review of

Длинные циклы в политике можно рассматривать как результат, полученный в ходе применения «политической» производственной функции, продукт которой — глобальное лидерство, направленное на решение мировых проблем. Производственная функция описывает ряд возможностей принятия тех или иных решений. В основе глобального лидерства лежат следующие факторы: мобильные военные силы, которые могут быть доставлены в любую точку земного шара; передовая экономика; открытое общество; реагирование на мировые проблемы (или спрос) при помощи нововведений. Длинные циклы можно также представить как процесс обучения, фазы которого последовательно оптимизируют использование каждого из указанных факторов, хотя все они действуют одновременно. Так, в фазе «принятие решений на макроуровне/мировая война» упор следует сделать на развитие мобильных военных сил. В фазе «проведение решений в жизнь / положение великой державы» главное — передовая экономика и ее положение в мировом экономическом сообществе. «Определению основных проблем / утрате легитимности» соответствуют наращивание инновационного потенциала и гибкость в подходе к новым проблемам. Фаза «создание коалиции союзников / распад» требует ресурсов открытого общества.

Поскольку волны Кондратьева отражают подъем и упадок ведущих отраслей экономики, а длинные циклы политики — подъем и упадок великих держав, ясно, что речь идет о двух параллельных процессах структурных изменений. Другими словами, волны Кондратьева взаимодействуют не со случайными историческими событиями, а с хорошо структурированными политическими процессами, влияющими на изменения в мировом политическом устройстве, включая и мировые войны.

Волны Кондратьева и длинные циклы мировой политики имеют много общего. И те, и другие возникают в результате деятельности лидеров в своих областях. Первые привлекают внимание к роли нововведений в мировой экономике, вторые объясняют подъем великой державы созданием политической структуры, являющейся крупным институциональным нововведением. И первые, и вторые состоят из четырех циклов. Наконец, если волны Кондратьева отражают эволюцию мировой экономики, то длинные циклы — эволюцию мировой политической системы. Обоим процессам присуща также высокая степень нестабильности при переходе от одного этапа к другому.

Возникает закономерный вопрос: насколько автономны указанные процессы, нет ли между ними глубокой внутренней взаимосвязи? На наш взгляд, с учетом того, что мы знаем о взаимозависимости экономики и политики, они должны быть скоординированы. Это, конечно, не означает существования некоего «координатора», а только вероятность наличия самоорганизующихся механизмов приспособления двух пронессов.

Известно, что в большинстве стран правительства поглощают значительную часть ВНП — в среднем до одной трети, а во время мировых войн — и половину. Изменения в экономике воздействуют и на деятельность правительств. В свою очередь, процветание экономики зависит от поддержания мира, порядка и безопасности страны: резкие изменения в политической структуре неминуемо отражаются и на экономике. Таким образом, экономика и политика тесно взаимосвязаны, и отсутствие координации между ними может привести к нарушению их нормального функционирования.

Аналогичная зависимость существует, по нашему мнению, и между волнами Кондратьева и длинными циклами мировой политики, поскольку они используют одни и те же ресурсы и сталкиваются с одинаковыми

глобальными проблемами. Так, новые отрасли промышленности обеспечивают финансирование глобальных политических операций. Последние создают условия безопасности, при которых возможно процветание отраслей-лидеров, а их растущие потребности способствуют формированию новых рынков. На основании сказанного мы могли бы сформулировать следующую гипотезу: процессы развития как экономики, так и политики имеют общую базу — поиск лучших форм организации мирового устройства.

Общепризнано, что продолжительность волн Кондратьева составляет 50—60 лет. Исследователи длинных циклов мировой политики считают, что великие державы сменяют друг друга в роли мировых лидеров через 100—120 лет (подобные оценки были подтверждены измерениями концентрации военно-морской мощи, которая достигала максимума, как и предсказывалось, с указанным интервалом к концу пяти мировых войн.— См. Modelski G., Thompson W. Seapower in Global Politics 1494—1993. L., Macmillan, 1988). С учетом этих эмпирических данных можно предположить, что каждый длинный цикл мировой политики скоординирован с двумя волнами Кондратьева.

Поскольку каждый длинный цикл мировой политики состоит из четырех фаз, первая волна Кондратьева («К-а») будет соответствовать фазам «определение основных, проблем» и «создание коалиции союзников» на этапе подъема цикла, а вторая волна («К-в») — фазам «принятие решений на макроуровне» и «проведение решений в жизнь». Так как волны Кондратьева имеют S-образную форму, можно назвать первую часть каждой из них стартовой, а вторую — фазой быстрого развития.

Исторические факты подтверждают, что в прошлом периоды быстрого развития предшествовали и следовали за фазой «принятие решений на макроуровне / мировая война» длинного цикла мировой политики. Продолжительные военные действия не способствуют процветанию мировой экономики, они стимулируют только производство техники и материалов военного назначения. В то же время закладываются основы для этапа послевоенной экономической экспансии. В значительной степени в мировых войнах используется накопленный в предшествующий период быстрого развития потенциал нововведений.

Исходя из сказанного, мы предлагаем следующие гипотезы: 1) волны «K-а» достигают своего пика до начала фазы длинного цикла «принятие решений на макроуровне / мировая война»; 2) волны «K-в» достигают своего пика после окончания указанной фазы.

Если это верно, тогда достижение пика волны «К-а» является необходимым условием мирового лидерства какой-либо державы, а стартовая половина волны «К-в» приходится на фазу «принятие решений на макроуровне / мировая война» длинного цикла мировой политики. Вторая же половина волны «К-в» — этап быстрого развития — разворачивается во время укрепления мирового экономического порядка в фазе «проведение решений в жизнь / положение великой державы» длинного цикла. Таким образом, только мировые войны играют определяющую роль с точки зрения взаимодействия волн Кондратьева и длинных циклов мировой политики, национальная же принадлежность отраслей-лидеров является не исторической случайностью, а результатом указанного взаимодействия (см. табл. 2).

Таким образом, наши гипотезы предполагают, что государства, играющие (или учащиеся играть) роль мирового лидера, служат главными (и первоначальными) источниками волн Кондратьева, то есть мировое политическое лидерство тесно связано с лидерством экономическим. Поскольку волны Кондратьева возникают под воздействием кластеров

Длинный цикл (этап обучения)	Отрасли-мировые лидеры	Предположи- тельная старто- вая фаза волны Кондратьева (годы)	Предположи- тельная фаза быстрого разви- тия волны Кондратьева (годы)	
Португалия				
«К-а» «К-в»	Заморское золото	1430—1460	1460—1494	
Нидерланды «К-а»	индииские пряно- сти	1492—1516	1516—1540	
	Балтийская и ат- пантическая тор-		1560—1580	
«К-в»	говля	1540—1560	1300 1300	
Британия-1 «К-а»	восточная торгов- ля	1580—1609	1609—1640	
«К-в»	Торговля Америки с Азией (сахар)	1640—1660	1660—1688	
Британия-II	с Азией	1688—1713	1713—1740	
(It w/ (It b/)	Хлопок, железо	1740—1763	1763—1792	
соединенные шта- ты Америки «К-а»	железные дороги, паровой двигатель	1792—1815	1815—1850	
«К-в»	Стапь химия			
	электроэнергия Автомобиле- и	1850—1873	1873—1914	
«K-a»	авиастроение,	1914—1945	1045 1070	
«K-в»	Переработка ин-	1072 2000	1945—1973	
формации	формации	2026—2050	2000—2026 2050—2080	
Нидерланды «К-а» «К-в» Британия-1 «К-а» «К-в» Британия-II «К-а» «К-в» Соединенные Штаты Америки «К-а» «К-в» «К-в»	Индийские пряности Балтийская и атлантическая торговля Восточная торговля Торговля Америки с Азией (сахар) Торговля Америки с Азией Хлопок, железо Железные дороги, паровой двигатель Сталь, химия, электроэнергия Автомобиле- и авиастроение, электроника	1492—1516 1540—1560 1580—1609 1640—1660 1688—1713 1740—1763 1792—1815 1850—1873 1914—1945 1973—2000	1516—15: 1560—15: 1609—16: 1660—16: 1713—17: 1763—17: 1815—18: 1873—19 1945—19 2000—20:	

нововведений, которые способствуют перестройке структуры мировой экономики, политическое лидерство должно также быть связано с нововведениями. Другими словами, мы приходим к третьей гипотезе: мировые державы на этапе обучения (подъема) длинного цикла являются источником большинства важнейших нововведений.

В основе лидерства той или иной отрасли лежат крупное нововведение или кластеры нововведений, способствующие быстрому экономическому росту. Отрасли-лидеры содействуют распространению нововведений и их эффекта во всей мировой экономике и играют важную роль в ускорении развития других отраслей. В период с XV по XVIII в. наибольшее влияние на структуру мировой экономики оказало создание океанской торговой системы, благодаря которой были открыты новые рынки сырья и сбыта, разработаны эффективные методы ведения дел, снижены торговые издержки. Радикальные нововведения конца XVIII—XX вв. привели к формированию новых отраслей, использующих высокоэффективную технологию производства и транспортировки товаров. Общее для обоих видов нововведений — создание новых структур, обусловивших огромные изменения сначала в стране-лидере, а затем и во всем мире.

В таблице 3 представлена группировка нововведений в соответствии с годом их появления в различных странах с учетом волн Кондратьева и длинных циклов развития Британии и Соединенных Штатов Америки.

Крупные нововведения и великие державы *

Цикл/волна Кондратьева (годы)	Количество крупных нововведений	Страна первого появления нововведения
Британия II: «К-в» (1811— 1849) США: «К-а» (1850— 1914) США: «К-в» (1915—1971)	18 67 75	Британия — 44% США — 22% США —45% Германия — 18% США — 57% Германия — 17%

^{*} Рассчитано по данным J. J. van Duijn The Long Wave in Economic Life. L., Allen & Unwinn, 1983, p. 176—179; включены шесть случаев нововведений, происхождение которых точно не установлено.

Из таблицы видно, что, как и предполагалось, на великие державы на этапе обучения (подъема) длинного цикла мировой политики приходится большая часть нововведений.

Развитие мировой экономики

Выше рассматривалось воздействие волн Кондратьева на мировую экономику начиная с середины XV в. Означает ли это, что в более ранние времена они не существовали? Чтобы попытаться ответить на данный вопрос, необходимо глубже разобраться в самой природе волнообразных процессов.

Н. Кондратьев считал, что длинные волны присущи капиталистической экономике, находящейся в постоянном развитии, которое обладает определенной направленностью. В ходе исторического анализа исследователь неминуемо столкнется с большими трудностями из-за недостатка данных, их недостоверности и несопоставимости. Нельзя уводить такой анализ в слишком далекое прошлое, поскольку для получения правильных результатов необходимо, чтобы основные принципы организации бизнеса оставались неизменными, что означало для Н. Кондратьева возможность ограничиться периодом после первой промышленной революции. Но если мы применим принцип организации бизнеса не только к промышленному капитализму, а к капитализму в целом, тогда можно протянуть цепочку анализа намного дальше в прошлое, чем предполагал Н. Кондратьев.

Сегодня не существует единого мнения по поводу того, что такое капитализм и когда же он начался. Некоторые специалисты относят начало капитализма к XVI в., другие обнаруживают его следы в деловой практике арабов, индийцев, китайцев и итальянцев в XII или XIII в. Согласно Ф. Брауделю, капитализм потенциально присутствовал с начала истории³. Но если заменить термин «капитализм» понятием «рыночная экономика», то есть экономика, действующая в условиях внешней автономии и внутренней самоорганизации, тогда обнаружится, что она в той или иной степени проявляется на протяжении последнего тысячелетия. Так, У. Макнейлл утверждает, что в исторической перспективе родиной рыночной экономики можно считать Китай в конце первого тысячелетия нашей эры ⁴.

Эволюционный потенциал рыночной экономики с точки зрения глобальных перспектив заключался не только во все большем ее усложнении и растущей специализации в условиях высокой урбанизации, но и

³ Braudel F. The Perspective of the World. L., Collins, 1984, p. 620.

⁴ McNeill W. The Pursuit of Power, Oxford, Blackwell, 1982, p. 25,

в последовательно сменявших друг друга волнах нововведений, которые вдыхали новую жизнь в экономику при помощи знаменитых изобретений — бумаги, денег, финансовой системы, огнестрельного оружия, компаса, сделавшего возможными океанские путешествия. Но если существуют сами изобретения, можно ожидать, что нововведения, появляющиеся на их основе, будут рождаться не поодиночке, а группами, кластерами, давая начальный импульс ранним волнам Кондратьева.

К началу нашего тысячелетия мировая система достигла такого уровня населенности (около полумиллиарда человек) и такой степени сложности, что стали рождаться новые формы политического устройства. В этот период распространенную двухуровневую схему общественной организации — деревня и империя — начала вытеснять новая четырехуровневая система, включавшая наряду с локальным и региональным также и национальный, и глобальный уровни. Указанный процесс зародился в Китае, затем через посредство монгольской империи и при помощи межконтинентальной торговли был перенесен в страны Средиземноморья, после чего достиг государств, расположенных на берегах Атлантического океана, и Северо-Западной Европы. Благодаря данному процессу были заложены основы создания не только мировой экономической, но и глобальной политической системы, что посеяло семена будущего мирового сообщества.

Таким образом, можно предположить, что, хотя и в весьма рудиментарной форме, волны Кондратьева зародились в Китае на рубеже первого и второго тысячелетий нашей эры, переместившись затем по Великому шелковому пути в Италию, и, набрав темпы в XV в., достигли стадии зрелости с укреплением океанской торговли, в которой господствовали Нидерланды и Британия. Длинные волны промышленного развития, исследовавшиеся Н. Кондратьевым, были поздней формой проявления процесса, начавшегося задолго до этого в другой части света (см. табл.4).

Таблица 4 Развитие мировой экономики и волны Кондратьева

Стадии развития мировой экономики	Начало волн Кондратьева					
Основы						
Прорыв к рыночной	930 г.	990 г.	1060 г.	1120 г.		
экономике	Бумага	Финансовая система	Железо и	Морская тор- говля в Фуд- зяне		
Морская и торговая революции	1190 г. Ярмарки в Шампани	1250 г. Черноморская торговля	1300 г. Венецианский галерный флот	1350 г. Перец		
Океанская топговля	1430 г. Заморское золото	1494 г. Индийские пряности	1450 г. Балтийская и Атлантиче-	1580 г. Азиатская торговля		
Промышленное развитие	1640 г. Торговля Америки с Азией	1688 г. Торговля Америки с Азией	ская торговля 1740 г. Хлопок, железо	1792 г. Паровой дви- гатель. желез- ные лороги		
Структура						
Информационная эпоха	1850 г. Сталелитейная, химическая промыш- ленность, элект- роэнергетика	1914 г. Автомобиле- и авиастроение, электроника	1973 г. Информацион ные системы	2026 г.		

Координация двух глобальных процессов

Как было показано ранее, волны Кондратьева и длинные циклы мировой политики — структурно близкие глобальные процессы эволюции, из чего следует вероятность их координации. Проведенный анализ подтверждает, что такая координация на самом деле существует как в пространстве, так и во времени. С одной стороны, оба процесса проходят в одних и тех же регионах, с другой — ритм наступления мировых войн, определяющий длинные циклы мировой политики, означает также начало и конец волн Кондратьева.

Что же могло служить причиной подобной координации? Во-первых, ограничения эффективности, связанные с доступом к системам коммуникаций и со стоимостью поставок сырья. Исследования показали, что больше всего создается нововведений в регионах с налаженной системой связей между производителями продукции и рынками сбыта, а также там, где имеется большой выбор доступных ресурсов, причем это может относиться не только к целым государствам, но и к их отдельным районам. Национальное государство является фактором, координирующим ход обоих процессов, и способствует их развитию. Снижаются расходы по заключению сделок, доступнее становятся средства связи, легче мобилизуются необходимые факторы производства. Опора на возможности национального государства обеспечивает большую безопасность и открытость, условия, при которых появляются нововведения всех видов. Следует также отметить, что специализация региона на какойлибо одной инновационной парадигме затрудняет возникновение в нем иной. Вот почему переход к новым волнам и новым длинным циклам нередко сопровождается сменой географической «площадки».

Во-вторых, источник координации обоих процессов — их реакция на одни и те же глобальные проблемы. Если мы постулируем, что структурные изменения происходят под воздействием насущных глобальных задач, необходимые решения могут быть найдены как в области экономики, так и в области политики. Современные глобальные проблемы более тесной интеграции человечества можно рассматривать с двух точек зрения — как политический процесс создания демократического общества в мировом масштабе и как экономический процесс развития информационных систем, без чего первая задача неразрешима.

В течение последнего столетия в мире постоянно сокращались издержки на транспортировку и средства связи. В информационную эпоху трудности координации двух процессов уменьшаются, а база мирового общественного мнения стабильно расширяется. Эти тенденции показывают, что роль национального государства с позиции координации волн Кондратьева и длинных циклов мировой политики снижается, а на первое место начинают выходить наднациональные образования.

Современная волна Кондратьева

Согласно нашим исследованиям, подтвержденным и многими другими специалистами, нынешняя волна Кондратьева началась в 1973 г. и достигнет своего пика за пределами 2000 г. Следовательно, сейчас можно попытаться обнаружить первые признаки существования отраслейлидеров ближайшего будущего и оценить вероятные формы новой технологической парадигмы.

Ученые, специализирующиеся на изучении волн Кондратьева, в большинстве своем сходятся во мнении, что мы переживаем период смены одной технологической парадигмы другой, в основе которой лежит технология переработки информации. К ней же в определенном смысле можно отнести и биотехнологию. Указанное мнение, по-видимо-

му, разделяют и многие правительства, стимулирующие инвестиции в данной области. Особенно это касается США, стран Западной Европы, Японии, Кореи и Тайваня. Таким образом, весь мир практически знает сегодня, какие отрасли станут лидировать в экономике ближайшего будущего.

Насколько соответствует приведенное общее мнение о новых технологических лидерах выводам, которые можно сделать на основе изложенной теории? Мы предполагаем, что в XX в. глобальная система вошла в длительную фазу «организации» (которая должна длиться четыре длинных цикла), подтверждением чего служит появление все большего количества международных организаций. Они стали порождением существующей модели мирового лидерства, но постепенно приобретают новые функции и качества. В настоящее время их роль сводится, как правило, к сбору информации, но возможностей действовать автономно и принимать независимые решения у них недостаточно.

Предположим далее, что этот эволюционный процесс глобальной организации вступил в фазу «демократического перехода»: создания мирового демократического сообщества на основе той почти половины человечества, которая сейчас живет в демократических странах.

Какого рода нововведения необходимы для формирования мирового демократического сообщества? Какие отрасли-лидеры лучше всего будут соответствовать такому вызову? Очевидно, те, которые способствуют интеграции мирового сообщества на демократической основе. Этому требованию полностью соответствуют системы переработки информации, а в организационном плане — современные отрасли связи, которые при помощи компьютеров, спутников связи и волоконно-оптических кабелей могут объединить человечество в единое целое, создав интегрированное звуковое, видео- и информационное пространство. Возможно, через два-три десятилетия глобальные системы связи и передачи информации превратятся в нечто, напоминающее центральную нервную систему мировой организации человечества.

Таким образом, современная волна Кондратьева реагирует на экзогенный спрос на ее инновационные продукты. Но она обладает и своей собственной эндогенной динамикой, поскольку достигла стадии, на которой становится реальностью создание информационного общества в мировом масштабе.

Какая же страна окажется сосредоточением отраслей — лидеров волны Кондратьева, в основе которой — системы переработки информации? Мы знаем, что это — волна типа «К-а», начинающая новый цикл глобального лидерства. Легко предположить, что страны с наиболее развитым информационным сектором — самые подходящие кандидаты на данную роль. К их числу, безусловно, относятся Соединенные Штаты Америки и Япония.

Вполне вероятно, что функция глобального лидерства будет носить более сложный и коллективный характер и даже может стать менее ярко выраженной по мере усиления влияния элементов глобальной организации. Растущее могущество многонациональных корпораций и их ведущая роль в отраслях — лидерах современного НТП, а также способность создавать стратегические союзы во всех важнейших зонах мировой экономики, безусловно, ведут к укреплению интеграционных процессов и меньшей ориентации мировой политической структуры на какоелибо одно национальное государство.

О ХАРАКТЕРЕ ДЛИННЫХ ВОЛН

Несмотря на то, что длинные волны Н. Д. Кондратьева (К-волны) интенсивно изучаются экономической наукой, они до сих пор остаются одним из загадочных явлений мировой цивилизации.

С одной стороны, существование К-волн доказано статистически. В частности, установлено, что примерно с конца XVIII в. движение экономики в ряде государств Западной Европы и США в качестве одной из составляющих включает в себя К-волны. Всего за прошедшие 200 лет зафиксировано четыре волны такого рода, а в настоящее время обнаружены признаки пятой.

Кроме того, предпринимаются попытки исследования К-волн в более ранние периоды. В работах Дж. Гольдштейна, Р. Моуги, Дж. Модельски и др. доказывается, что К-волны существовали и в «доиндустриальную» эпоху, то есть до промышленной революции конца XVIII — начала XIX в.'. С другой стороны, нет ясности в вопросе об ареале распространения К-волн: охватывают ли они целиком мировую экономику, включая африканский, южноамериканский и азиатский континенты, или действуют только в пределах Северной Америки и Европы.

Нет определенности и в отношении проблемы связи К-волн с типом общественного устройства. Известный тезис, что К-волны присущи прежде всего капиталистическому хозяйству, на самом деле крайне расплывчат, поскольку отсутствует единое мнение по поводу того, что такое капитализм и когда он зародился ². Если же вместо термина «капитализм» использовать термин «рыночная экономика», то окажется, что длинноволновые колебания происходят во всех странах и во все времена за исключением тех случаев, когда экономика функционирует в нерыночном режиме, как, например, в бывшем СССР, где господствовала натуральная система распределения общественного продукта.

Важно также отметить, что в отличие от обычных бизнес-циклов (циклов деловой активности), которые прямо сказываются на поведении индивидуумов, предприятий, банков и т. д., К-волны предстают как некая ирреальная сила, непосредственно не ощущаемая. Если бизнесциклы находят свое выражение в колебаниях ставки процента, темпа инфляции, уровней производства и занятости и тем самым затрагивают конкретные экономические интересы, то К-волны связаны с долговременными тенденциями и частотой изменения (50—60 лет) указанных показателей и уже по этой причине выходят за рамки экономической восприимчивости, реальных экономических отношений. Например, физическое проявление той или иной К-волны заключается не в глубине спада производства, а в том, что во время действия повышательной части К-волны периодически повторяющиеся спады производства менее значительны и более редки, чем во время действия понижательной ее части.

¹ Так, американский экономист Р. Моуги, используя данные Роджерса-Бевериджа о ценах на английскую пшеницу начиная с 1259 г., данные Фонда по изучению циклов о норме процента начиная с 1200 г. и т. д. и применив стандартный алгоритм спектрального анализа, показал, что К-волны существуют в Европе по крайней мере с 1150—1200 гг. (Вопросы экономики, 1992, № 10, с. 76).

² Дж. Модельски, У. Томпсон. Волны Кондратьева, развитие мировой экономик? и международная политика.— Вопросы экономики, 1992, № 10, с. 54.

Такие особенности способна улавливать прежде всего статистика, а не контрагенты рыночной экономики.

Далее, современные механизмы государственного регулирования в странах с рыночной системой хозяйствования практически не учитывают К-волны. Объектом регулирования являются конкретные бизнесциклы, проблеме К-волн должного внимания не уделяется.

То же самое можно сказать и о развитии научной экономической мысли. Магистральные направления экономической теории, такие, как монетаризм или кейнсианство, если и изучают вопросы цикличности, то ограничиваются в основном бизнес-циклами. Исследование К-волн, по сути, велется обособленно.

Характерно и отношение многих крупных ученых к проблеме К-волн. Оно или скептическое, или индифферентное, что свидетельствует о непопулярности данной проблемы в среде авторитетных экономистов. Так, в одиннадцатом издании своего всемирно известного учебника по экономике П. Самуэльеон пишет лишь в сноске «о так называемых кондратьевских волнах» как постулируемых без особых доказательств и добавляет, что, видимо, длинные волны есть исторические эксцессы, вызванные открытиями месторождений золота, изобретениями, войнами. Действительно, имеющиеся в экономической литературе объяснения существования К-волн недостаточно удовлетворительны. Можно выделить два их вида. Первый — объяснения абстрактно-философского характера, восходящие к известным положениям диалектики движения материальных систем, к пониманию экономической динамики как непрерывного переходного процесса от одних относительно устойчивых (равновесных) состояний к другим. Такие положения, правильные с общетеоретической точки зрения, в конкретной ситуации с К-волнами мало что доказывают: они позволяют судить о любых колебаниях в экономике, а не только о длинноволновых.

Второй — объяснения, опирающиеся на реальные факторы, способные вызвать к жизни К-волны. Данный подход является более перспективным. Однако проблема заключается в том, что в известных нам версиях происхождения К-волн называются факторы, которые скорее выступают следствием действия К-волн, нежели причиной их возникновения. Чтобы в этом убедиться, рассмотрим основные теоретические положения некоторых ведущих исследователей К-волн.

Версия Н. Д. Кондратьева: «...Можно полагать, что материальной основой больших циклов являются изнашивание, смена и расширение основных капитальных благ, требующих длительного времени и огромных средств для своего производства. Смена и расширение фонда этих благ идут не плавно, а толчками, другим выражением чего и являются большие волны Конъюнктуры»³. Позиция Н. Кондратьева вызывает естественный вопрос: почему изначально задается гипотеза о том, что воспроизводство затратоемких капитальных благ осуществляется толчками? Почему не допускается возможность плавного движения? В зависимости от ответа на этот вопрос можно обосновать прямо противоположные формы экономического развития. В одном случае указанное Н. Кондратьевым воспроизводство затратоемких капитальных благ становится материальной основой больших циклов, в другом (плавный вариант) оно исключает циклическое движение: Таким образом, данная версия не проясняет причин возникновения К-волн, хотя автор ее пер-1ЫМ в Мировой экономической науке привел убедительные статистические доказательства их существования.

Версия Й. Шумпетера: длинные волны обусловлены периодической концентрацией (кластеризацией) важных нововведений в относительно

³ Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989, с. 218.

короткие промежутки времени. С появлением важного нововведения, приводящего к повышению прибыли у новатора, разворачивается «шторм» аналогов новшества многочисленными последователями, устремляющимися в новый растущий сектор экономики. «Шторм» нововведений сопровождается массированными инвестициями и становится причиной циклического движения экономики в целом и изменения состава ее ведущих отраслей⁴.

Версия Й. Шумпетера правомерна, поскольку в реальной экономике действительно наблюдаются кластеры нововведений. Однако она не дает ответа на вопрос: почему важные нововведения концентрируются в относительно короткие промежутки времени? Почему не наблюдается иная, равномерная процедура внедрения крупных новшеств в экономику страны? Пытаясь ответить на этот вопрос, некоторые ученые выдвинули гипотезу «эхо-эффекта», положив в ее основу предположение, что между скоростью и частотой нововведений и колебаниями изобретательской активности существует определенная зависимость.

Однако Г. Менш после обработки большого массива информации категорически отверг данную гипотезу. Он показал, что, хотя изобретательская активность неравномерна, ей не свойственны выраженные всплески, присущие динамике базисных нововведений⁵. Так что вопрос о причинах кластеризации нововведений, а значит, и образования длинных волн остается открытым.

Версия Дж. Форрестера: основной причиной зарождения К-волн является рост избыточного спроса в секторе производства средств производства, особенно для выпуска средств производства. Он начинается с розничной торговли, которая при благоприятной конъюнктуре рынка увеличивает число заказов поставщикам в расчете не только на покрытие текущего спроса, но и на возможности его увеличения в будущем. Далее импульс повышенного спроса распространяется по технологическим цепочкам, все более усиливаясь на каждом очередном этапе. Дойдя до сектора производства средств производства, этот импульс становится максимально мощным вследствие наличия перекрестных технологических связей в данном секторе. Указанный факт и обусловливает, согласно Дж. Форрестеру, начало К-волны⁶.

Рассматриваемая версия, как и две предыдущие, также вызывает сомнения. Общеизвестно, что спрос, исходящий от сферы конечного потребления, усиливается в рамках обычного бизнес-цикла, то есть возрастает не реже, чем каждые 7—12 лет. Тогда почему всплески спроса в одних случаях являются причиной большой волны (К-волны), а в других — ведут к очередному бизнес-циклу? В версии Дж. Форрестера нет ответа на поставленный вопрос.

Итак, ситуация парадоксальна: К-волны существуют, что доказано статистически, но вместе с тем в теоретическом плане они, по сути, постулируются. Феномен оказывается необъясненным, несмотря на множество попыток решить эту задачу.

Мы придерживаемся следующей позиции: К-волны представляют собой некие исторические эксцессы, вызванные различными экзогенными факторами, если иметь в виду исторический период до промышленной революции. Такая точка зрения подтверждается результатами исследований динамики цен, проведенных Дж. Гольдштейном: до XVII в. Кволны не отличались регулярностью, их продолжительность в XVI в. составляла 30—36 лет (что никак не соответствует стандартной длине Кволн), более или менее повторяющиеся К-волны возникли в XVII—

⁴ Длинные волны: научно-технический прогресс и социально-экономическое развитие. Новосибирск, Наука, 1991, с. 93.

⁵ Там же, с. 95.

⁶ Там же. с. 71—73.

XVIII вв. Однако ситуация резко изменилась в конце XVIII в., когда экзогенные, носящие во многом случайный характер К-волны прошлого периода спровоцировали появление эндогенных, регулярных К-волн нового типа.

Данный факт был обойден вниманием исследователей. Между тем именно в эпоху промышленной революции произошли кардинальные изменения в природе длинноволновых колебаний. К-волны обрели свойство эндогенности по той причине, что формирующийся в период промышленной революции фабрично-заводской основной капитал впитал в себя, а точнее, в свою воспроизводственную структуру волнообразный характер, присущий экономическому развитию в предшествующий период, а затем в процессе своего дальнейшего воспроизводства стал самостоятельно, без помощи экзогенных факторов репродуцировать длинноволновые колебания. Как же произошла «настройка» основного капитала на генерацию К-волн?

Известно, что в конце XVIII в. в Европе и Северной Америке разразилась депрессия, связанная с действием последней К-волны экзогенного типа, за которой последовала первая индустриальная К-волна. Эта депрессия, как и все остальные, сопровождалась падением цен на факторы производства, снижением ставки процента, банкротством ряда мануфактурных производств. Но ее отличие от прежних заключалось в том, что уже были сделаны величайшие изобретения человеческой цивилизации, предопределившие создание первых двигателей, паровых машин, появление текстильной промышленности, текстильного машиностроения и т. д. и приведшие к невиданному росту производительности труда и снижению издержек производства.

Данное обстоятельство способствовало бурному развитию фабричного производства и образованию первого мощного кластера нововведений. Необходимый в такой ситуации свободный капитал возник не столько за счет его предшествующего накопления в форме сбережений, сколько за счет того, что сверхэффективные фабричные производства без труда побеждали в конкурентной борьбе мануфактурные мастерские. Разорению последних (или их коренной реконструкции) содействовали как перераспределение потоков сырья и трудовых ресурсов в пользу нарождающихся фабрик, так и свободный перелив капитала в том же направлении.

Итак, депрессия, предшествующая первой индустриальной К-волне, подготовила материальные условия для интенсивного «закачивания» в экономику стран Западной Европы и Северной Америки фабрично-заводского основного капитала. Этот период длился примерно 25—30 лет и образовал повышательную часть первой К-волны эндогенного типа. Эксплуатация живого труда носила тогда чрезвычайно жесткий характер, но способствовала предельной кластеризации ввода основного капитала, который и дал жизнь эндогенной природе всех следующих К-волн.

Кластеризация ввода качественно нового основного капитала на повышательной стадии первой К-волны предопределила и достаточно концентрированное во времени его выбытие, тем более что сроки службы основного капитала в большинстве отраслей примерно одинаковы. В свою очередь, с началом его выбытия обнаружились признаки перехода к понижательной стадии К-волны: замещение выбывающего капитала однотипным не давало сколько-нибудь существенного дополнительного эффекта. Даже если новый капитал представлял собой прогрессивную модификацию старого, эффект был значительно меньше, чем когда основной капитал фабричных производств вытеснял капитал мануфактурных мастерских.

При среднем сроке службы основного капитала как минимум в 20 лет первые крупные его порции начали выбывать на 21-м году

действия рассматриваемой К-волны, а так как процесс распространения нового основного капитала длился примерно 25—30 лет (что равно времени повышательной стадии К-волны), то последние крупные его порции выбыли где-то на 46—51-й год с начала данной К-волны. В период с 21-го по 51-й год существования К-волны наблюдалась тенденция снижения эффективности замещения капитала, что во все большей степени усиливало потребность в переходе к качественно новым технологиям производства и видам техники. Вместо обычного возмещения выбытия капитала стали происходить кризисные явления, сопровождаемые банкротствами первых фабричных предприятий. Начался свободный перелив капитала в новые сферы экономики (прежде всего в создание паровых двигателей и строительство железных дорог), в производство стали, электричества, синтетических красителей, в тяжелое машиностроение. На этой основе в 30—40-е годы прошлого века возникла вторая индустриальная К-волна. Длинноволновое экономическое развитие все более обретало черты эндогенной закономерности, суть которой состоит в том, что высокие уровни временной концентрации ввода нового основного капитала и его выбытия создают необходимые предпосылки для поддержания высокого уровня концентрации следующего ввода качественно нового капитала и его выбытия и т. д.

Пять лет назад А. Грублер и Н. Накиценович на основе обширных эмпирических исследований показали, что возникновение каждой К-волны обусловлено одновременным замещением взаимосвязанных старых технологий новыми, дальнейшая диффузия которых обеспечивает длительную фазу роста длинной волны. Этот вывод совпадает с нашей теоретической позицией, хотя думается, что диффузия новых технологий начинается еще в ходе замещения старых, то есть когда новый кластер основного капитала приходит на смену старому, составляющему технологическую основу предшествующей К-волны.

Итак, каждую индустриальную К-волну эндогенного типа можно представить в виде большого воспроизводственного цикла, состоящего из двух частей. Первая часть волны: замещение старого кластера основного капитала, образованного прошлой К-волной, новым. В это время новая К-волна проходит повышательную стадию, поскольку эффект замещения чрезвычайно высок. Вторая часть волны: замещение нового кластера основного капитала, возникшего на повышательной стадии текущей К-волны, капиталом аналогичного типа, хотя и с некоторыми улучшениями. К-волна проходит понижательную стадию, поскольку эффект замещения все более уменьшается.

Если первая часть К-волны обеспечивает интенсивное развитие производства, то вторая ее часть — преимущественно экстенсивный рост. Соответственно первая часть каждой индустриальной К-волны сопряжена с крупными структурными сдвигами, затрагивающими систему базовых технологий; вторая часть характеризуется более сбалансированным, хотя и менее эффективным экономическим развитием.

В заключение необходимо подчеркнуть, что указанные свойства индустриальных К-волн, возникших в конце XVIII в. и действующих по сей день, не являются открытием в экономической науке. Новым в теоретическом отношении можно считать лишь то, что эти свойства есть результат революционного преобразования К-волн, когда из случайного, экзогенного исторического процесса нерегулярные длинные волны превратились в период промышленной революции в закономерный эндогенный процесс регулярных длинноволновых колебаний.

⁷ Длинные волны: научно-технический прогресс и социально-экономическое развитие, с. 132.

доктор экономических наук, вице-президент Агентства по экономической координации и развитию, Болгария

ТЕОРИЯ ДЛИННЫХ ВОЛН: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Интерес, проявляемый κ теории длинных волн (ТДВ), носил, так же как и они сами, волнообразный характер — то угасал, то вновь усиливался. Несмотря на то что данной проблематике посвящено большое количество научных трудов, она в значительной степени оставалась на периферии экономических исследований. Теория длинных волн до сих пор может рассматриваться как «элитарное» направление современной экономической мысли. И сейчас она порождает больше вопросов, чем ответов.

Происхождение теории длинных волн: теоретические основы

Имела ли теория длинных волн шансы выжить в России в 20-е годы? Проанализировав исторические события тех лет, можно легко прийти к заключению, что ТДВ появилась вовремя, но не в той стране. Такое утверждение было бы правильным, если бы мы стали рассматривать происхождение данной теории в чисто идеологическом контексте. С практической же точки зрения интеллектуальные условия возникновения научных теорий не ограничиваются сферой идеологии.

Н. Кондратьев сформулировал гипотезу о наличии длинных волн в экономических процессах, когда марксизм еще не превратился в академических кругах в полностью институализированную теорию. Но к 1926 г. тональность дискуссий заметно ужесточилась по мере усиления влияния коммунистической партии на ход научной жизни. В первой половине 20-х годов в России еще существовала свободная конкуренция различных теоретических школ. Появлялись и теории, не связанные прямо с марксизмом. Интеллектуальная подготовка самого Н. Кондратьева отличалась широкой гуманитарной направленностью, недаром он сумел привлечь к работе в Конъюнктурном институте специалистов в различных областях знания.

Может показаться парадоксальным, но в работах К. Маркса прямо или косвенно обнаруживаются основания для создания теории длинных волн. Например, после 1870 г. в его взглядах на историческое развитие произошли определенные изменения, которые допускали возможность возникновения длинных волн. Не стоит забывать и о том, что сама эта гипотеза зародилась в социалдемократических кругах. Кроме того, при дальнейшем развитии ТДВ Н. Д. Кондратьев использовал многие функциональные аспекты теории К. Маркса. Нужно, правда, отметить, что «марксизм» Кондратьева выглядел довольно поверхностным и неорганичным. Намного более сильное влияние на него оказало наследие Г. Касселя.

Отторжение советским марксизмом теории длинных волн вызвано несколькими причинами: во-первых, ключевое положение Кондратьева об обратимости некоторых экономических процессов было приемлемым только в рамках ограниченного периода времени, например, цикла деловой активности, но при распространении его на более длительные этапы возникало противоречие с марксистской философией истории, а именно с

положением о линейном характере исторического процесса. Во-вторых, теория длинных волн шла вразрез с несколькими идеологемами, разработанными в ходе развития марксизма в России в 30-е годы (например, «депрессия особого рода» и «общий кризис капитализма»), которые значительно уступали по своей глубине анализу западных экономистов, посвященному Великой депрессии 1929—1933 гг. В-третьих, гипотеза о существовании длинных волн скрыто предполагала возможность нового долговременного экономического подъема, что было несовместимо с идеей усиления разрушительного воздействия кризиса, господствовавшей в 30-е годы и популярной вплоть до недавнего времени (корни ее можно проследить даже в ранних работах К. Маркса). В-четвертых, по самой своей сути теория длинных волн была чужда каноническим форме и стилю экономической теории в советских условиях. В своем оригинальном виде ТДВ — типичный продукт позитивизма, а с точки зрения эмпирической она противостояла дедуктивному и умозрительному методу политэкономии, позднее полностью слившемуся с марксизмом.

При указанных обстоятельствах шансы на выживание ТДВ были существенно меньше 50%. Судьба теории была предопределена ее идеологическим содержанием. Однако ТДВ пала жертвой идеологической атаки и на другие взгляды Кондратьева, которые к этой теории вообще не имели никакого отношения. Дальнейшее развитие его идей стало возможным в значительной степени благодаря тому, что они полностью совпадали с естественным развитием теории циклов деловой конъюнктуры.

Теория длинных волн: некоторые теоретические и методологические проблемы

Методологические проблемы теории длинных волн относятся или к области общей экономической теории, или к сфере пересечения экономических и исторических процессов.

ТДВ с точки зрения хронологии. Каждый цикл — определенный период времени в экономической жизни. Выделение различных циклов имеет смысл только при условии, что их функциональная сущность является гомогенной и повторяющейся. Сходные события и обратная связь наблюдаются в каждом цикле. Экономические параметры перестают существовать в рамках временной хронологии и приобретают некий смысл, если учитывается их положение в общем циклическом процессе. Экономическое поведение оценивается с точки зрения равновесия, достигаемого внутри цикла, а не долговременного (и продолжительного) роста.

Однажды выделенный, цикл превращается в особый вид хронологии. Экономическое время начинает измеряться не в годах, а в циклах. При этом возникает вопрос: до какой степени справедливо использование подобной хронологии на протяжении все увеличивающихся периодов времени? 10-летний цикл еще можно рассматривать как гомогенный, повторяемость событий дает основания для обобщений (и теоретизирования). Однако длинные волны слишком велики, охватывают целые исторические эпохи и порождают сомнения в том, можно ли в таком случае строить теоретические концепции, базирующиеся на повторяемости событий. Пока еще теории длинных волн указанные сомнения убедительно развеять не удалось.

Представляет ли ТДВ новую парадигму? На этот вопрос можно ответить положительно при условии, что данная теория соответствует следующим критериям: формулируются новые научные проблемы; некоторые известные теоретические проблемы ставятся иначе, чем прежде; разрабатывается теоретический аппарат с новыми познавательными возможностями.

Исходя из первого критерия очевидно, что ТДВ изучает ряд вопросов,

которые можно исследовать только при помощи ее собственных методов. Это относится в первую очередь к научно-техническому прогрессу. Теория длинных волн, несомненно, способствовала переходу от представления о НТП как о постепенном, экзогенном процессе, связанном с экономическим ростом, к концепции дискретного, эндогенного протекания НТП, что нашло формальное выражение в агрегированной модели экономического роста, разработанной H. Кондратьевым в $1934 \, \Gamma$.

К другим проблемам НТП, в изучении которых теория длинных волн сыграла значительную роль, можно отнести технологию нововведений, их датировку и распределение во времени, связь между циклами и динамикой нововведений. Возрождение традиций Й. Шумпетера также в значительной степени связано с дальнейшим развитием ТДВ. В то же время основные аналитические методы этой теории носили скорее исторический, чем эконометрический характер, вследствие чего ТДВ оставалась на периферии экономических исследований.

ТДВ вряд ли можно рассматривать как новую парадигму экономической теории с точки зрения и второго, и третьего критериев, что становится очевидным при сравнении теоретического потенциала ТДВ и теории циклов деловой активности. Первая оказала значительное влияние в основном на теорию исторического развития, в то время как вторая практически полностью включила в себя теорию макроэкономики. Первая использовала классические статистические методы, вторая — самые изощренные статистические процедуры, явившись катализатором последующих эконометрических исследований.

Стипень зрелости ТДВ. В течение 60 лет теории длинных волн так и не удалось достигнуть стадии стабильности, которая характеризуется отказом от неких базовых гипотез и попытками достичь синтеза конкурирующих направлений исследований. ТДВ все еще находится на этапе, на котором предпринимаются попытки обобщения несопоставимых объяснений отдельных явлений при отсутствии общей методологической базы. Само существование длинных волн ставится под сомнение. ТДВ легко поддается пересмотру под воздействием новых фактов, гипотез и эмпирических наблюдений. Ее без труда можно революционизировать, так как степень свободы для выдвижения новых гипотез значительно выше, чем в такой «старой» теории, как циклы деловой активности. В то же время вся мозаика известных фактов, на которые опирается ТДВ, может быть реорганизована в иных комбинациях.

Попытки синтезировать ТДВ с другими направлениями оказались поверхностными и теоретически безосновательными. В теории циклов деловой активности подобные усилия предпринимались с 30-х годов и привели к ее более полному включению в общую экономическую теорию.

Является ли ТДВ теорией циклов? Если да, то она должна обладать определенными свойствами, характерными для теорий данного класса. На деле многие из них отсутствуют.

В какой степени ТДВ согласуется с основными положениями классического определения теории циклов деловой активности? Поскольку первая является теорией более общего класса, она должна включать все основные элементы второй. Как правило, длинные волны непериодичны, многовариантны (охватывают совокупную экономическую деятельность) и синхронны с самыми различными процессами. В то же время в отличие от циклов деловой активности они могут состоять из более коротких циклов. В теории Н. Кондратьева идея концентрации составляющих процесса вокруг пиков и подошв длинных волн выражена достаточно отчетливо. Теория длинных волн носит в основном нелинейный характер,

«Вопросы экономики», № 10, 1992

¹ Кондратьев Н. Д. Модель экономической динамики капиталистического хозяйства (Тезисы неизданной работы),— Экономика и математические методы, 1988, № 2.

² Cm. Bums D., Mitchell W. Measuring Business Cycles. N. Y., 1946, p. 1.

так как предполагает различные значения экономических параметров на разных фазах цикла. По отношению к НТП это означает, что на стадиях депрессии и оживления экономическое поведение качественно отличается (является несимметричным). Таким образом, ТДВ подчеркивает важность стадии депрессии как наиболее плодотворной не только с точки зрения построения долговременных динамических рядов, но и теории в целом. Подобный подход нетипичен для теории циклов деловой активности, в которой нелинейные модели используются, как правило, в качестве вспомогательных.

В ТДВ нет эталонных циклов. В теории циклов деловой активности существует их широко принятое деление, лежащее в основе датировки циклов. В ТДВ датировать циклы очень трудно, поскольку позиции специалистов в этом вопросе значительно расходятся.

Являются ли длинные волны циклами деловой активности или циклами роста? На наш взгляд, это все-таки циклы роста. Они просто отражают отклонения от повышательной тенденции.

Что можно считать аналогом представления об импульсе (распространении) в контексте ТДВ? Более всего на данную роль подходят технические нововведения, но с исторической точки зрения их трудно использовать. В отличие от шоков (монетарных, фискальных или настоящих) в теории циклов деловой активности шоки в ТДВ распределены во времени и датируются с недостаточной точностью. В сущности, ТДВ может рассматриваться как циклическая теория в основном благодаря заложенному в ней механизму распространения длинных волн. Следует отметить, что эндогенная теория длинных волн не проходила испытания случайными шоками, которые весьма способствовали развитию теории циклов деловой активности. Проверялся только случайный характер появления нововведений.

Несравнимы и выводы для экономической политики, вытекающие из ТДВ и теории циклов деловой активности. Для последней самое главное— обоснование экономических решений, рекомендации же ТДВ носят намеренно общий характер и, как правило, относятся к области структурной политики, которая не так уж и важна для текущей экономической деятельности правительств.

Теория длинных волн и теория циклов деловой активности: сравнительная теоретическая хронология

Теория циклов деловой активности и теория длинных волн возникли в совершенно различной среде. Первая появилась в качестве альтернативы канонизированным логическим схемам грандиозных политико-экономических систем. Развитие этой теории стало одним из факторов гуманизации классической политической экономии, которой были присущи излишнее теоретизирование, чисто дедуктивный подход и значительная этико-нормативная нагрузка. Тем не менее и к 1913 г. теория циклов деловой активности все еще находилась на периферии экономической мысли.

ТДВ развивалась в более благоприятной обстановке, характеризовавшейся торжеством позитивизма и изменением взглядов на природу циклических процессов. При разработке основных принципов ТДВ использовались концептуальные модели теории циклов деловой активности. Перефразируя К. Борчардта, можно сказать, что отношение к прошлому в теории длинных волн отражает преобладающий взгляд на природу циклов деловой активности. Позднее данный подход широко использовался в дальнейших исследованиях, и в ТДВ появились аналоги почти всех ведущих направлений теории циклов деловой активности. Типичным примером может служить безосновательная экстраполяция

теории жизненного цикла товара на историческое развитие различных отраслей промышленности.

Могла ли ТДВ не появиться на свет? Рождение данной теории было предопределено естественным ходом исследований циклов деловой конъюнктуры. Она соответствовала открытию волн различной периодичности и занимала верхнюю часть их спектра, что было проявлением одного из основных принципов теории циклов деловой активности—рассмотрения циклов как многомерных процессов. Такая природа циклов подтверждается изучением самых различных процессов, охватывающих и колебания с различной частотой. Работы Н. Кондратьева послужили серьезным стимулом для того, чтобы синтезировать исследования этих явлений.

Правда, один вопрос остается невыясненным: возможно ли качественно иное теоретическое объяснение колебаний с различной частотой? Принцип единства причины и множественности эффектов (волны с различной периодичностью) был наиболее ярко выражен в работах Й. Шумпетера. Однако быстрое распространение ТДВ показывает, что все еще идут поиски специфических отличий волн с очень большой периодичностью.

Развитие теории циклов деловой активности прошло через несколько стадий: доказательство существования циклов определенной периодичности; возникновение различных теоретических объяснений, опирающихся на известные факты; широкомасштабное накопление, отбор и изучение фактов и одновременное формулирование теорий и проверка новых фактов; уменьшение числа теорий и фактологической разбросанности; попытки синтеза фактов и теорий.

Уже самим своим появлением ТДВ поставила под сомнение необходимость первой стадии, не дав убедительного ответа на вопрос, существуют ли длинные волны. В то же самое время теория циклов деловой активности проходила вторую и третью стадии, что оказало значительное влияние на ТДВ. Это проявилось и в работах Н. Кондратьева, которые были близки трудам У. Митчелла, посвященным циклам деловой активности³. Однако У. Митчелл опирался на уже сформулированные научные положения в качестве исходного пункта, в то время как подход Н. Кондратьева носил исключительно индуктивный характер, что определялось сущностью стоявшей перед ним задачи, включавшей в себя необходимость доказать само существование феномена длинных волн.

Возможен ли синтез ТДВ? Согласно И. Шумпетеру⁴, в 1914 г. уже имелись в наличии все структурные элементы теории циклов деловой активности (важнейшие факты, идеи, характеристики стадий циклов), а значит, был возможен и их синтез. В действительности попытки подобного синтеза начали предприниматься в 30-е годы и развивались по трем направлениям: создание больших эконометрических моделей; синтез фактов; синтез циклов различной периодичности. В этом смысле рождение ТДВ представляло собой не столько независимую теоретическую разработку, сколько синтез теории циклов деловой активности. Благодаря большей степени обобщения ТДВ с самого начала выступала в качестве интегральной теории циклов, то есть носила синтетический характер. Возможен ли синтез ТДВ, покажет будущее. Сейчас же, хотя различные структурные элементы для него присутствуют, их связь едва заметна.

На какой относительной стадии развития находятся ТДВ и теория циклов деловой активности? Работая над гипотезой длинных волн, Н. Кондратьев мог наблюдать только два полных цикла, что соответствовало фактам, доступным в рамках теории циклов деловой активности в 40-е годы XIX в.

_

³ Cm. Mitchell W. Business Cycles. N. Y., 1913; Business Cycles: The Problem and Its Setting. N. Y., 1927.

⁴ Shumpeter J. History of Economic Analysis. Oxford, 1954, p. 1135,

Совсем не случайно Кондратьев сформулировал свой закон как вероятность, несмотря на использование довольно сложных количественных методов. На соответствующей стадии теории циклов деловой активности их существование признавалось далеко не всеми, и первые теоретические объяснения оказались весьма приблизительны.

Важным преимуществом ТДВ было ее появление после теории циклов деловой активности. Самую идею цикличности доказывать уже не требовалось, понимание цикла как экономической патологии было также преодолено. Вот почему исходная позиция Н. Кондратьева намного превосходила примитивное представление С. Джуглара о том, что подъем— нормальное, состояние экономики. Изначально длинные волны рассматривались как форма исторического процесса, противостоящая линейной трактовке протекания времени.

Сегодня исследователь не может наблюдать более чем 4—4,5 длинных волны. Это не соответствует даже минимальным требованиям к анализу регулярных циклических процессов. В то же время имеются статистические данные по США, охватывающие 29 полных циклов деловой активности. В рамках относительной хронологии теорий современную стадию развития ТДВ можно сравнить с положением теории циклов деловой активности в 70-х годах прошлого века, когда завершились примерно пять 10-летних циклов. Тем не менее в 1894 г. М. Туган-Барановский отозвался об этой теории как об одной из наименее изученных в экономической науке⁵, хотя к тому времени уже существовало значительное количество эмпирической литературы, посвященной данной проблематике.

Ретроспективный анализ деятельности основанного Н. Кондратьевым Конъюнктурного института может привести к поразительному заключению: он разработал методологию циклического анализа при отсутствии настоящих циклов. Институт исследовал колебания в экономике, в которой не было регулярных циклов и адекватной информации. Возможно, в этом и кроются наиболее актуальные сегодня элементы его деятельности, поскольку экономика стран Восточной Европы страдает от поведенческого вакуума, напоминающего тот, что наблюдался тогда в России, когда старые стандарты поведения еще полностью не исчезли, а новые не установились. Создание теории конъюнктуры и ее аналитических методов в подобных условиях явилось огромной заслугой Н. Кондратьева. Его оригинальные идеи указывают на ряд возможных путей преодоления некоторых экономических препятствий. Кроме того, разработанная им теория подводит к выводу, что основы анализа конъюнктуры должны быть заложены до созревания цикла деловой активности.

Судьба Конъюнктурного института является свидетельством пределов возможностей «мозговых центров» в тоталитарных государствах. Его конец был неизбежен и символичен. Но такое может случиться и в более демократических государствах — подлинные научные центры плохо сочетаются с властными структурами.

⁵ Туган-Барановский М. Промышленные кризисы в современной Англии. Санкт-Петербург, 1894, с. 377.

ПРОБЛЕМЫ ДОЛГОВРЕМЕННЫХ КОЛЕБАНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ

Повышение интереса экономической науки к теории долговременных колебаний (больших циклов экономической конъюнктуры Н.Д.Кондратьева или длинных волн) наблюдалось неоднократно и носило отнюдь не случайный характер. Первый раз оно было отмечено после Великой депрессии в конце 30-х годов в связи с работой И. Шумпетера, развивавшего идеи Н. Д. Кондратьева. Возрождение интереса к теории длинных волн в конце 70-х — начале 80-х годов было, в свою очередь, обусловлено глубоким структурным кризисом, который переживали развитые страны с середины 70-х годов. По мнению ряда исследователей, этот кризис удивительным образом подтвердил прогноз, соответствующий кондратьевской концепции полувековых циклов. Кризис обозначил начало завершения последней фазы четвертой кондратьевской волны и переход от энергонасыщенного производства к радикально новым ресурсосберегающим технологиям, в основе которых лежат достижения информатики, микроэлектроники, биотехнологии.

Наконец, в последнее время теория длинноволновой динамики экономического развития привлекла внимание экономистов нашей страны в связи с глубоким кризисом, охватившим все сферы жизни общества — экономическую, политическую, экологическую, духовную и нравственную.

Теория долговременных колебаний пока еще не получила общего признания, что объясняется в первую очередь трудностями идентификации длинных волн. Имеющиеся статистические ряды, как правило, охватывают недостаточно продолжительные периоды времени и не всегда бывают достоверными. Кроме того, практически всём методам, используемым разными специалистами, присущи свои недостатки. В итоге применение различных методов может привести к значительной несогласованности полученных результатов. Поэтому статистический анализ, как правило, дополняется исследованиями определенных эмпирических взаимосвязей.

В то же время плодотворность теории долговременных циклов не подлежит сомнению. По мнению ряда ученых, ее можно рассматривать как переходный мостик, связывающий экономические науки с естественными, серьезно пересматривающими сложившиеся взгляды на природу и человека. Так, исследования теории систем показали, что любая сложная открытая система (техническая, биологическая, социально-экономическая) проходит в своем развитии последовательно сменяющие друг друга фазы жизненного цикла, завершающиеся либо изменением системы и переходом ее в новое качество, либо ее разрушением. В период кризиса распадаются старые консервативные структуры, не отвечающие изменившимся внешним и внутренним условиям, и высвобождается потенциал для дальнейшего движения « новому равновесному состоянию.

В последнее время растет понимание того, что концепция поступательного (линейного) развития общества совсем не бесспорна и в истории человечества были этапы, когда прогресс сменялся регрессом, и наоборот. Более того, в соответствии с некоторыми распространенными

представлениями современной научной прогностики мировая цивилизация в ее нынешнем состоянии обречена из-за нарастающей опасности необратимых процессов, вызванных загрязнением окружающей среды'. Поэтому особый интерес вызывают теоретические обоснования эндогенного механизма длинных волн. Среди них наиболее убедительной и эмпирически подкрепленной, на наш взгляд, является инновационная концепция.

Элементы эндогенного механизма волнообразного движения экономики: периодичность обновления основных капитальных благ с продолжительным сроком службы и всех факторов хозяйственной и общественной жизни; научно-технические изобретения и нововведения; накопление ресурсов как условие замены капитальных благ и выхода на новый подъем и др; были выделены еще Н. Кондратьевым. Он первым установил связь между научно-техническим прогрессом и долговременными колебаниями в экономике, обратил внимание на неравномерность и эндогенность НТП.

Продолжением идей Н. Кондратьева стали работы Й. Шумпетера, обосновавшего инновационную концепцию теории длинных волн. Согласно его представлениям, экономический рост — это циклический процесс, обусловленный скачкообразным характером нововведений. По мере распространения инноваций и уменьшения сверхприбыли исчезают и стимулы к инвестированию, начинается спад, пока не возникнут условия для нового подъема; Длинные волны Й. Шумпетер связывал с наиболее крупными технологическими сдвигами в производстве.

Дальнейшее развитие концепция Й. Шумпетера получила в исследованиях Г. Менша², который первым предугадал затяжной характер кризиса середины 70-х годов и связал его с глубокими структурными факторами, назвав данный кризис «технологическим патом», выход из которого невозможен на базе существующих технологий. Различая инновации базисные (порождающие новые отрасли), улучшающие (в уже установившихся отраслях) и «псевдоинновации» (когда рынок уже насыщен), Г. Менш предложил новую теоретическую модель длинных волн — модель «метаморфоз», которая соединяет элементы инновационного потенциала и возможности рынка их использовать. В ее основе жизненные циклы продуктов (технологий). В любой момент времени многообразие конкурирующих на рынке благ можно ранжировать в соответствии с их уровнем зрелости. Согласно гипотезе Г. Менша, взаимодействие продуктов приводит к их синхронизации, другими словами, кластеры («сгустки») продуктов более или менее одновременно проходят стадии развития и формируют в конечном счете кластеры инноваций. На макроуровне появление базисных инноваций и синхронизация фаз зрелости продуктов вызывают долговременные колебания в ходе экономических процессов.

Каждый длинный цикл развития экономики, по Меншу, может быть выражен в форме S-образной кривой, описывающей траекторию жизненного цикла данного технологического способа производства, на завершающей стадии которого возникает новый. Момент перехода, связанный с необходимостью структурной перестройки («технологический пат»), порождает нестабильность экономической системы. При этом «технологический пат» приходится на фазу рецессии. В фазе депрессии экономика уже структурно готова к радикальным изменениям.

Для подтверждения своей концепции Г. Менш проанализировал распространение во времени более сотни базисных нововведений. Увеличение потока инноваций приходится, по его расчетам, на 1814—1828, 1870—1886, 1925—1939 гг., что соответствует началу спада длинных

¹ Вопросы экономики, 1992, No 1, с 31—33.

² Mensch G. Stalemate in Technology. Camb. (Mass.), 1979.

волн, выделенных Н. Кондратьевым. Новый цикл, по прогнозу. Г. Менша, должен начаться в середине 90-х годов, а предшествующий ему кластер нововведений он относит к середине 80-х годов и связывает его с «микропроцессорной революцией».

Дискретность инноваций Г. Менш объясняет прежде всего инерционностью рыночного механизма, недостаточной информацией об имеющемся потенциале базисных открытий и изобретений (парадокс неиспользованных технологий). Отсюда он делает вывод, что переход от одного «технологического пата» к другому не случайно требует смены двух поколений. На механизм перехода, помимо технологических знаний, влияют экономические, социальные, демографические, культурные и психологические факторы.

Исследование Г. Менша вызвало появление целого потока теоретических и эмпирических работ, посвященных возникновению кластеров инноваций. Так, известный теоретик длинных волн К- Фримен и его коллеги³, рассматривая механизм воздействия нововведений на экономический рост, придают большое значение социально-институциональным факторам развития. Будучи сторонником инновационной концепции, К. Фримен расходится с Г. Меншем по вопросу о времени первоначального внедрения инноваций и образования их кластеров. Импульс к «сгустку» инноваций может возникнуть через несколько лет после первого появления радикального нововведения. Главное, по Фримену, заключается не в дате его рождения, а в процессе последующей диффузии нововведения, для чего необходима благоприятная социально-экономическая обстановка. При этом, как показали эмпирические исследования, данный процесс может занять несколько десятилетий.

Наряду с базисными (радикальными) и улучшающими (дополняющими) инновациями К. Ариден вводит понятие «технологической революции», которая объединяет множество «сгустков» радикальных и дополняющих инноваций, эффект от которых сказывается на всей экономике. Как следствие технологической революции меняется вся «техникоэкономическая парадигма», то есть повышается социальная и политическая готовность к принятию принципиально новых технологий, особенно в отраслях экономики, не являющихся лидирующими. Подъем длинной волны, по мнению К. Фримена, не есть результат технологических инноваций в одной или нескольких отраслях, он — скорее следствие диффузии новой технологической парадигмы из нескольких лидирующих секторов в традиционные сферы экономики.

Поскольку статистический анализ временных рядов затруднен в силу указанных ранее причин и дает противоречивые результаты, представляют интерес эмпирические проверки гипотезы о неравномерности введения новых технологий, а также существовании взаимосвязи между фазами насыщения старыми технологиями и фазами стагнации и снижения экономической активности.

Так, А. Клайнкнехтом проанализированы среднегодовые темпы роста в периоды подъема и спада, соответствующие хронологии длинных волн, определенных Кондратьевым и другими исследователями. Расчеты выполнены по данным статистики промышленного производства для ряда стран (Англии, Бельгии, Германии— ФРГ, Италии, США, Франции и Швеции) и суммарного производства в целом для капиталистических стран за 1792—1974 гг. 4.

Полученные результаты показывают совпадение изменений в темпах роста для всех рядов данных, кроме относящихся к Великобритании, с хронологией длинных волн. В то же время А. Клайнкнехт признает, что обнаруженные статистически значимые колебания темпов

⁴ Ibid., p. 216—235.

³ The Long-Wave Debate. Berlin, Springer-Verlag, 1987, p. 295—308.

роста еще не доказывают циклической природы развития, так как в течение ограниченного периода подъемы и спады могут быть вызваны исторически уникальными экзогенными причинами, в связи с чем в будущем они, возможно, и не повторятся. Для доказательства цикличности необходимо понять эндогенный механизм поворотных точек. Поэтому А. Клайнкнехт Проводит эмпирическое исследование для проверки существования связи между долговременными колебаниями и потоком радикальных инноваций. Основной его вывод — инновации неравномерно распределены во» времени, и их концентрация приходится не только на период депрессии (как у Г. Менша), но и на начало подъема (как у К. Фримена).

Существует довольно много работ по исследованию траекторий диффузий конкурирующих на рынке технологий. Для этих целей применяются следующие методы:

- рассмотрение диффузии технологии, изолированной от других инноваций (например, исследование динамики количества фирм, прини мающих данную технологию);
- альтернативный подход, когда сопоставляются отдельно взятая технология и сумма оставшихся, конкурирующих с ней на рынке (модель Фишера-Прайя);
- более реалистичный многовариантный анализ диффузии не скольких имеющихся конкурирующих технологий, доля которых на рынке меняется в результате замещения более старых новыми.

Важным является вопрос, особенно с точки зрения предвидения будущего подъема — почему период крупных технологических сдвигов и соответственно длинных волн экономического развития длится примерно 50 лет? В данной связи представляет интерес исследование неравномерности инноваций и их взаимодействия в процессе диффузии, проведенное А. Грублером⁵. Инновация им трактуется не в узком технологическом смысле, а как множество взаимосвязанных технологических, институциональных и организационных новых методов решения задач по производству новых или традиционных продуктов и услуг.

В соответствии с этим автор рассматривает инновации в разных областях (производство энергии, транспорт, связь, отрасли промышленности и сельского хозяйства, экономические и социальные процессы такие, как распространение грамотности, снижение детской смертности и т. д.). Им проанализирована «история» диффузий двух выборок инноваций в США с 1800 г. Первая включает 117 случаев диффузий; вторая—265. А. Грублер пришел к следующему выводу: средняя продолжительность распространения диффузии для первой выборки составила 57 лет, для второй —41, то есть она близка к периоду длинной волны. Кроме того, на стадии созревания технологии (имеется в виду технология на макроуровне, например, автомобилестроение) она характеризуется увеличением количества улучшающих инноваций, концентрирующихся к концу жизненного цикла диффузии. В случае же пространственной диффузии (по странам и регионам) для стран, впервые вводивших инновации, период распространения технологии длиннее, чем для идущих за ними, то есть догонять, как правило, легче, чем начинать.

А. Грублер предлагает в качестве агрегированной характеристики процесса диффузии технологий средний для всей социально-экономической системы темп диффузии. Эта величина рассчитывается для обеих выборок в данный момент времени как сумма производных от всех тра-

⁵ A. Grubler. Duffusion: Long-Term Patterns and Discontinuities. International Conference on Diffusion of Technologies and Social Behaviour. June 1985. Laxenburg, Austria.

екторий диффузии технологий, деленная на общее количество случаев диффузии в каждой из выборок.

Анализ динамики среднего темпа диффузии в США (для обеих выборок) показывает ярко выраженные пики и спады, свидетельствующие о том, что процесс изменений идет рывками. Такой же характеру хотя и в сглаженном виде, сохраняется для данного показателя после его модификации путем взвешивания отдельных технологий по их значимости. Следует отметить, что поворотные точки (нарушения постепенности) в темпах диффузии практически совпадают с поворотными точками длинных волн экономического развития, идентифицированных рядом исследователей. Пики (максимумы среднего темпа диффузии и начало процесса насыщения) приходятся на 1840, 1912 и 1970 гг. Спады и начало новой фазы ускорения темпов диффузии и периоды максимального насыщения приходятся на 1820, 1875 и 1930 гг. Очевидно, не случайно спады совпадают с периодом рецессии и даже депрессии в экономическом развитии.

Конечно, пока не выявлены точные связи и механизм причинности, такие исследования носят эмпирический характер. Однако измерение процессов диффузии — необходимый шаг на пути к установлению взаимосвязей в рамках социально-технологического развития. Дискретность диффузии технологий, возможно, является одной из неотъемлемых черт эволюции человеческого общества.

Можно назвать и другие концепции длинных волн: теория структурных диспропорций между отраслями, которая непосредственно примыкает к инновационной концепции (Ван дер Цван, Ван Паридон); концепция перенакопления основного капитала, базирующаяся на жизненных циклах его долгоживущих элементов (Д. Форрестер); ценовая концепция, в основе которой лежат колебания относительных цен на сырье и сельскохозяйственную продукцию (У. Ростоу); концепция, опирающаяся на исследования колебаний средней нормы прибыли (Э. Мандель) и др. Как отмечают многие авторы, различные подходы к анализу долговременных колебаний в экономике охватывают лишь какую-то сторону сложных процессов развития. Поэтому необходимо создание интегрированной теории, хотя такая задача является очень сложной.

Об интегрированном подходе к описанию внутреннего механизма длинной волны пишут также С. Меньшиков и Л. Клименко ⁶. Они считают, что подобная теория должна содержать анализ причинно-следственного взаимодействия основных компонентов капиталистической системы: производительных сил, экономических отношений, социальной структуры, организационных форм, политической сферы и, возможно, культуры. Особенно важно с точки зрения перспектив общественного развития исследование кризисов и их взаимосвязей с политическими событиями, что требует взаимодействия экономической науки, социологии, социальной психологии и других наук.

В связи с кризисным состоянием экономики нашей страны правомерен вопрос о том, в какой мере реальная ситуация есть проявление закономерностей длинноволновой динамики. Ответ на него в значительной степени зависит от того, чем определяется существование длинных волн: общими закономерностями технико-экономических процессов или же социально-экономическим механизмом, присущим конкретному обществу.

По мнению С. Меньшикова и Л. Клименко, если для капиталистической системы периоды массовых вложений в новые технологии связаны с возможностью получить более высокую прибыль, то в плановой экономике решения о крупных инвестициях носили в основном полити-

 $^{^6}$ Меньшиков С. М., Клименко Л. А. Длинные волны в экономике. М.: Международные отношения, 1989.

ческий характер, а выбор направлений осуществлялся исходя не из сравнения вариантов, а главным образом в соответствии с политическим «весом» отраслевых бюрократий, не заинтересованных в изменении сложившейся структуры общественного производства. Поэтому в условиях централизованной экономики с ее субъективизмом и волюнтаризмом трудно говорить о действии механизма длинной волны.

Такой же позиции придерживаются Д. Львов и С. Глазьев, являющиеся сторонниками инновационной концепции длинноволнового экономического развития Они исходят из принципиальной однонаправленности технико-экономического развития во всех регионах мира. Неравномерность экономического роста, накопление противоречий в форме структурных диспропорций и их периодическое разрешение в структурных кризисах, по их мнению,— качества, присущие современному технико-экономическому развитию, на которое воздействуют общие закономерности технологических изменений с учетом особенностей хозяйственных систем.

Авторы отказываются от традиционного отраслевого подхода к анализу НТП и рассматривают межотраслевые технологические цепи сопряженных производств, возникающие в результате процессов кооперации и специализации и обычно приобретающие устойчивый характер. Совокупность таких технологических цепей, принадлежащих одной технологической парадигме, образует стабильный элемент воспроизводственной структуры экономики — технологический уклад (ТУ). При этом в каждом ТУ можно выделить ядро, в котором сосредоточен набор соответствующих ему базисных технологий. Последовательная смена ТУ выражается в виде долговременных колебаний мировой экономической коньюнктуры.

На основе исследований зарубежных ученых Д. Львов и С. Глазьев выделяют три этапа НТП (три смены ТУ) в XX в. Ядро первого — электроэнергетика, автомобилестроение, неорганическая химия. Ведущий энергоноситель — уголь, конструкционный материал — чугун, основной сухопутный транспорт — железные дороги. В послевоенные годы началось становление второго ТУ. Его ядро — промышленность органического синтеза, радио- и аэрокосмическая промышленность, автомобилестроение, переживавшее второе рождение. К середине 70-х годов базовые технологии достигают пределов расширения, о чем свидетельствует анализ их жизненных циклов. Дальнейшее технико-экономическое развитие связано с третьим ТУ, в основе которого — электроника, мехатроника, микропроцессорная технология, что привело к созданию новых информационных сетей, космических средств связи, промышленному изготовлению материалов с заданными свойствами.

В бывшем СССР первый ТУ соответствует периоду индустриализации. Становление второго ТУ началось в 50-е годы после принятия решений о химизации народного хозяйства и развитии гражданского авиастроения. В то же время производства первого ТУ достигли пределов расширения лишь к середине 70-х годов и продолжали воспроизводиться и дальше. Поэтому развитие второго ТУ сдерживалось из-за недостатка ресурсов, что привело к низким темпам распространения более современных технологических систем.

Об этом свидетельствует и анализ диффузии ресурсосберегающих технологий, выполненный В. Фальцманом⁸. Относительно высокие в начальный период темпы распространения технологических систем по мере увеличения удельного веса данной технологии (и потребностей в

ческого развития. Соревнование двух систем. М.: Наука, 1990. ® Фальцман В. Мобильность экономики.— Известия АН СССР. Серия экономическая, 1990, № 2, с. 18—26.

⁷ Львов Д. С, Глазьев С. Ю. Общие закономерности мирового технико-экономи-

ресурсах) уменьшаются. Поэтому траектории диффузии технологий приобретают в отличие от логистической кривой, характерной для развитых стран, вид прямой линии. Средняя Скорость диффузии рассмотренных им технологий составляет немногим более 1% в год, причем она имеет тенденцию к снижению: в 1971—1975 гг.—1,8% в год, в 1976—1980 гг.—1,4%, в 1981—1985 гг.—0,8%, в 1986—1987 гг.—0,3% в год. В настоящее время происходит зарождение третьего ТУ. Пока из-за

В настоящее время происходит зарождение третьего ТУ. Пока из-за крайне низкого удельного веса в экономике его распространение не требует значительных ресурсов. Однако вскоре ситуация изменится, возникнет необходимость в перераспределении ресурсов во все возрастающих масштабах. Трудности усугубляются незавершенностью развития второго ТУ, производства которого составляют основу для становления третьего.

Таким образом, закономерности научно-технического прогресса еще не предопределяют характера экономической динамики, для этого нужен соответствующий механизм преобразования технологических циклов в экономическую динамику. На него воздействуют различные факторы, которые опосредуются рынком и прежде всего рынком капитала. В фазе упадка, когда эффективность капитала резко падает, это позволяет направлять высвобожденный капитал на создание новых технологий. В то же время наличие рынка не гарантирует процветания. Так, Индия и Южная Корея, страны с рыночной экономикой, уровни развития которых в начале 60-х годов были сопоставимы, в течение последующих десятилетий достигли разных успехов.

Значительную роль в процессе инновации играет личность предпринимателя-новатора, действующего на свой страх и риск. В современной экономической науке способность хозяйства к структурным сдвигам все в большей степени связывается с человеческим фактором. Сложность ситуации в нашей стране заключается в том; что пока в роли предпринимателей часто выступают бывшие управленцы, не имеющие ни опыта подлинной рыночной деятельности, ни должного образования. Отсюда многие просчеты и ошибки.

Очевидно, задачей первостепенной важности должно быть формирование необходимой «критической массы» предпринимателей, которые обеспечат не только первоначальное внедрение, но и процесс диффузии новых технологий. Поэтому вопросы образования и переподготовки кадров имеют сегодня приоритетное значение.

В соответствии с теорией длинных волн успех структурных преобразований в экономике и выход из кризиса зависят от непосредственного участия большей части общества в реализации реформ, в процессе принятия решений, самообучения, воздействия на выбор наиболее талантливых руководителей. Как считают известные исследователи проблемы самоорганизации в системах И. Пригожий и И. Стенгерс, «человеческое общество представляет собой чрезвычайно сложную систему, способную претерпевать огромное число бифуркаций, что подтверждается множеством культур, сложившихся на протяжении сравнительно короткого периода. Мы знаем, что столь сложные системы обладают высокой чувствительностью по отношению к флуктуациям. Это вселяет в нас одновременно и надежду, и тревогу: надежду на то, что даже малые флуктуации могут усиливаться и изменять всю их структуру (это означает, в частности, что индивидуальная активность вовсе не обречена на бессмысленность); тревогу — потому что наш мир, по-видимому, навсегда лишился гарантии стабильных, непреходящих законов»⁹.

⁹ Пригожий И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М.: Прогресс, 1986, с. 386.

РАЗВИТИЕ ПРОЦЕССА ДЛИННОВОЛНОВЫХ КОЛЕБАНИЙ*

В своей работе «Большие циклы конъюнктуры», опубликованной в 1926 г. на немецком языке под названием «Длинные волны в экономической жизни», Н. Д. Кондратьев рассматривал возможные причины феномена длинных волн в капиталистической экономике. Среди них он выделял нововведения, войны и революции, открытие новых рынков и увеличение запасов золота. Еще одной причиной, по поводу которой, правда, среди ученых возникли большие разногласия, являются климатические изменения.

В основе данной статьи — две посылки. Первая. Описанный Н. Д, Кондратьевым приблизительно 60-летний цикл изменился вследствие перемен в самой экономической структуре общества. Длинная волна, выделенная Кондратьевым, охватывает только период времени между концом XVIII в. и серединой XX в. Вторая. Длинная волна главным образом отражает колебания товарных цен и ставок процента, изначально вызванных изменениями климата, хотя проявления цикличности и амплитуда циклов зависит от других условий.

В ходе анализа использовались индексы британских цен на пшеницу с 1259 г. Роджерса-Бевериджа, индексы товарных цен с 1450 г. Уоррена и Пирсона, индексы динамики процентных ставок с 1200 г., разработанные Фондом по изучению циклов, а также индексы роста промышленного производства с 1860 г.

Был выполнен спектральный анализ данных с применением стандартных алгоритмов. В результате получено подтверждение существования статистически значимого цикла продолжительностью немногим менее 60 лет. В поместно-феодальный период (1200—1550 гг.) она составляла в среднем 58,3 года. В торговый период (1550—1830 гг.) длина волны сократилась до 56,5 года. В капиталистический период (с 1830 г. по настоящее время) продолжительность цикла снова уменьшилась до 54,8 года. Последний цикл и является классической волной Кондратьева.

В течение последних 700 лет изменения экономических укладов сопровождались большими колебаниями уровней товарных цен. Хотя их подъемы часто совпадали с пиками длинных волн, представляется, что указанные колебания цен имеют мало общего с классической длинной волной.

Во время поместно-феодального периода трудно выделить длинную волну в той классической форме, которая была описана Н. Д. Кондратьевым. Три крупных пика были связаны с климатическими изменениями, и хотя войны и другие факторы также оказывали влияние на поставки сельскохозяйственной продукции, главная причина пикового роста цен на пшеницу в 1316, 1369 и 1438 гг.—спад производства. Динамика процентных ставок, на которую воздействуют колебания товарных цен, демонстрирует четкую волну, продолжительностью 58 лет.

По мере завершения поместно-феодального этапа и медленного зарождения нового экономического уклада начался период быстрого роста цен, который охватил весь XVI век. Этот инфляционный процесс вряд ли был связан с 60-летним климатическим циклом, его причиной

^{*} Cycles, 1992, vol. 43, № 2.

скорее послужила смена экономических систем. В тот период к экономическим изменениям можно отнести открытие новых рынков и до некоторой степени ввоз серебра и золота.

Начало торгового периода характеризуется высокими темпами инфляции. Классическая длинная волна Кондратьева еще отчетливо не проявляется, хотя обнаруживается почти 60-летний цикл. В это время два фактора были причиной изменений характера длинной волны — открытие обширных новых территорий с резко различающимся микроклиматом и растущее значение денег по сравнению с товарами. К внешним факторам, помимо Тридцатилетней войны и колонизации новых территорий, следует отнести и установившуюся в то время холодную погоду, что нанесло серьезный ущерб посевам, В торговый период климатические изменения все еще совпадают с подъемами и спадами индексов товарных цен, но на последние все большее влияние оказывают торговля и стремление к обладанию денежными средствами. Экономическое развитие и характер длинной волны обретают новое качество.

В конце XVIII в., с началом периода промышленного капитализма, форма длинной волны становится классической. Ее и описал Н. Д. Кондратьев. В XIX в. климатические изменения, колебания индексов товарных цен и процентных ставок совпадают с движением длинной волны. Однако в первую очередь необходимо было учитывать периоды инфляции и дефляции. Определенную роль играют и нововведения, и мировые войны, хотя, по мнению Н. Д. Кондратьева, они не являются основными причинами зарождения длинной волны.

После окончания Великой депрессии 30-х годов динамика индексов товарных цен претерпела серьезные изменения. В США начинается беспрецедентный по своей продолжительности период инфляции в сфере оптовых товарных цен, что можно рассматривать как свидетельство приближения крупного экономического сдвига, сравнимого с переходом от поместно-феодального к торговому и от последнего к капиталистическому укладу.

Во время Великой депрессии начался отход от металлического денежного стандарта. После ее окончания резко изменилась продолжительность периодов спада и подъема американской экономики. С 50-х годов XIX в. по 30-е годы XX в. первые в среднем длились 21,65 месяца, а вторые — 25,3. Этот естественный ритм вызвал к жизни 40-месячный цикл Кузнеца, 9—12-летний цикл Джуглара и 18-летний цикл Кузнеца. Но после завершения Великой депрессии период спада американской экономики продолжался в среднем 10,9 месяца, а подъема — 48,3, что отражало переход от металлического денежного стандарта к бумажному, устанавливаемому политическими лидерами и центральными банками. Для США и ряда западных стран такой переход означал исключительно высокие для развитой экономики темпы инфляции и рост, задолженности до уровня, когда ее уже почти невозможно обслуживать.

Если длительный период высоких темпов инфляции сигнализирует о грядущих переменах в экономике, то нынешняя инфляция, вполне возможно, предупреждает нас о надвигающемся экономическом сдвиге. Качественные изменения в экономике, в свою очередь, меняют характер длинной волны, из чего следует, что ее модель XIX в. не может быть использована для описания движения длинной волны в будущем.

Что же лежит в основе длинной волны? Она не просто отражает форму движения промышленного развития, как считают многие. Исследователи не наблюдают длинноволновые колебания в долговременной динамике индексов промышленного производства или курса акций в отличие от динамики процентных ставок и оптовых товарных цен, на которую и опирался в своем анализе Н. Д. Кондратьев. Хотя в его временных рядах отмечаются длинноволновые колебания, они не играют доми-

пирующей роли, поскольку на них оказывают влияние главным образом цены и ставки процента. Важнейшим же фактором, на наш взгляд, является высокий уровень инфляции, сохраняющийся в течение продолжительного времени.

Таким образом, можно сформулировать следующие выводы. За последние семь веков характер длинной волны менялся вместе с переменами в экономике. Причина циклических колебаний — диспропорции между спросом и предложением в оптовой торговле, вызванные климатическими изменениями, но последние не единственный фактор, определяющий глубину этих диспропорций. В последние несколько столетий резко возросла стоимость денег, что влияет на рост оптовых товарных цен, который, в свою очередь, воздействует на стоимость денег. Пока не был отменен металлический денежный стандарт, периоды инфляции балансировались почти равными им по продолжительности периодами дефляции. После его отмены периоды дефляции резко сократились, поскольку центральные банки получили возможность поддерживать ликвидность на любых рынках, просто выпуская в обращение денежные средства в необходимом количестве.

Форма будущей длинной волны должна отличаться от классической волны Кондратьева. Она по-прежнему будет находиться под воздействием климатических изменений, динамики товарных цен и процентных ставок, но преобладающую роль в процессах длинноволновых колебаний начнут играть огромная задолженность и периоды гиперинфляции.

В КАКОЙ ФАЗЕ КОНДРАТЬЕВСКОГО ЦИКЛА МЫ НАХОДИМСЯ?

Исследователям наследия Н. Д. Кондратьева хорошо известно, что теория длинных волн не является общепризнанной, в ней сомневаются даже те экономисты, которые принимают как должное регулярную повторяемость циклов накопления материальных запасов или деловой активности.

Некоторые ученые считают экономические колебания отклонением от равновесного развития, вызванным экзогенными шоками. Парадигма таких отклонений — неоклассическая модель роста, которая принципиально отличается от модели, предложенной И. Шумпетером. Сторонники данной точки зрения не признают понятия циклов в сфере однообразно повторяющихся колебаний.

Другая группа экономистов согласна с существованием циклов деловой активности, но отвергает теорию длинных волн. Ее представители справедливо указывают на тот факт, что невозможно статистически подтвердить наличие цикла продолжительностью от 45 до 60 лет, по крайней мере в течение жизни одного человека.

Наконец, некоторые ученые, видя разногласия между сторонниками теории длинных волн по поводу датировки кондратьевских циклов в последние два столетия, начинают выражать сомнения в их существовании: поскольку даже убежденные в наличии длинных волн не могут определить продолжительность прошлых циклов, как же в них могут поверить другие?

Очевидно, что правильная датировка длинных волн представляет собой серьезную проблему, так как без этого их нельзя использовать для целей прогнозирования. Если мы не знаем, где находимся, нам не удастся определить, куда мы движемся.

Имеются два основных подхода к датировке длинных волн — «жесткий» и «органичный». Согласно первому из них продолжительность кондратьевского цикла составляет примерно 60 лет от одного пика цикла до другого. Выделяются следующие даты таких пиков: около 1810 г., около 1870 г., около 1930 г., около 1990 г. В рамках данного подхода отмечается, что наивысшие уровни инфляции достигались примерно за 10 лет до пика цикла, то есть в 1800 г., 1860—1864 гг., 1920 г. и 1980—1981 гг. Прогноз, базирующийся на «жесткой» датировке кондратьевского цикла, предполагает, что 90-е годы будут периодом низкой инфляции и депрессии.

Согласно второму подходу экономическая длинная волна рассматривается как последовательность стадий экономического развития, каждая из которых имеет свои особенности, при этом одна стадия естественно вытекает из другой и переходит в следующую. Продолжительность цикла не является фиксированной, длительность стадий может укорачиваться или удлиняться под воздействием крупных событий, как, например, мировых войн. Названия стадиям дал Й. Шумпетер: процветание, спад, депрессия, подъем. Длинная волна движется вокруг возрастающего тренда, отражающего темпы роста экономики; при этом стадии процветания и спада будут расположены над ним, а стадии депрессии и подъема — под ним.

Продолжительность длинных волн в прошлом не была одинаковой. Мы предлагаем следующую их периодизацию: первая длинная волна —

1782 — 1845 гг., вторая —1845 —1892 гг., третья — 1892 — 1948 гг., четвертая — 1948 — 1992 гг. Таким образом, самые длинные волны (первая и третья), включавшие крупные войны, охватывали 63 и 56 лет; самые короткие (вторая и четвертая) — 47 и 44 года.

самые короткие (вторая и четвертая) — 47 и 44 года.

Прогноз, который можно сделать на основе данного более «органичного» подхода к кондратьевскому циклу, исходит из того, что период после 1982 г. был стадией подъема, а значит, вскоре должна начаться первая фаза нового, пятого после промышленной революции кондратьевского цикла — стадия процветания. Таким образом, два взгляда на периодизацию длинных волн принципиально различаются с точки зрения оценки перспектив экономического развития в 90-е годы.

Ниже мы попытаемся вкратце изложить аргументы в пользу каждого из указанных подходов.

Пессимизм «жесткого» взгляда на характер длинных волн основан на следующих соображениях:

- продолжительность кондратьевского цикла фиксирована, поэтому 1990 г. является верхней точкой перед спадом;
- понижательное движение длинной волны следует за значительным ростом масштабов задолженности; 80-е годы сравнимы в этом смысле с 20-ми годами, подобный рост задолженности всегда приводит к низкой инфляции и депрессии;
- процентные ставки будут оставаться на высоком уровне, что ограничит темпы экономического роста;
- в настоящее время среди развитых стран наблюдается определенный вакуум власти; в мире сейчас нет какой-либо одной страны, достаточно мощной (и к тому же этого желающей), чтобы взять на себя бремя ответственности за процветание всей мировой экономики; подобная ситуация может привести к усилению экономического противостояния, то есть широкому использованию протекционистских мер.

Оптимизм «органичного» подхода к длинным волнам кроется в следующих аргументах:

- 80-е годы были типичной фазой подъема: положение промышленных компаний сейчас намного лучше, чем было 10 лет назад, так как они сумели провести реорганизацию своего производства и укрепили финансовое положение;
- экономический рост в 90-е годы будет во многом обеспечен крупными вложениями в инфраструктуру, поскольку потребность в такой акции наблюдается во многих странах мира;
- накоплен значительный потенциал технологических нововведений в микроэлектронике, биотехнологии, создании новых материалов, который послужит основой быстрого роста новых отраслей промышленности;
- создание крупных экономических союзов (Северная Америка, Европейское сообщество, страны АСЕАН) будет способствовать повышению темпов экономического роста;
- с точки зрения достигнутого уровня экономического развития особенно большие возможности открываются перед странами Восточной Европы, Юго-Восточной Азии и Латинской Америки.

Оба подхода можно объединить в один, если признать, что условия для новой кондратьевской волны уже сложились, но переходный период займет несколько больше времени. Тем не менее мы принадлежим к сторонникам оптимистической позиции. На наш взгляд, было бы весьма кстати, если бы новый кондратьевский цикл действительно начинался в 1992 г., когда исполняется 500 лет со дня открытия Америки, 200 лет первой промышленной революции и 100 лет со дня рождения Н. Д. Кондратьева.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

О. АНАНЬИН, кандидат экономических наук, завсектором ИЭ РАН

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ: КРИЗИС ПАРАДИГМЫ И СУДЬБА НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА

Новые веяния добрались ныне до самого рутинного жанра научного творчества — до авторефератов диссертаций, до святая святых этого жанра, самого ритуального прежде его элемента—характеристики «методологических основ исследования». Раскрепощенная мысль соискателей ученых степеней на наших глазах торит новые пути, поражая смелостью и размахом: перестали быть основополагающими «материалы Пленумов ЦК КПСС» — их теснят «документы съездов народных депутатов и Верховного Совета»; редеют ссылки на «труды классиков марксизма-ленинизма» — им на смену россыпь новых интеллектуальных жемчужин-перлов: от изысканно скромного упоминания о заслугах «зарубежного экономиста К. Маркса» до размашистой апелляции к «видным экономистам прошлого и современности».

На первый взгляд подобные упражнения — не более чем пример живучести бюрократических штампов. Если же присмотреться, то за внешним пластом можно увидеть и нечто большее: симптом глубоких процессов, которые протекают в настоящее время в отечественной экономической науке и будут во многом определять ее завтрашний день.

Обязательные прежде фразы о приверженности идеям и методологии «классиков» и «основоположников» могли, разумеется, быть как искренними, так и лукавыми, как продуманными, так и сказанными по инерции. Однако в любом случае они указывали на действительную точку отсчета. Речь шла об определенном взгляде на общество, соответствующем ему наборе ценностных установок, понятийном аппарате, наконец, о стандартах и критериях исследовательской деятельности. Иными словами, речь шла о том, что с легкой руки американского историка и методолога науки Т. Куна' принято именовать парадигмой. «Новации» в авторефератах по-своему отразили тот факт, что в отечественной науке такой общей точки отсчета уже нет. Нежелание афишировать или неспособность четко определить философско-методологические предпосылки и идейно-теоретические установки, положенные в основу собственных исследований,— верный признак того, что доверие к прежней парадигме утрачено и она уже не в состоянии выполнять свою объединяющую роль.

В чем причины этого кризиса в развитии отечественной экономической теории? Конечно, прежде всего в том, что она несет свою долю ответственности за кризис общества, который не удалось заблаговременно предвидеть и с должной глубиной осмыслить. Этот ответ лежит

¹ Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975.

на поверхности и для самого научного сообщества, в сущности, тавтологичен. Ибо суть вопроса как раз в том, чтобы понять, почему в рамках существовавшей парадигмы экономисты не смогли своевременно и правильно ответить на главные вопросы. Это заставляет обратиться к механизму функционирования науки как социального института, в нашем случае — к проблемам профессионального научного сообщества отечественных экономистов.

Попытка анализа этих проблем и поиска путей их решения продиктовала следующую структуру статьи: в первом параграфе дан краткий обзор философско-методологической литературы, раскрывающей структуру парадигмы и ее роль в механизме функционирования научного сообщества; во втором рассмотрены деформации этого механизма в наших условиях и особый характер нынешнего парадигмального кризиса; в третьем — на основе анализа тенденций развития мировой экономической мысли показано устойчивое сосуществование в ней различных парадигм; в четвертом— обсуждаются шансы интеграционных процессов в экономической теории на базе формирования интегральной картины экономической реальности; наконец, в последнем параграфе на основе выявленных тенденций намечены контуры перспективной модели профессионального сообщества российских экономистов.

Парадигма по Куну

Суть методологической концепции Т. Куна состоит в разграничении эволюционного («нормальная наука») и революционного типов научного прогресса. Парадигма — это те теоретические представления, методологические принципы и ценностные установки, которые остаются неизменными для «нормальной науки» и соответственно смена которых составляет содержание научной революции. В жизни научного сообщества парадигма выполняет, по Куну, роль дисциплинарной матрицы — это те знания и правила деятельности, которые каждый вступающий в данное научное сообщество должен усвоить и принять в качестве нормы.

Картина исследуемой реальности. Научная парадигма объединяет в себе два начала: онтологическое (интегральный образ, или научную картину исследуемой реальности) и методологическое (идеалы и нормы научного исследования). Содержательным ядром парадигмы служит научная картина, или модель исследуемой реальности. Онтологическая природа картины исследуемой реальности сближает ее с предметом науки: в обоих случаях речь идет о фиксации специфической области интересов данной научной дисциплины. Но если предмет очерчивает прежде всего внешнюю границу этой области, линию размежевания со смежными науками, то картина исследуемой реальности — это обобщенная характеристика собственного внутреннего содержания данной предметной области. Речь идет об «особой форме знания, посредством которой интегрируются и систематизируются разнородные теоретические и эмпирические знания некоторой отрасли науки... Картина исследуемой реальности выступает для каждой науки (физики, химии, биологии и т. д.) в качестве своего рода универсальной схемы объяснения, принятой на определенном этапе развития. В соответствии с этой схемой строятся теоретические модели, формулируются законы и эмпирические зависимости, объясняющие наблюдаемые явления»².

Применительно к общество знанию понятие картины исследуемой реальности развивает известную мысль К. Маркса о том, что представление об обществе должно постоянно присутствовать в голове теоретика

² Степин В. С, Кузнецова Л. Ф. Идеалы объяснения и проблема взаимодействия наук (Идеалы и нормы научного исследования. Минск, 1981, с. 262—263).

в качестве витающей предпосылки³. В историко-экономической литературе наиболее четкая постановка этой проблемы принадлежит, повидимому, И. Шумпетеру. «Чтобы иметь возможность сформулировать какую бы то ни было проблему,— писал Шумпетер,— прежде мы должны иметь перед собой образ некоторой взаимосвязанной совокупности явлений в качестве заслуживающего внимания объекта наших аналитических усилий»⁴. Этот предтеоретический образ Шумпетер назвал «видением», подчеркнув, что «такого рода видение не только исторически должно предшествовать началу исследования в любой области, но может и заново вторгаться в историю каждой сложившейся науки всякий раз, когда появляется человек, способный видеть вещи в таком свете, источник которого не может быть найден среди факторов, методов и результатов, характеризующих ранее достигнутый уровень развития науки»⁵.

Место научной картины исследуемой реальности в общей структуре знания обусловлено природой теоретического знания. Последнее абстрактно по своему характеру и, следовательно, схематично. Для его выражения необходим особый язык научных категорий, который нуждается в двоякого рода переводе: на язык фактов (эмпирическая интерпретация теории) и на язык мировоззрения (выявление онтологического смысла теоретических абстракций, их места в общей картине реальности) ⁶.

Между эмпирическим знанием и картиной исследуемой реальности возникает и непосредственное взаимодействие. Пробелы в теоретических знаниях, не позволяющие сформировать целостной картины реальности, приходится заполнять исходя из теоретически не осмысленной эмпирии, а восприятие новой эмпирии, если она вступает в противоречие с существующей теорией, возможно лишь через концептуально-образную сетку картины исследуемой реальности. Чем теория слабее, тем при прочих равных условиях интенсивнее непосредственное взаимодействие между эмпирией и картиной реальности.

Идеалы и нормы научного исследования. В то время как онтологическая составляющая научной парадигмы отражает сложившееся в данном научном сообществе представление об объекте познания, вторая — методологическая — ее составляющая задает образ самой науки, или, точнее, представление о том, какие методы и результаты познавательной деятельности вправе претендовать на статус научных.

Идеалы научности нормативны. Причем не только в том смысле, что члены научного сообщества воспринимают их в качестве образцов профессиональной деятельности. Происходит институционализация этих образцов: 7 они становятся критерием, мера соответствия которому влияет и на уровень ресурсного обеспечения конкретных научных программ, и на профессиональный статус ученого, и на отбор материалов для публикации.

Формирование идеалов и норм научного исследования находится в сфере влияния двух различных групп факторов: специфических для данной научной дисциплины и общенаучных, междисциплинарных. Исследуемая реальность может быть статичной или динамичной, жестко

Огурцов А. П. Институционализация идеалов научности. В кн.: Идеалы и нормы научного исследования, с. 65—90.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 38. ⁴ Schumpeter J. A. History of Economic Analysis. N. Y., 1954, p. 41.

⁶ Степин В. С. Структура и эволюция теоретических знаний. В кн.: Природа научного познания. Минск. 1979, с. 179—258; Его же: Идеалы и нормы в динамике научного поиска. В кн.: Идеалы и нормы научного исследования, с. 10—64; Швырев В. С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М.: Наука, 1978; Его же: Научное познание как деятельность. М.: Политиздат, 1984.

детерминированной или вероятностной, естественной или искусственной, природной или социальной. Отсюда тенденция к спецификации как методов исследования, так и, критериев оценки научных результатов. В то же время взаимные контакты между учеными разных специальностей и единство механизма функционирования науки как социального института вызывают к жизни противоположную тенденцию к унификации идеалов научности. Общенаучные идеалы складываются под определяющим влиянием наук-лидеров, прежде всего математики и физики, что служит постоянным источником методологических споров среди обществоведов. Одни стремятся сделать обществознание более строгим, более «научным», равняясь на образцы «точных» наук; другие наоборот, ратуют за гуманитаризацию общественных наук, подчеркивая их принципиальное отличие от естествознания.

Идеалы научности не только испытывают, но и сами оказывают влияние на картину исследуемой реальности. Так, более жесткие требования к знаниям: их универсальности, проверяемости, количественной определенности — склоняют исследователей к более избирательному взгляду на свой объект и, стало быть, к формированию более простои картины реальности, оставляющей все, что не универсально и не измеримо, за своими рамками.

Роль идеалов научности и в целом институциональной среды научной деятельности меняется по стадиям научного развития. Для эволюционных стадий (куновской «нормальной науки») ее можно считать нейтральной. В этих условиях логика развития науки определяется взаимодействиями внутри системы знания — между теорией, эмпирией и картиной исследуемой реальности. В период смены парадигм возникает ситуация, когда процесс выходит за рамки системы знания и вступает в противоречие с институциональной средой: идеалами, нормами, критериями научной деятельности.

Суть конфликта в том, что новые идеи должны оцениваться по старым критериям, сформировавшимся под влиянием и для поддержания прежней парадигмы. Других просто нет! Инерционность критериев повышает устойчивость господствующей парадигмы и требует от ее оппонентов повышенной активности и безусловной убедительности в аргументации. Подобный консерватизм научного сообщества имеет и свое оправдание, защищая науку от посягательств не-науки⁸. По свидетельству знаменитого физика В. Гейзенберга, «в истории никогда не существовало стремления радикально перестроить здание физики. Наоборот, все всегда начинается с весьма специальной, узко ограниченной проблемы, не находящей решения в традиционных рамках. Революцию делают ученые, которые пытаются действительно решить эту специальную проблему, но при этом еще и стремятся вносить как можно меньше изменений в прежнюю науку». На вопрос, почему ошибочно требовать ниспровержения всего существующего, если потом все равно происходит революция, Гейзенберг ответил однозначно: «Потому что при этом возникает опасное стремление к произвольным изменениям даже там, где законы природы полностью исключают возможность изменений. Попросту игнорировать существующие законы природы пытаются в науке писатели-фантасты и группы вроде изобретателей вечного двигателя»⁹.

Деформированная парадигма

Советское научно-экономическое сообщество строилось почти по Куну. Его ядром служила единая парадигма, включавшая картину экономической реальности, категориальную сетку как язык профессио-

⁸ Традиции и революции в истории науки. М.: Наука, 1991, Введение.

⁹ Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М.: Прогресс, 1987, с. 198—199.

нального общения и методологические стандарты исследовательской работы. Картина реальности тиражировалась через вузовские программы и средства массовой информации. Соблюдение методологических канонов контролировалось системой ВАКа. В этих условиях каждый член научного сообщества должен был следовать определенным «правилам игры», которые закрепляли парадигму институционально. Эти «правила игры» не были абсолютно жесткими и допускали различные толкования, что оставляло определенный простор Для дискуссий, дифференциации научных школ и исследовательских установок. Так что лля одних приверженность парадигме означала апологию сложившихся общественно-экономических порядков, а для других — возможность их прагматического реформирования. Третьи видели свою задачу в развитии марксизма как базовой идейно-теоретической традиции, а четвертые «чтили» парадигму как Остап Бендер — уголовный кодекс, искусно манипулируя цитатами для «продавливания» иных, с данной парадигмой нередко не совместимых воззрений.

Такая модель научного сообщества по своей внутренней организации была вполне работоспособной. Корни неразрешимых трудностей, с которыми столкнулось научное сообщество отечественных экономистов, следует искать в другой сфере — в том, как строились его отношения с политической властью и идеологией.

Отношения с властью. Если в модели Куна институционализация парадигмы ограничена рамками научного сообщества, а само это сообщество автономно в самоорганизации и способно к саморазвитию вплоть до смены парадигмы, то в наших условиях эти предпосылки отсутствовали. Процесс институционализации парадигмы вышел за рамки научного сообщества. Марксистский взгляд на общество был не просто воспринят в качестве официальной идеологической доктрины: марксизмленинизм обрел статус государственной идеологии и уже в этом новом качестве был институционально закреплен в роли парадигмы научного сообщества. Для ее сторонников такое закрепление могло казаться естественным, однако на деле оно означало коренную деформацию институциональной среды научного сообщества. Статус парадигмы перестал зависеть от получаемых в ее рамках новых научных результатов. Формы самоорганизации научного сообщества (вузовские программы, исследовательские планы, требования к диссертациям и т. д.) превратились в рычаги государственного административного управления профессиональной деятельностью. Поддержание «авторитета» официальной парадигмы стало государственным делом, что и получило воплощение в соответствующих установках для научной, образовательной, издательской и, главное, кадровой политики.

Сложилось положение, при котором механизмы куновской «нормальной науки» продолжали функционировать, тогда как пути для появления принципиально новых, революционных научных идей, для вызревания и открытого соперничества альтернативных парадигм были заблокированы. Разночтения в толковании официальной парадигмы хотя и были возможны, но характер этих разночтений находился под жестким контролем. Это обеспечивало «идеологическую устойчивость» научного сообщества, но неизбежно оборачивалось самоизоляцией отечественного научного сообщества от мирового и обрекало на догматическое окостенение мощную идейно-теоретическую традицию марксистской общественной мысли в стране. В жертву был принесен уровень научной мысли. В итоге официальный марксизм-ленинизм в научном отношении оказался неконкурентоспособным ни в общем контексте мировой экономической (и не только экономической) науки, ни в рамках мировой марксистской мысли, лучшие образцы которой, как правило, оставались невостребованными или вовсе отторгались.

Отношение к идеологии. Признание за экономической теорией важ-

ной идеологической роли часто вело к отождествлению базовых теоретических схем (фактически: картин экономической реальности) с идеологическими доктринами. Подобное отождествление не случайно, ибо картина экономической реальности может выступать в этой роли, однако оно существенно упрощает характер взаимоотношений между идеологией и наукой.

Прежде всего у науки нет монополии на идеологию. Большинство известных истории идеологий носило мифологический или религиозный, но никак не научный характер. У идеологии есть свои, отличные от науки механизмы формирования и функционирования. С точки зрения идеолога. генерируемые наукой картины реальности — это не более, чем проекты идеологических конструкций, подлежащие, во-первых, отбору и, во-вторых, адаптации для использования в новом качестве. Последнее обусловлено различием адресатов, к которым эти конструкции в обоих случаях обращены: профессионального сознания членов научного сообщества—в случае картины исследуемой реальности, и массового сознания — в случае идеологической доктрины

Второй момент — содержательный. Для идеологической доктрины важна не только и порой не столько картина реальности, сколько образ будущего, нормативная модель общества. В этом, вероятно, объяснение «дрейфа» официального марксизма в сторону нормативной концепции. Для самого Маркса представления о социализме имели характер теоретической гипотезы, производной от анализа реальных тенденций общественного развития. Осторожность, с которой он относился к собственным выводам о характере будущего общества, проявилась, в частности, в его отказе опубликовать «Критику Готской программы» — работу, содержавшую наиболее развернутое изложение его взглядов по данному вопросу. В дальнейшем, однако, именно данный образ социализма, так и оставшийся весьма далеким от реальности, оказался тем не менее ядром официальной идеологической доктрины. Это означало, что реальная экономика должна была восприниматься сквозь призму некоторого будущего идеального состояния как момент движения к нему. Именно такова «картина экономической реальности», лежавшая в основе как официальной политэкономии с ее «системой экономических законов», так и более поздних и более прагматичных теоретических конструкций типа «развитого» и «реального» социализма.

Выразительным итогом длительной идеологизации научной мысли может служить известный тезис из андроповской речи 1983 г. о том, что мы еще плохо изучили общество, в котором живем¹¹. Эта оценка не утратила актуальности и по сей день. Инерция нормативного мышления сохранилась и после того, как стереотипы официальной идеологии стали подвергаться сомнению. Во всяком случае, в пору перестроечных дебатов тема идейно-теоретического обновления воспринималась преимущественно как поиск новой нормативной модели общества взамен прежней официальной концепции первой фазы коммунизма. Сначала спорили об альтернативных моделях социализма (с заметным креном в сторону шведской), затем о моделях рыночной экономики. Споры носили явно идеологический характер, в них сталкивались различные ценностные установки, символически закреплявшиеся в образах типологически ха-

¹⁰ Характерным примером несовпадения идеологических и научных онтологии могут служить взгляды таких известных западных экономистов, как Ф. Хайек и М. Фридман. Эти фамилии часто ставятся рядом, но далеко не всегда учитывается, что объединяют этих авторов только сходные идеологические позиции, тогда как философско-методологические рамки их творчества совершенно различны. (См. напр., Koslowski P. The Categorical and Ontologocal Presuppositions of Austrian and Neoclassical Econo-mics. In: General Equilibrium or Market Process. Ed. by A. Bosch et al. Tubingen, Mohr, 1990, р. 1—20). Вопросы экономики, 1983, № 7, с. 12.

рактерных стран — отсюда обращения к шведской, американской и прочим моделям. Логично предположить, что при иных, не столь нормативных исследовательских установках в поле зрения оказался бы совсем другой спектр моделей, например бразильская, колумбийская, югославская и т. п.

Различие между нормативной идеологической доктриной и научной картиной экономической реальности состоит в том, что первая воспроизводит в структурном отношении религиозное сознание, для которого земная юдоль — не более, чем краткая остановка на пути к вечной жизни; а вторая — это способ восприятия реального мира экономики, как он есть, включая, разумеется, и его внутреннюю динамику, тенденции и альтернативы развития.

Итак, бремя официального статуса парадигмы и влияние ее идеологической доминанты трансформировали отечественное научное сообщество в особую разновидность замкнутой в себе «нормальной науки», которая в отличие от классического куновского научного сообщества была не способна к радикальному самообновлению. В этих условиях крах парадигмы и разрушительный кризис научного сообщества были предрешены. Сдвиги в политической обстановке, лишившие официальную идеологию государственной поддержки, только расчистили дорогу этим процессам. В результате сложившийся механизм научного сообщества стал быстро разрушаться: иссякли привычные источники финансирования, резко сократился выпуск научной литературы, уменьшилась частота профессиональных контактов, расстроились планы научного сотрудничества.

В отличие от классической схемы научной революции отказ от прежней парадигмы не сопровождался у нас утверждением новой. Это вызвало серьезную дестабилизацию внутреннего уклада жизни научного сообщества. Старая парадигма оказалась как бы отодвинутой в сторону, но в собственно научном смысле, то есть с выходом, по Гейзенбергу, на узкоспециальные, по-старому не разрешимые проблемы, — в этом смысле она осталась непреодоленной. В результате произошло дальнейшее снижение «планки» профессионализма. Ортодоксы-консерваторы слышат в свой адрес много брани и мало аргументов, что настраивает их скорее на защиту «несправедливо отвергнутой» парадигмы, чем на критическую саморефлексию по поводу утраты к ней доверия. Ортодоксы-наоборот, специализирующиеся на сведении идеологических счетов с этой парадигмой, отдают явное предпочтение критикеразвенчанию 12—задаче куда более легкой, чем серьезная работа по критике-феодолению. Наконец, как всегда уверенно чувствуют себя привержен-ны вечно живой «парадигмы» вышестоящих указаний, которая в отсут-твие иных, собственно научных критериев только приобретает в весе. Обстановка разброда и шатаний в научном сообществе представляет немалую опасность: размываются барьеры, отделяющие профессионализм от дилетантства — как в самой науке, так и в экономической политике; общественное сознание становится особенно податливым на простые, но иллюзорные решения

Экономические парадигмы: история и современность

Логика предшествующего анализа подводит к мысли, что выйти из кризиса и эффективно функционировать отечественная экономическая

 $^{^{12}}$ Объектом критики-развенчания становится не только идеологический официоз 1 авних лет, но и марксизм как таковой. В ход идут и уничижительные оценки и легкие укусы, вроде недавней попытки расквитаться с «Капиталом» Маркса путем критики

строчных примечаний к его основному тексту (Е. Майбурд. «Фиктивный» Капитал—Независимая газета, 7.04.1992).

¹³ Л. Абалкин. О новом мышлении и стереотипах общественного сознания.— Коммунист, 1991, № 7, с. 22—31.

наука сможет, как только будет заполнен нынешний парадигмальный вакуум, а научное сообщество освободится от диктата идеологов и политиков. Стоит, однако, задуматься о перспективах заполнения этого вакуума, как возникает ряд новых непростых вопросов:

- Возможна ли национально (или иначе) ограниченная и в то же время недеформированная научная парадигма?
- Если возможна, то как соответствующее научное сообщество будет взаимодействовать с мировым, где единой парадигмы не существует?
- Если не возможна, то какова альтернатива куновской модели научного сообщества, при каких, в частности, условиях оно сможет эффективно функционировать без общей платформы?
- Наконец, от каких факторов: онтологических, идеологических, социокультурных, институциональных зависит применимость или неприменимость методологической схемы Куна к экономической науке?

Ответить на эти вопросы вряд ли возможно без хотя бы краткого обращения к реальным тенденциям и логике развития экономической мысли.

Мир богатства. Если оставить в стороне ранние стадии становления экономической теории, то первая целостная картина экономической реальности принадлежит классической школе политической экономии. Экономика представлялась «классикам» как мир богатства. Начиная с «таблицы Кенэ» стержнем этой картины реальности был кругооборот общественного продукта, вовлекающий в свою орбиту основные источники богатства: землю, труд, капитал — заодно с их агентами-распорядителями. Разделение труда и распределение доходов, движение денег и накопление капитала — все эти темы с различных сторон характеризовали движение богатства. Классическая школа положила начало традиции, в рамках которой экономическая наука строилась по образу и подобию наук естественных. «Классики» воспринимали экономику как мир повторяющихся явлений и событий, искали в движении богатства устойчивые связи, универсальные законы и закономерности, стремились на их основе объяснять и предвидеть тенденции экономического развития.

Классическая школа получила продолжение и развитие в марксизме. В своих теориях воспроизводства, стоимости и прибавочной стоимости Маркс непосредственно развил классическую картину экономической реальности как мира общественного богатства и складывающихся на этой основе классовых отношений. Новизна в марксистском подходе— это прежде всего его историзм. Марксизм сохранил установку на закон, закономерность, на повторяемость, на теорию. Но эта установка была распространена и на сферу истории, понятую как естественно-исторический процесс. Тем самым марксизм как бы принял вызов исторической школы, интегрировав принцип историзма в свою научную программу. Речь идет именно об экономической, а не общеисторической (формационной) теории марксизма, об историзме в концепции самого капитализма. Это историзм как методологическая установка на выявление внутренних противоречий изучаемого объекта, которые, в свою очередь, позволяют обнаружить источник его движения, внутренней динамики. В методологическом отношении марксизм вобрал в себя опыт других областей знания, прежде всего дарвиновский эволюционизм и гегелевскую идею диалектического развития.

Мир хозяйственной культуры. Первым серьезным столкновением экономических парадигм можно считать критику классической школы со стороны школы исторической. Значение этого столкновения часто недооценивается, возможно, из-за того, что за пределами Германии историческая школа почти нигде не занимала лидирующего положения. Между тем речь идет о наиболее радикальном размежевании во взгля-

дах и на экономическую реальность, и на характер экономического знания. Возникновение исторической школы связано с традициями европейского романтизма и развитием национального самосознания европейских народов. «Истористы» стали родоначальниками альтернативной «антисциентистской» традиции, акцентирующей гуманитарный характер экономического знания ¹⁴. Для исторической школы, а позднее, в XX в., и для ее преемника — институционализма — экономика — это мир хозяйства в контексте культуры ¹⁵.

«В противоположность смитовскому воззрению на общество как простую сумму отдельных индивидуумов историческая школа признает, что хозяйство каждого народа есть единое целое... В каждом данном народе и в каждом историческом периоде составные части хозяйственного общества находятся между собою в иных отношениях, нежели в другом народе и в другом периоде. Политическая экономия должна подметить и уловить эти особенности... Хозяйство есть лишь одна из сторон народной жизни... и может быть познаваема... лишь в зависимости от прочих проявлений народного духа... Политическая экономия не есть система естественных и непреложных законов хозяйства, в том смысле, как понимали ее крайние последователи Ад. Смита. Политическая экономия имеет дело... с законами социальными, зависящими от данного состояния воззрений, нравов и учреждений общества и изменяющимися с переменой последних» ^{16} . Развивая эти установки, современный институционализм берет на вооружение герменевтическую традицию гуманитарного знания, которая исходит из того, что целостность каждой социально-экономической системы нельзя объяснить путем подведения ее под общие законы — ее нужно понимать, следуя ее внутренней системной неповторимой логике¹⁷. Претендуя на больший реализм в восприятии действительности, институционалисты признают, что их картина реальности неизбежно уступает в строгости и элегантности, во многом сводя экономическую науку к жанру «рассказывания историй» ¹⁸.

Мир хозяйствующего субъекта. Следующий парадигмальный сдвиг был связан с возникновением маржинализма. «Маржиналистская революция» Менгера, Джевонса и Вальраса создала противовес обоим утвердившимся к началу 70-х годов XIX в. направлениям: с одной стороны, усилившейся исторической школе, с которой теоретиков нового направления разделили гораздо больший интерес к теории и приверженность дедуктивному методу; с другой — сохранявшей в большинстве европейских стран ведущие позиции классической традиции (марксизму в особенности, но не исключительно).

Размежевание с «классиками» произошло по линии, отделявшей картину объективной экономической реальности от картины субъективной экономической реальности. Маржинализм с самого начала возник как субъективная школа. Если «классики» воспринимали мир экономики глазами внешнего наблюдателя, то маржинализм принял точку зрения экономического агента, который сам активно вовлечен в хозяйственную жизнь. Маржиналистская картина экономической реально-

¹⁴ По оценке Н. Кондратьева, «самое формирование исторической школы в протиивовес классической было фактом огромного значения для развития методологии социальной экономии. Это формирование... потребовало, по существу, в истории социальной экономии впервые отчетливого и критического осознания самой проблемы метода экономического исследования» (Кондратьев Н. Д. Основные проблемы экономической статики и динамики. М.: Наука, 1991, с. 271).

¹⁵ Gruchy A. G. The Reconstruction of Economics: An Analysis of the Fundamentals of Institutional Economics. N. Y., 1987, p. 6, 42.

Чупров А. И. История политической экономии. М., 1913, с. 211—213.

Чупров А. И. История политической экономии. М., 1913, С. 211—213.

Wilber Ch., Harrison R. The Methodological Basis of Institutional Economics: Pattern Model, Storytelling and Holism (How Economists Explain. Lanham 1983, p. 259).

Bidd., p. 251—252.

сти — это мир субъекта, принимающего хозяйственные решения, то есть мир, которого пока нет и который рождается в процессе деятельности. Говоря словами современных субъективистов, «уровень реальности, который нас интересует,— это мир целей, планов, оценок и ожиданий 19. В своей эволюции субъективистская традиция развивалась от пассивного субъективизма потребностей (Менгер), обратившего внимание на то, что разные люди придают разную ценность одним и тем же предметам; через адаптивный субъективизм оценок целей и средств в процессе их взаимного согласования (Мизес) к современному субъективизму активного ума и предприимчивости²⁰. Представитель последнего английский экономист Лж. Шэкл назвал свой образ экономики «калейлоскопическим обществом», полагая, что всякое хозяйственное решение имеет дело с реальностью, которая постоянно и радикально меняется, подобно мозаике после очередного поворота калейдоскопа²¹. Это — индетерминистская картина реальности, постулирующая непознаваемость будущего. Такой вывод, конечно же, не относится к неоклассической школе наиболее влиятельному направлению современной мировой экономической мысли, хотя «неоклассики» тоже ведут свою родословную от Вальраса — одного из авторов «маржиналистской революции».

Мир богатства, мир хозяйственной культуры и мир хозяйствующего субъекта — все эти три картины экономической реальности к началу XX в. уже в основном сложились и — что особенно важно для нашей темы — сосуществовали и продолжают сосуществовать в рамках экономической науки. Все три картины реальности претендуют на то, чтобы отражать один и тот же объект — экономику, при этом качественно различаясь в трактовке этого объекта, в ракурсе и методе («технике») его изображения. В этом смысле они альтернативны друг другу. Соответственно начиная по крайней мере с середины XIX в., когда историческая школа бросила вызов классической, экономическая наука функционирует и развивается в рамках плюралистической модели научного сообщества. Соотношение между отдельными научными традициями и школами не было одинаковым в разных странах и менялось с течением времени, что дает основание говорить о национальных научных сообществах и особенностях в их развитии. Однако границы внутри мирового научного сообщества, как правило, оставались «прозрачными», и это обеспечивало парадигмальному плюрализму общезначимый характер.

Эклектические парадигмы. В XX в. развитие экономической мысли не принесло качественно новых картин экономической реальности. Основные события происходили на двух других направлениях: в рамках отдельных научных традиций и на стыках между ними. Так, для классической традиции этапными стали работы П. Сраффы и Л. Пазинетти, обогатившие ее современным аналитическим аппаратом и новыми исследовательскими горизонтами; в рамках институционально-исторического направления заметным событием были, например, работы по анализу корпоративного капитализма (А. Берли и Л. Минз, Дж. Гэлбрейт); в рамках субъективистской парадигмы — по осмыслению роли предпринимательства в экономике (Ф. Хайек, И. Кирзнер) и др.

И все же наибольший след в истории экономико-теоретической мысли XX в. оставили «неоклассика» и кейнсианство — научные школы, возникшие на стыке классической и субъективистской традиций.

Неоклассическая картина экономической реальности соотносится с классической примерно так же, как фотонегатив с позитивом: то, что у

.5—6. Shackle g.LS. Epistemics and Economics. Cambridge, 1972.

¹⁹ O'Driscoll G. P., Rizzo M. The Economics of Time and Ignorance. Oxford, 1985, p. 17—18

Discrete Place in the History of Subjectivist Thought. In: Unknowledge and Choice in Economics. Ed. by S. F. Frowen. Basingtoke, 1990, p. 5—6.

«классиков» молчаливо и, может быть, не всегда ясно предполагалось, «неоклассики» выдвинули на передний план; соответственно, то что было в центре внимания, отошло в тень. Влияние субъективистской традиции сказалось при этом на направленности происшедшей перестановки акцентов.

В основе неоклассической картины экономической реальности два элемента: множество хозяйствующих субъектов, максимизирующих свою выгоду при ограниченных ресурсах, и общее равновесие хозяйственной системы как результат их взаимодействия ²². Субъект, преследующий свою выгоду, «классиками», конечно же, подразумевался, однако его поведение не было предметом специального анализа. «Невидимая рука» была именно невидимой — изучались только результаты ее «деятельности». Вызов был принят субъективной школой, после чего осталось перебросить мостик между индивидуальным и массовым экономическим поведением. Такой шаг был сделан, когда понятие субъективной полезности получило эмпирическую интерпретацию в статистике потребительских предпочтений. В результате мир реального субъекта был редуцирован до его среднестатистического слепка, который в теоретическом анализе и вовсе оказался подмененным условным «персонажем» с однозначно прогнозируемым поведением 23. В данной модели не было места спонтанности и творчеству субъекта, с чем никак не могли согласиться последовательные субъективисты. Размежевание на этой почве, по существу, и послужило импульсом к выделению «неоклассики» как особого направления экономической мысли.

Наиболее важная область пересечения классической и неоклассической школ — теория общего экономического равновесия. В рамках классической традиции (Кенэ, Маркс) речь шла прежде всего о согласованности между движением материальных потоков и движением доходов; для «неоклассиков» — это проблема согласованности интересов между частными агентами хозяйственной жизни. Соотношение между обоими подходами — почти зеркальное: доходы и материальные потоки распределяются между людьми; люди договариваются между собой по поводу движения соответствующих потоков. Разница только в том, что в первом случае речь идет об анализе реальных процессов, во втором — предполагаемых ²⁴. Кем предполагаемых? Попытка ответить на этот вопрос выявляет противоречивость онтологического статуса неоклассического равновесия.

Картина будущего может быть или прогнозом на основе экстраполяции (тем более «объективным», чем строже экстраполяция), или субъективным предвосхищением событий. В последнем случае она может опираться как на знание (экстраполяции), так и на волю субъекта (возможно, и коллективного, такого, как фирма и даже государство), то есть быть планом действий. Неоклассическая картина экономической реальности представляет собой неявную попытку совместить в себе оба варианта модели будущего. Состояние равновесия трактуется уже не только как совокупность равновесных цен, но и как совокуп-

²² Blaug M. Kuhn versus Lakatos or Paradigms versus Research Programmes in the History of Economics. In: Method and Appraisal in Economics. Ed. by S. Latsis. Cambridge, 1976, p. 160—161.

²³ Субъективизм «субъективной теории стоимости» в рамках основного течения неоклассики — это онтологическое утверждение, которое не сопровождается ни субъективистским методом, ни каким-либо интересом к реальному знанию о субъективных полезностях» (Wendt P. Comment. In: Economics as Discourse. Ed. by W. Samuels. Boston etc. 1990, p. 62).

²⁴ При теоретическом анализе равновесных состояний разница может и вовсе оказаться несущественной: в обзорных работах ресурсные (и в этом смысле «классические») равновесные модели (фон Неймана, Леонтьева, Сраффы) нередко оказываются водном ряду с моделями неоклассическими (Вальраса, Эрроу-Дебре и др.).

ность общих ожиданий и согласованных индивидуальных планов ²⁵, как «равновесие для системы, в которой спрос и предложение выравнены на все времена» ?. Такая модель строится на экзотическом предположении, что «в данный момент времени существуют рынки, на которых согласуются поставки товаров на любую дату в будущем»

Иными словами, предполагается картина будущего, согласованная для множества хозяйствующих субъектов, то есть нечто большее, чем экстраполяция сложившегося положения, с одной стороны, и план действий отдельного субъекта — с другой. Проблема, однако, в том, что построение такой картины будущего вовсе не предусматривает механизма реального согласования планов между субъектами. Фактически равновесие рассчитывается как раз для тех условных, а главное вполне предсказуемых «персонажей», которые заменили в неоклассической теории реальных хозяйствующих субъектов.

Речь в данном случае идет не о качестве предпосылок, принятых для данной модели. Речь о том, что подобная подмена субъектов выступает неизбежной расплатой за попытку непосредственного совмещения качественно разнородных картин экономической реальности и особенно за попытку незаметно «перепрыгнуть» через рубеж, отделяющий прошлое от будущего. На самом деле неоклассическая модель равновесия есть ничто иное, как сложная модельная экстраполяция (или сценарий) с заданными стереотипами поведения, характеризующими не только реальные действия субъектов, но и динамику их ожиданий и проектных наметок.

В этом смысле она не выходит за рамки классической картины экономической реальности, хотя и вносит в нее существенные дополнения улучшающие ее прогностические возможности.

Хотя специалисты в области истории экономической мысли нередко характеризовали появление кейнсианства как едва ли не типичную научную революцию, в действительности речь шла скорее о радикальном тематическом сдвиге по отношению к непоследовательному маржинализму в духе A. Маршалла²⁹. Прежде всего это был сдвиг в сторону макроэкономики, что сближало кейнсианство с классической, домаржиналистской картиной экономической реальности. Одновременно это были частичный разрыв с равновесным подходом и концентрация внимания на краткосрочных процессах, что существенно обогатило исследовательский горизонт, но не создавало какой-либо альтернативной картины реальности 30. Наконец, в трактовке ожиданий Кейнс дальше, чем

²⁵ Вайнтрауб Э. Р. Теория общего равновесия. В кн.: Современная экономическая

мысль, М.: Прогресс, 1981, с. 191.

26 Arrow K. J. Summary. In: The Economy as an Evoling Complex System. Ed. by Ph. Anderson, K. Arrow, D. Pines. Vol. 5. Addison-Wesley, 1988, p. 276.

²⁷ Ibid.
28 По оценке М. Блауга, сформулированной в терминах методологической концепции И. Лакатоша, маржиналисты «приняли твердое ядро» классической политической экономии, но заменили ее «позитивную эвристику» и снабдили иным «защитным поясом» (Blaug M. Op. cit., p. 161). С этой оценкой следует согласиться с тем, однако, уточнением что под «маржиналистами» имеются в виду именно «неоклассики».

²⁹ Leijonhufvud A. Schools, «Revolutions» and Research Programmes in Economic Theory. In: Method and Appraisal in Economics. Ed. by S. Latsis. Cambridge 1976, p. 87.
³⁰ Характеризуя соотношение между основными теоретическими школами, А. Лей-

онхуфвуд предложил рассмотреть их применимость для разных состояний экономической системы, по мере их «удаления» от равновесия. Вот некоторые его выводы: «Для состояний, близких к равновесной траектории, будут иметь силу тенденции, которые связаны с классическим механизмом спроса-предложения, они будут компенсировать отклонения». В определенной точке, считает Лейонхуфвуд, вступит в действие кейнсианский фактор «необеспеченности эффективного спроса». Его значение будет расти, тогда как уравновешивающий эффект классического механизма начнет ослабевать. «Для очень значительных отклонений простая двумерная (маржиналистско-кейнсианская. — О. А.) метафора окажется в лучшем случае недостаточной... В условиях «большой депрессии»

«неоклассики», пошел навстречу субъективистской парадигме, введя неустранимую неопределенность и возможность дестабилизирующих ожиданий в число основополагающих элементов своей картины реальности³¹, что, однако, не изменило ее характера. Уже после публикации основной своей работы Кейнс писал, что «главным для него было разграничить силы, определяющие равновесие, от техники проб и ошибок, с помощью которых предприниматели находят эту точку равновесия» 32. Здесь Кейнс так же, как и классики, ставит себя вне экономического процесса, не стремясь погружаться в мир забот и тревог хозяйствующего субъекта.

Шансы метапарадигмы

Теоретическая палитра современной экономической мысли продолжает усложняться. Усиливается ее плюралистический характер. Неоклассическая школа сохраняет свои лидирующие позиции, хотя характер ее отношений с другими направлениями экономической мысли меняется. Преимущества в уровне математизации теории уже не кажутся столь важными³³. Неоклассика вторгается в новые для себя области, усложняя институциональные предпосылки своих моделей³⁴, невольно подтверждая значимость соответствующей тематики, а заодно и тех школ, которые обратились к ней гораздо раньше. Активизировалась деятельность традиционных и новых научных школ, в той или иной степени альтернативных неоклассике (посткейнсианство, традиционный институционализм, радикальная политэкономия, неошумпетерианство, неоавстрийская школа и др.). Заметно растет интерес к более широкому охвату институционального разнообразия экономических систем и их сравнительному анализу. С разных позиций предпринимаются попытки систематизации и интеграции усложнившейся структуры экономико-теоретического знания.

Шумпетер, столкнувшись, вероятно, в свое время с аналогичными проблемами, ограничился констатацией, что экономическая наука «отличается от науки в том смысле этого слова, в каком наукой является акустика; скорее это агломерат плохо между собой скоординированных, пересекающихся полей исследования, подобно медицине»³⁵. С тех пор, как были написаны эти слова, положение только усугубилось. Стремление разобраться в ситуации, сложившейся в теоретическом хозяйстве, дало толчок развитию философско-методологических исследований в области экономической науки.

или «большой инфляции» система может долго барахтаться... без определенных шансов на улучшение. Последствия глубокой серьезной рассогласованности проявятся в трансформации социальных, правовых и политических условий экономической деятельности в этой точке претензии экономиста на то, чтобы «прокладывать путь» с помощью его теоретических конструкций, должны быть во имя приличия отброшены» (Ibid., p. 101 — 102.).

31 M. Blaug. Op. cit.. p. 162.

³² Цит. по: Kregel I. A. Economic Methodology in the Face of Uncertainty.— Economic Journal, V. 86, June 1976, p. 213.

³³ Оценивая перспективы развития экономической науки, представители самых разных научных школ (У. Баумоль, Дж. Бхагвати, Дж. К. Гэлбрейт, Ф. Хан, Э. Маленво, М. Морисима) почти единодушно предвидят усиление ее гуманитарного характера (The Economic Journal. Vol. 101, January 1991, p. 4—5, 9, 41, 47, 68, 73). «Экономиическая теория станет более «мягким» предметом, чем сейчас»,— заявил один из ведущих современных экономистов-математиков Ф. Хан (Ibid., p. 47).

³⁴ Речь идет о течении «новой институциональной экономики», охватывающем та кие области, как теория трансакционных издержек и прав собственности, теория общественного выбора, институциональный подход в изучении экономической истории

³⁵ Schumpeter J. A. History of Economic Analysis. N. Y., 1954, p. 10.

Начиная с 70-х годов эта работа идет явно по нарастающей. В 1966 г. редактор американского сборника по экономической методологии еще отмечал как само собой разумеющийся факт, что «на протяжении последних 50 лет в экономической науке интерес к методологическим вопросам снижался», а «недавний прогресс в области философии науки прямого заметного влияния на экономическую теорию не оказал»³⁶. Однако эпоха методологического затишья была уже на исходе. Рубежом стало начало 70-х годов, когда с самых высоких трибун мирового сообщества экономистов прозвучали голоса тревоги о положении дел в профессиональном хозяйстве. Это отмечалось в президентских докладах на сессиях Американской экономической ассоциации (В. Леонтьев, 1970 37), британского Королевского экономического общества онтьев, 1970^{-37}), британского Королевского экономического общества (Э. Фелпс Браун, 1971^{-38}) и других подобных форумах. В те же годы экономисты включились в споры вокруг новых веяний в области философии науки. К середине 70-х годов философско-методологические дискуссии об основаниях экономической науки стали постоянным и важным фактором ее развития, а в 80-е годы переросли в настоящий методологический бум.

Попытки приложить к экономической науке схему Куна сразу же натолкнулись на трудности. История экономической мысли никак не походила на последовательность сменяющихся парадигм. Один из ведущих современных экономистов-методологов М. Блауг предложил даже наложить запрет на употребление без кавычек понятия «парадигмы» в экономической методологии ³⁹.

Гораздо большее признание среди экономистов получила методологическая концепция И. Лакатоша 40, которая допускала длительное параллельное сосуществование нескольких «исследовательских программ» (понятие, заменившее в этой концепции «парадигму») и делала упор на соотносительную оценку этих исследовательских программ (прогрессивная или дегенерирующая) по критерию их научной продуктивности. При всех оговорках (Лакатош допускает, что программа, утратившая продуктивность, со временем может обрести ее вновь) сосуществование разных исследовательских программ выводилось в этом случае из инерционности научного сообщества, его готовности мириться с дегенерирующими программами.

В спорах вокруг оснований научной дисциплины сталкиваются разные парадигмы и теоретические традиции, стили мышления и способы мировосприятия. В соперничестве разных подходов к осмыслению общественной реальности основное внимание обычно уделяется вопросам узко понятой методологии. Явно или неявно подразумевается, что речь идет о разных способах познания одного и того же объекта, составляющего предметную область данной научной дисциплины. Иными словами, предполагается ситуация, когда на один вопрос имеется несколько ответов, причем только один из них может быть правильным. Между тем у спора вокруг оснований науки может быть не только узко методологический, но и онтологический смысл. За соперничеством разных подходов к реальности может стоять как выбор методов ее познания, так и выбор аспекта ее рассмотрения. Общественная реальность многомерна, а предметная область науки не есть априорно заданный ее фрагмент. Разные научные школы и направления могут ставить перед собой раз-

³⁶ The Structure of Economic Science. Essays on Methodology. Ed. by Sh. R. Krupp, Prentice-Hall, 1966, p. iii.
³⁷ Леонтьев В. Экономические эссе. М.: Политиздат, 1990, c. 265—277.

³⁸ Phelps Brown. E. The underdevelopment of economics.— Economic Journal, March

^{1972 39} Blaug M. Op. cit., р. 149. 40 Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции. В кн.: Структура и развитие науки. М.: Прогресс, 1978, с. 203—269 (согл. венг. транскрипции —Лакатош).

ные вопросы, высвечивая различные фрагменты, грани, срезы исследуемой реальности. И только совокупность последних составит развивающуюся предметную область соответствующей отрасли знания. «Альтернативные экономические теории, — пишут итальянские исследователи М. Баранцини и Р. Скацциери, — рождаются из абстрактных моделей экономической реальности, сориентированных скорее на разные вопросы, чем конкурирующих между собой». Те же авторы приводят примечательное рассуждение знаменитого английского экономиста Дж. Хикса (1975 г.). «Наши теории как инструменты анализа действуют подобно шорам... Сказать вежливее — это лучи света, которые высвечивают одни части объекта и оставляют во мраке другие. Пользуясь этими теориями. мы отводим взгляд от вещей, которые могут быть существенными, с тем, чтобы четче разглядеть то, на что наш взгляд уже устремлен. Нет сомнения, что именно так и следует поступать, иначе мы увидим очень мало. Но очевидна и важность правильного выбора теории, чтобы она могла удовлетворительно выполнить такую функцию. Иначе она высветит не то что надо... Поскольку мы изучаем меняющийся мир, теория, которая в один момент времени светила в правильном направлении, в другой момент может светить в неправильном. Это может происходить из-за перемен в мире (вещи, которые игнорировались, могут стать более важными, чем те, что принимались во внимание) или изменений в нас самих... Экономической теории на все случаи жизни, возможно, и не существует»

Наконец, идеология — еще один фактор множественности экономических теорий и картин экономической реальности, источник не столько взаимодополняющих взглядов на один объект, сколько альтернативных подходов к решению одной и той же проблемы. Наиболее радикальная позиция по этому вопросу высказывается с позиций популярного ныне среди обществоведов постмодернизма. С этих позиций экономическая теория — это разновидность риторики 12 рассчитанной не столько на поиск истины, сколько на убеждение собеседника. Она ассоциируется скорее с «системой метафор», поэтому «выбор между школами мысли оказывается выбором между соответствующими способами изложения и соответствующими системами метафор» 13.

Итак, в основе сосуществования разных теорий и картин экономической реальности могут лежать не только гносеологические факторы, но также онтологические и идеологические причины. Причем разные экономические теории могут отражать не просто разные аспекты одной реальности, которые со временем будут обобщены в рамках более общей теоретической концепции. Речь может идти об онтологиях разной природы. В этом смысле экономическая наука может выступать то как эмпирическая наука, работающая с наблюдаемыми и проверяемыми фактами, объясняющая и прогнозирующая объективные процессы; то как наука историческая, имеющая дело с неустойчивым, постоянно меняющимся объектом; то как аксиологическая дисциплина, изучающая ценностные отношения и структуры человеческой деятельности 44.

⁴¹ Baranzini M. and Scazzieri R. Knowledge in Economics: A Framework. In: Foundations of Economics: Structures of Inquiry and Economic Theory. Ed. by M. Bararrzini and R. Scazzieri. Oxford, 1986, p. 10, 17.

⁴² McCloskey D. The Rhetoric of Economics. Madison, 1985.

⁴³ Samuels W. Introduction. In: Economics as Discourse. Boston, 1990, p. 7.

⁴⁴ «По мере того, как экономическая теория выходит за рамки «статики»,— утверждал Дж. Хикс,— она становится менее похожей на науку и больше — на историю (Цит. по: Journal of Post Keynesian Economics, Vol. 6, 1984, р. 485). Известный историк и философ Р. Коллингвуд отмечал, что «экономическая теория выступает как эмпирическая наука, если она мыслится как исследование такого объекта, как богатство; и как философская наука, если мыслится как изучение экономической деятельности» (Collingwood R. G. Economics as a Philosophical Science. «Ethics», 1926. Цит. по: Unknowledge and Choice in Economics. Ed. by S. F. Frowen. Basingtoke,1990, р. 1).

В этих условиях принцип методологического плюрализма оказывается единственно приемлемым. Принятие этого принципа эквивалентно радикальной децентрализации научного сообщества, главным звеном которого становятся отдельные научные направления и узко специализированные профессиональные объединения. «Беспокойство, возникающее из-за отказа от абсолютных притязаний науки, — отмечает Р. Хейлбронер, — можно ослабить, если согласиться, что научная работа в узком смысле этого слова может продолжаться в рамках принятых способов интерпретации социальной действительности, как бы они ни назывались: «парадигмы», «исследовательские программы» или просто «идеологии» 45. Соответствующие структуры знания действительно становятся парадигмами в смысле Куна — центрами притяжения, вокруг которых формируется главный круг профессионального общения, утверждается язык этого общения и утверждаются стандарты научности. Однако такое положение неизбежно ослабляет «большое» научное сообщество как на. международном, так и на национальном уровнях. Без общих «правил игры» труднее достигать взаимопонимания в научном общении, строить общие планы и координировать действия. О серьезности этих проблем свидетельствует опыт давно привыкшей к плюрализму академической Америки: эта проблема и там далека от решения⁴⁰. В пору, когда отечественный плюрализм еще молод и неопытен, избежать противоречий тем более не удастся. Поэтому в наших условиях особенно важно понять природу этих противоречий и уже на основе такого понимания искать пути к широкому, без доктринальных шор профессиональному диалогу.

Организация такого диалога становится одной из важнейших функций «большого» научного сообщества — функцией философско-методологической по своей природе. Методология не может в этой ситуации предписывать, ее задача — «идентифицировать различные альтернативные совокупности предпосылок знания с указанием тех границ, которые в каждом случае заданы самим его статусом»⁴⁷. Однако постановка даже такой относительно скромной методологической задачи неминуемо возвращает к вопросу о некоторой общей точке отсчета — если не нормативной парадигме в смысле Куна, то хотя бы о некоей метапарадигме или интегральной картине экономической реальности как общей базе для диалога между представителями частных парадигм, совместного осмысления характера различий в подходах и разногласий — в выводах. Скептики утверждают, что «нет такого нейтрального места, такой свободной от идеологии Платоновой пещеры, где бы можно было дать волю чистой мысли сравнивать и сооценивать между собой различные теории» 48. Скептицизм не лишен, вероятно, оснований в том смысле, что создать метапарадигму как нечто завершенное и окончательное дейст-

⁴⁶ Heilbroner R. Economics as Ideology. In: Economics as Discourse Ed. by W. Samuels. Boston etc., 1990, p. 113.

⁴⁶ Так, трехлетний опыт издания междисциплинарного журнала «Экономика и философия» привел его редакторов к таким неутешительным выводам: «Наиболее острые расхождения относительно стандартов взаимных оценок прошли не по линии, разделяющей философов и экономистов, а между различными школами экономистов и различными школами философов. Трудности, с которыми сталкивался философ, когда хотел получить должную оценку своей работы со стороны экономиста,— ничто по сравнению с трудностями, возникавшими, когда нужно было, чтобы неокейнсианец оценил работу представителя «австрийской> школы или индуктивист — работу попперианца. В своей работе мы стремились уходить от перекрестного (между школами) рецензирования именно в виду того, что разногласия остры и предсказуемы, а результаты так неизменно обескураживающих (Hausman D. and McPherson. Standards. Economics and Philosophy. Vol.4. 1988, № 1, р. 3).

Vol.4, 1988, № 1, p. 3).

⁴⁷ Samuels W. «Truth» and «Discourse» — Journal of Post Keynesian Economics.
Vol. 13, Summer 1991, p. 514.

⁴⁸ Weintraub Ë, R. Comment. In: Economics as Discourse ed by W. Samuels. Boston etc. 1990, p. 125.

вительно мало реально. Однако скептики не учитывают, что попытки концептуализации мира экономики в его многомерном единстве — это способ саморефлексии профессионального сообщества. В этом качестве они и неизбежны и необходимы.

Парадигма для России?

Давно сказано: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить». Не секрет, что эти тютчевские строчки сегодня для одних стали источником вдохновения, выразив их веру в уникальность России, для других — проклятьем, напоминающим об опасности социальных экспериментов идущих вразрез с логикой жизни. Обе стороны посвоему правы. Ибо Россия уникальна, но уникальны каждая страна и каждый народ. И потому прав Тютчев, отвергая претензии ума, вооруженного общим для всех аршином. Но правы и те, кто, несмотря на все сложности, стремятся понять логику жизни. Понять — чтобы подкрепить веру знанием, сделать ее более действенной. Усложнение структуры теоретического знания — это в конечном счете результат экономистами истинной меры сложности профессиональных задач, а главное, тех усилий, которые уже предприняты для их решения. Овладеть всем накопленным арсеналом знания для того, чтобы с его помощью понять «особенную стать» России, по крайней мере в ее социально-экономическом измерении — таков смысл обновления профессионального сообщества российских экономистов.

Воссоздаваемое профессиональное сообщество должно строиться во многом на новых принципах и быть готово к жизни по законам демократического гражданского общества. Оставляя в прошлом статус генератора и носителя официальной идеологии, профессиональное сообщество экономистов должно с самого начала позаботиться о своем будущем месте в общественной жизни страны. Для этого необходимы высокий научный авторитет, безупречная моральная репутация, а также уравновешенная и независимая позиция по актуальным социально-экономическим проблемам. Способность культивировать эти ценности как основу профессиональной этики должна определять меру эффективности всех механизмов профессионального сообщества.

Путь к настоящему профессиональному авторитету отечественного научного сообщества лежит прежде всего через максимальное использование тех «сравнительных преимуществ», которыми оно обладает. Первое из них — наши собственные традиции. Богатство традиций российской и советской экономической науки — важный и часто недооцениваемый фактор ее будущего возрождения. Достаточно вспомнить такие получившие международную известность имена, как Е. Слуцкий, В. Леонтьев, М. Туган-Барановский, Н. Кондратьев, Г. Фельдман, Л. Канторович. Важной традицией и в то же время индикатором потенциала отечественной экономической науки является присущее ей разномыслие, сохранявшееся даже в худшее время жесткого идеологического контроля за научной мыслью. Вся история экономической мысли советского периода пронизана дискуссиями, за которыми явно или скрыто стояли существенные различия и в оценке положения дел в экономике, и в представлениях о путях развития страны. В этих дискуссиях накапливались знания и складывалось понимание особенностей хозяйственной системы, сложившейся в стране, того, что впоследствии стали называть «экономикой советского типа». В послесталинский период есть все основания говорить о формировании ряда научных школ, различавшихся методологическими установками и теоретическими воззрениями. Наиболее крупным явлением такого рода было формирование на рубеже 50—60-х годов экономико-математического направления, у истоков которого стояли такие крупные фигуры, как В. Немчинов, В. Новожилов, Л. Канторович, А. Лурье.

Второе обстоятельство связано с днем настоящим. Точка обзора, которая волею судьбы досталась российским экономистам, дает уникальный шанс избавиться от извечного конфликта между интересами науки и требованиями жизни. «Ни одна страна до сих пор,— пишет Дж. К. Гэлбрейт,— не имела опыта навигации в таком марше, который проходят ныне страны недавнего социалистического лагеря... Даже если мерить масштабом предстоящих ста лет, этот великий переход еще долго будет в центре экономического внимания чоль на упустить наших шансов, нужны заметные подвижки в структуре исследовательских приоритетов: во-первых, в сторону их фундаментализации, ибо глубина и уникальность нашего кризиса не дают оснований надеяться на эффективность привычных подходов или чужих рецептов; во-вторых, в пользу интенсификации внутри- и междисциплинарных контактов при осмыслении происходящих процессов и разработке социально-экономических программ.

Смелость мысли, необходимая при постановке и решении нестандартных отечественных проблем, не может, однако, оправдывать игнорирования интернационального характера Научных знаний, культивирования доморощенных методологии и научного аппарата. Сакраментальная диссертационная фраза о том, что исследование автора проведено впервые в отечественной литературе, должна уйти в прошлое—вместе, разумеется, с той реальностью, которую она отражает: незнанием и нежеланием знать, что происходит в той области знания, в которой исследователь претендует на профессионализм. Принципиально важно поэтому, чтобы отечественное профессиональное сообщество с самого начала и последовательно воссоздавалось как часть мирового научного сообщества.

Наконец, основополагающим принципом профессионального сообщества должен стать плюрализм: в идеологии и теории, в методологии и политике. В экономической науке нет единой парадигмы, способной объединить все научные школы и направления. Есть лишь общий объект познания и общая ответственность перед обществом за уровень понимания и поиск путей разрешения его социально-экономических противоречий. В этих условиях профессиональное сообщество не может строиться иначе, как совокупность научных школ и каналов узкопрофессионального научного обмена и общения, причем каждая из этих структур должна нести основное бремя ответственности за поддержание в собственной среде стандартов научности и профессиональной этики. Взаимодействие между базовыми структурами сообщества на общегосударственном и региональном уровнях может строиться лишь на основе отказа от односторонних претензий на истину, на принципах толерантности и диалога. Важной задачей ближайшего будущего является содействие организационному становлению этой плюралистической структуры, формированию механизмов функционирования реально сложившихся и возникающих вновь научных школ, укреплению их научных контактов с соответствующими субструктурами мирового профессионального сообщества. Разумеется, это должно быть именно содействие, а не насильственное внедрение нового принципа. Такие шаги призваны повышать «планку» профессионализма, а не создавать «крышу» для самостийного дилетантства.

⁴⁹ J. K. Galbraith. Economic in the Century Ahead. Economics Journal. Vol. 101, January 1991, p. 46.

* *

Так быть ли новой парадигме в экономической теории? Ответ на этот вопрос не столь однозначен, как может показаться на первый взгляд. Экономическая теория пока что упорно сопротивляется попыткам уложить ее в прокрустово ложе куновской схемы. Можно по-разному оценивать перспективы появления такого синтетического ума, который представит мир экономики во всей его многомерности как единую логически непротиворечивую теоретическую конструкцию. Пока больше оснований сомневаться, чем рассчитывать на успех. Более плодотворным может, оказаться выдвижение обобщающих картин реальности» имеющих менее жесткий, чем у парадигмы, методологический статус и ориентированных на оживление профессионального диалога между специалистами разных убеждений и специализаций. Тем не менее новой парадигме быть! Быть новой парадигме профессионального сообщества российских экономистов, которая на годы вперед определит судьбу экономической науки в стране: или это будет больной организм, изначально пораженный синдромом провинционализма и вирусом взаимонепонимания; или это будет активный, динамичный в своем разнообразии, авторитетный в обществе организм, способный конструктивно влиять на решение экономических проблем страны, равноправный партнер в. мировом профессиональном сообществе.

Новая парадигма профессионального сообщества невозможна без существенного повышения методологической культуры. Иначе не приходится рассчитывать на цивилизованное общение между научными школами. В этих условиях четкая фиксация методологических предпосылок, принимаемых в каждом исследовании, должна стать необходимой и крайне важной характеристикой исследования. Только так можно эффективно оценить и проверить адекватность претензий на принадлежность к научной школе и соответственно определить «кодекс», по которому надлежит «судить» данную работу, точку отсчета, с которой ее надо сравнивать (а значит, и оценивать ее научный вклад). Только тогда раздел о методологических основах исследования в авторефератах диссертаций наконец-то наполнится смыслом.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ НА ПУТИ К НОВОЙ ПАРАДИГМЕ: МЕТОДОЛОГИЯ ПОДХОДА*

Переживаемый страной глубокий социально-экономический и политический кризис охватил все сферы общественной жизни страны. Параллельно нарастал и углублялся кризис экономической теории. Концепция превосходства советской общественной системы, положенная в ее основу, все более разительно расходилась с конкретным историческим опытом как нашей страны, так и мирового сообщества в целом. В повестку дня встал вопрос о радикальном переосмыслении экономической теории и выработке ее новой парадигмы.

Выход экономической теории на уровень новой парадигмы невозможен вне качественного обновления ее методологического базиса. Такого рода работа еще не набрала необходимых оборотов, хотя некоторое оживление уже заметно. Анализ отечественных исследований последних лет позволяет заключить, что получение определенного приращения знаний в области методологии скорее всего следует ожидать в связи с анализом определяющих факторов общественного развития, исследованием истоков его альтернативности и разработкой теории общецивилизационного подхода к типологии общественных систем. Безусловно, здесь необходимо принять во внимание все достижения мировой экономической мысли.

К вопросу о новом понимании детерминизма в экономическом развитии

На протяжении длительного времени в советской экономической науке господствующим являлся чисто экономический подход к анализу факторов общественного развития. В определенной мере он был оправдан, поскольку позволял из всей системы общественных отношений выделить одну их группу, причем определяющую, и рассмотреть ее более обстоятельно. Однако односторонняя абсолютизация этих факторов неизбежно вела к вульгарному экономическому детерминизму, истоки которого восходят к XIX в.

Своеобразной реакцией на «вульгарный экономизм» явились течения мировой экономической мысли, которые пытались расширить базу своих исследований за счет анализа субъективных предпочтений потребителя, конкретно-исторических и национально-специфических форм экономической жизни, политических и социальных институтов (маржинализм, историческая школа, институционализм). Все же начало и середина XX в. в мировой экономической науке прошли преимущественно под знаменем узкоэкономических исследований. Лишь со второй половины 60-х годов, как отмечают многие исследователи', в мировой экономической науке наметился кризис, который принял затяжной характер. Во многом он был связан с ограниченностью чисто экономического анализа и недостатками старой методологии исследования. Более настойчиво стала ощущаться необходимость иного подхода, исходящего из единства экономических, социальных, политических и идеологических процессов и необходимости их изучения во взаимосвязи².

² См., например, Lichtenstein P. M. An Introduction To Post-Keynesian and Marxian Theory of Value and Price. New-York, 1983, p. 5—8.

^{*} Авторский коллектив: д. э. н. Латышева Г. И., д. э. н. Радаев В. В., д. э. н. Столяров И. И., к. э. н. Катихин О. В., к. э. н. Мысляева И. Н., Загорьянос В. И. (ИЭ РАН).

См., например: Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М., Прогресс, 1968, с. 19; Буржуазная социология на исходе XX в.: критика новейших тенденций. М., Наука, 1986, с. 76; Осадчая И. М. Консерватизм против реформизма (две тенденции в буржуазной политэкономии). М., Мысль, 1984.

Чем обусловлен такой поворот? На наш взгляд, здесь можно выделить по крайней мере три основные причины.

Во-первых, к середине XX в. производство в развитых странах достигает такого уровня, когда механизм автоматического саморегулирования экономики оказывается существенно подорванным. Необходимость регулирования экономики, а также учет внеэкономических факторов, способных серьезно влиять на линию экономического развития, более тесными узами связывают экономику и политику, экономику и идеологию.

Во-вторых, на рубеже 60—70-х годов усиливается движение радикальных и демократических сил за переоценку системы жизненных ценностей, за смещение акцентов в целях и задачах экономического роста. Все более настойчивым является требование перехода от простого стимулирования темпов развития материального производства, от «общества массового потребления» к провозглашению новой системы социальных приоритетов: снижение безработицы, расширение системы образования и подготовки рабочей силы, охрана окружающей среды и т. п., то есть всего того, что включает понятие «качество жизни».

В-третьих, к середине XX в. существенным образом изменилась роль человека в производстве. И поэтому, в частности, в последние 10—15 лет произошла своеобразная «революция» концепций индустриального общества. Если раньше они во многом основывались на методологии технологического детерминизма, связывая технический прогресс с уменьшением роли человека, которого HTP вытесняла из производства, то теперь саму технику рассматривают в качестве материализованного человеческого знания.

Несмотря на то что в силу указанных причин в мировой экономической науке наметился определенный сдвиг в сторону ухода от чистого «экономизма», советская экономическая наука в силу своей изолированности и специфики тех задач, которые стояли перед обществом в первой половине XX в. (создание материально-технической базы, необходимость удовлетворения элементарных жизненно важных потребностей основной массы населения и т. п.), оказалась в плену вульгарного экономизма.

Отличительными особенностями вульгарного экономического детерминизма являются:

- абсолютизация причинной роли экономических факторов, когда все удачи или неудачи общественного развития напрямую связываются с развитием экономической сферы:
- игнорирование самостоятельного и активного воздействия вне экономических факторов; рассмотрение их всегда и непременно лишь в качестве следствия экономического прогресса. Несмотря, в частности, на развернутое доказательство в работах М. Вебера, В. Зомбарта, С. Булгакова роли нравственных и религиозных факторов в развитии экономики, в нашей экономической теории никогда эти факторы не принимались в расчет. Более того, некоторые экономисты почти дословно повторяют Иеремию Бентама, утверждая: «Нравственно то, что эффективно», а человека рассматривают лишь как «экономического человека», преследующего только материальный интерес, соображения выгоды и пользы;
- абсолютизация однонаправленности общественного развития, его объективной предопределенности, предполагающей, что данный уровень развития производительных сил с непременной необходимостью порождает именно данную систему производственных и иных общественных отношений, а каждый последующий этап рассматривается как более прогрессивный по сравнению с предыдущим.

Такой подход упрощает, а в ряде случаев искажает истинную картину общественного развития. Он не способен объяснить зигзаги и

регрессивные тенденции; представляет общественный прогресс как одновариантный, а реализованный вариант как единственно возможный и. жестко заданный; рассматривает осуществление той или иной альтернативы как автоматический процесс; не может объяснить, почему при одном и том же уровне экономического развития могут быть совершенно разные типы общественного устройства.

Главное же в том, что в рамках экономического детерминизма человек неизбежно остается придатком материальной сферы, придатком производительных сил. Вывести отсюда понимание человека как самоцели общественного прогресса попросту невозможно. Вся эта схема запрограммирована так, что человек в ее рамках оказывается чем-то вторичным, средством, а не целью общественного прогресса.

Современный подход к этим проблемам предполагает отказ от вульгарного «экономизма», учет всего богатства общественных отношений, то есть понимание общества как единого целого, частью которого является экономика.

Реализация подобного подхода предполагает учет не только собственно экономических, но и всей совокупности факторов, которые связаны с экономическим развитием: политических, идеологических отношений, форм общественного сознания, социальной структуры и т. п. Все они как целостность образуют социальную среду (причем постоянно меняющуюся) экономического развития.

Это предполагает иное понимание характера взаимосвязи экономики с сопредельными явлениями. Их взаимосвязь, возможность влияния друг на друга (политики на экономику, экономики на идеологию, нравственности на политику и т. п.), равно как и существование противоречий между ними, признавались всегда. Ныне, по-видимому, приходит осознание того, что изменения содержания экономической системы могут зависеть от характера и направленности развития других отношений, за которыми тем самым признаются определенные причинные основания. В соответствии с этим однолинейная схема «причина (экономический фактор)—следствие (внеэкономический фактор)» оказывается недостаточной. Выявляется, что причинность в экономической сфере носит сложный, множественный характер. На каждом конкретном этапе она задана неоднозначно, включает различные тенденции, каждая из которых может развиться в доминирующую.

Становится все более очевидной и необходимость уточнения положения об определяющей роли экономических факторов. Она проявляется, по-видимому, лишь на достаточно продолжительных отрезках времени. В каждый же конкретный момент развитие идет с учетом всей совокупности разнообразных факторов, которые формируют интересы тех или иных социальных групп. Конечно, положение последних определяется уровнем развития материального производства, так или иначе связано с ним. Но не оно само выступает активным началом преобразований. Таковым являются люди, объединенные в различные социальные образования. Поэтому развитие всегда вариантно, оно потенциально содержит множество тенденций, ровно столько, сколько существует достаточно представительных и активных социальных сил, способных отстаивать свои интересы.

Такой подход не вырывает экономическую сферу из системы ее реальных взаимосвязей, что позволяет более точно описать подлинную картину. Он дает возможность понять, почему при одном и том же уровне экономического развития возможны совершенно разные типы общественного устройства, позволяет сформировать подход к общественному развитию не как к фатально предопределенному процессу, а как к процессу вероятностному, вариантному.

Реализация такого подхода означала бы переход от монодетерминации хозяйственной жизни, связанной с чисто экономической интерпре-

тацией всех причин общественных процессов, к полидетерминации, когда в число таких причин включаются также социальный детерминизм, система нравственных ценностей, весь социокультурный слой и т. д., и т. п. Причем все социальные процессы рассматриваются как активные причины, а не просто как следствие экономической жизни. Реализация данного подхода предполагает вместе с тем и иное понимание *объекта* экономической теории. Традиционно в качестве такового выступали способ производства, общественно-экономическая формация. Безусловно, эти категории сохраняют свою познавательную ценность. В то же время все более ощутимой становится необходимость овладения методами исследования экономических процессов в рамках более широкого подхода, ориентированного на общественную систему в целом. В отличие от истматовской схемы способа производства, которая исходит из линейной причинной зависимости: производительные силы $\rightarrow$ производственные отношения $\rightarrow$ надстройка, а человека рассматривает как результат, данный подход, во-первых, вовлекает в анализ дополнительные пласты общественных отношений, во-вторых, предполагает многомерность их причинных взаимодействий, но, главное, он рассматривает общественного человека как центр общественной системы, исходный пункт, меру и самоцель всех протекающих в ней процессов.

О формационном и цивилизационном подходах к типологизации общественных систем

Кризис, переживаемый экономической наукой, обнажил серьезные упрощения в использовании господствовавшего в ней формационного подхода. В такой ситуации внимание исследователей все более активно обращается к цивилизационному подходу, с которым связывают надежды на прорыв экономической теории к новой парадигме. Поэтому сопоставление данных подходов получает ныне особую значимость.

Формационный подход к периодизации общественного развития сложился в ходе борьбы против идеалистического толкования истории, что определяет его непреходящее значение. С этим связаны все его достоинства и недостатки. Выделив способ производства как критерий типологизации, он подвел объективное основание под общественное развитие. Но сейчас стало ясно, что дихотомия «базис — надстройка» не дает полной картины реального процесса.

Важнейшие черты формационного подхода определены его характером как научного метода познания:

- выделение в общественном развитии *существенного* экономиического прогресса;
- выделение в совокупности общественных отношений *определяющих* производственных отношений;
- выделение в самих производственных отношениях их *ядра* формы соединения работника со средствами производства;
- *сведение* движущих сил общественного прогресса к сравнительно абстрактной диалектике производительных сил и производственных отношений;
- определение в самом *общем* виде последовательных ступеней развития человечества (общественных формаций).

Формационный подход, таким образом, описывает общественное развитие в подчеркнуто «вертикальном» срезе, выделяя его последовательные ступени. Вскрывая коренной механизм движения общества по восходящим ступеням и представляя весь общественный процесс в строго монистическом виде, он обладает высокими эвристическими возможностями.

Ограниченность формационного подхода обусловлена самим характером его научного метода. Формационный подход:

- характеризует общественный прогресс в абстрактном виде, дает «скелет развития», принижает историю в угоду логике:
- выдвигая на первый план специфическое (производственные отношения той или иной формации), недоучитывает преемственность исторических ступеней, общеэкономические, тем более общечеловеческие ценности;
- отметает возможность многовариантного развития, порождая стремление «укладывать» развитие в прокрустово ложе известных формаций. Это ведет к неоправданному упрощению и искусственному сближению разнокачественных общественных систем в угоду заданной логической схеме;
- не объясняет внутриформационной многоукладности, которая характеризует историю цивилизованного человечества на всем ее протяжении;
- не раскрывает многообразия реальной социальной структуры общества, так как концентрирует внимание только на основных классах:
- недооценивает роль внеэкономических факторов; не дает понимания «неформационных» функций различных общественных структур, например, современного государства, которое является не только органом господства и подавления, но и неотъемлемым звеном системы социальной защиты;
- односторонне трактует роль субъективного фактора, низводит человека до уровня средства исторического процесса.

Ограниченность формационного подхода сама по себе не является доказательством того, что этот подход сегодня уже изжил себя. Известная ограниченность — свойство всякого научного метода. Ни один из них не может быть канонизирован как единственно правильный. В каждом методе заложены определенные границы его эффективного использования, за пределы которых нельзя выходить, не греша против истины. Но именно забвение этих ограничений характерно для практики использования формационного подхода в советской науке. В результате метод выделения формаций был превращен в жесткую систему формаций, «накладываемую» на любой процесс в любых условиях. Это породило догматическое сведение числа формаций к пяти (хотя у Маркса такой однозначной «заданности» развития не было) и утвердило методологию специфически формационных характеристик (методология «наоборот»)³.

Линейность и однозначность «пятичленки» во многом предопределила экономическую политику как нашей страны, так и стран Восточной Европы, развивавшихся в прошлом строго «по образу и подобию» советской экономики. Жесткость формационного подхода создавала соответствующую «оправдывающую» основу для авторитарного руководства, призванного как бы «открывать» для общества единственно возможные, безальтернативные варианты развития и «заставлять» общество двигаться именно в этом направлении.

Исчерпал ли свои возможности формационный подход? В принципе вопрос о научном методе вряд ли может быть поставлен так. Несомненно, однако, что для практического использования таких возможностей надо, во-первых, «снять» с формационного подхода упомянутые выше догматические, упрощенческие наслоения, а, во-вторых, более четко определить границы его применимости.

 $^{^3}$ См. по этому вопросу: Бородай Ю. М., Келле В. Ж., Плимак Е. Г. Наследие К. Маркса и проблемы теории общественно-экономической формации. М., 1974, с. 61— 75; Нуреев Р. М. Предмет политической экономии и основные черты ее метода. М., 1986, с. 23—26; Иноземцев В. Л. Альтернативность общественного развития. Вестник Московского университета, серия «Экономика», 1991, № 2, с. 3—10.

Вместе с тем необходимо ясное осознание и того, что, по-видимому, вообще неправомерно типологизировать общественные системы на основе только одного из компонентов, пусть даже и главного, определяющего. Современное развитие заставляет признать полидетерминацию общественной жизни, требует реализации многофакторного подхода в ее интерпретации.

Учет многообразия факторов, отражающих усложнение общественных структур и нарастание многомерности общественной жизни, вызывает необходимость нового подхода к осмыслению исторического процесса. Чертами такого подхода в отличие от формационного должны быть: отказ от гипертрофированного преувеличения роли материальных факторов; учет единства материального и духовного; смещение акцента с вещественного богатства на развитие человека; переход критериальной роли от производственных отношений ко всей совокупности общественных отношений, воплощенных в жизнедеятельности людей; допустимость многовариантности развития в отличие от жесткого экономического детерминизма; общечеловеческий характер подхода вместо узкостранового; понимание развития не как строго линейного процесса, а как процесса, предполагающего сосуществование разнообразных состояний обществ с различными уровнями развития отдельных элементов материальной и духовной культуры.

В качестве такого подхода в литературе чаще всего называется цивилизационный. Характеристика его в науке неоднозначна. Преобладают две трактовки. Одна из них связывает понимание цивилизации с определенной эпохой, состоянием общества. При этом выделяются разные типы цивилизаций. Во-первых, метацивилизации, которые характеризуют узловые звенья развития общественного разделения труда. Это — аграрная и индустриальная цивилизации, а также цивилизация с приоритетом умственного труда (постиндустриальная, информационная— устоявшегося названия пока нет). Такого рода цивилизации выражают, по-видимому, этапы развития человеческого сообщества как целостности. Во-вторых, вычленяются локальные цивилизации, охватывающие более или менее значительные регионы. Их специфика определяется неэкономическими параметрами: системой социальных ценностей, особенностями духовной культуры, религии и т. п. В качестве примера можно назвать античную и восточную цивилизации, христианскую и буддийскую и т. п. В-третьих, можно говорить о микроцивилизациях, формирующихся под воздействием этнопсихологических факторов, национальных традиций и пр. Однако характерной чертой всех подобных подходов является как бы «рассечение» общества на ряд локальных цивилизаций, мало связанных или вообще не связанных одна с другой. Такая «локализация» культур имеет реальные основания, обусловливая и соответствующее оправданное появление «локальноцивилизационного» подхода ⁴.

Вместе с тем критерий локальности в условиях становления и утверждения единой общемировой цивилизации становится все более недостаточным. Поэтому современный подход качественно отличается от прежнего цивилизационного подхода и более точно его можно было бы определить как общецивилизационный. Самое главное, что он рассматривает человечество не как «рассеченное» на ряд цивилизаций, а как

⁴ Цивилизационный подход в этом его содержании далеко не нов. Русский социолог Н. Я. Данилевский рассматривал 10 исторически сменяющихся цивилизаций, выделяя такой качественно новый тип, как славянская (Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 1869). Немецкий философ О. Шпенглер выделял 8 изолированных одна от другой культур (цивилизаций) с предположением о рождении русско-сибирской культуры (Шпенглер О. Закат Европы, т. І. М., 1923). Англичанин А. Тойнби трактует историю человечества как круговорот локальных цивилизаций (более десятка) (Тойнби А. Постижение истории. М., Прогресс, 1991).

единую цивилизацию с приоритетом и господством общечеловеческих ценностей. Современные исследования в этом смысле показывают, что происходит переход к новому типу цивилизации: от эпохи доминирования социального начала над природным и личностным к эпохе, когда социальное становится средством для наиболее полной реализации человеком всех своих способностей и свободного творения самих отношений⁵. Именно с таким пониманием цивилизационного подхода (как миросистемного) и связана другая его трактовка.

Оба эти аспекта цивилизационного подхода (локальный и миросистемный) нельзя противопоставлять. Определение перспектив обновления России надо связывать как с состоянием российского общества, так и с тенденциями развития общемировой цивилизации.

Значение цивилизационного подхода в характеристике общественного прогресса в настоящее время в полной мере еще не выяснено, и в этой области требуются дополнительные исследования. Однако уже сегодня ясно, что цивилизационный подход предохраняет от склонности к вульгарному экономическому детерминизму, выдвигающему на первое место те или иные институты (собственность, производительные силы и т. д.) и «забывающему» о человеке. Ясно и то, что он несет в самом своем содержании преемственность, сохранение и развитие общечеловеческих ценностей. Вводя дополнительные параметры, он дает реальному обществу более тонкую, точную и дифференцированную характеристику.

Принципиальные различия двух подходов не означают их альтернативности. Они решают разные задачи, рассматривая через свою призму, свой критерий одни и те же общественные процессы. Поэтому противопоставлять их, признавать научность одного и неистинность другого, как иногда предлагается в литературе, вряд ли правомерно. Скорее они дополняют друг друга. Соответственно возможно их комплексное использование. Например, при характеристике движущей роли производственных отношений можно учесть ряд дополнительных факторов в деятельности человека (допустим, роль религии по. М, Веберу).

Возможно, вместе с тем, что правомерна и постановка вопроса о синтезе этих двух методов и выработке какого-то нового подхода на их основе. При этом, конечно, каждый из подходов сохраняет свою направленность. Так, формационный подход в принципе решает свои задачи через раскрытие диалектики производительных сил и производственных отношений. «Разбавление» такой диалектики какими-то другими факторами при определенных условиях может просто разрушить формационный подход. То же самое можно сказать о цивилизационном подходе. Поэтому в поисках их синтеза вряд ли можно идти по пути «разбавления» специфики формационного или цивилизационного подходов за счет механического подключения принципов, свойственных другому методу. Если их реальный синтез и возможен, то лишь на путях формирования качественно нового метода исследования общественных процессов, по отношению к которому и формационный, и цивилизационный подходы выступили бы как частные случаи. Пока что об этом можно говорить лишь гипотетически. Реальных шагов в таком направлении наука пока не сделала.

Альтернативы социально-экономического развития: механизм социального выбора

Прорыв экономической науки к новой теоретической парадигме предполагает также принципиальный пересмотр представлений о са-

⁵ Миросистемный подход сегодня. МЭиМО, 1991, № 11, с. 66.

мом характере общественного движения. Прежний подход к общественному развитию, который рассматривал его как объективно, закономерно и однолинейно заданное, неизбежно осуществляемое по восходящей линии, когда каждая последующая ступень автоматически обречена быть более прогрессивной по сравнению с предыдущей,—этот подход не выдержал проверки временем. Ныне совершенно очевидно, что в недрах общественной ткани в каждый конкретный момент формируется множество потенциально возможных направлений развития, в числе которых не только более или менее прогрессивные варианты, но и тенденции явно непрогрессивные, а то и попросту тупиковые.

Вариантный характер внутренне присущ общественной форме движения, отличительным признаком которой является наличие активно действующего субъекта. Соответственно изменения в соотношении различных социальных сил, их дееспособность, мера осознания ими своих интересов и готовность отстаивать то направление развития, которое в наибольшей мере отвечает этим интересам, всегда задают вариантный характер движения общественных процессов.

Однако в современных условиях вариантный характер развития общества получает дополнительные основы. Раньше, на протяжении практически всей истории человечества, тесная зависимость выживания общества от уровня освоения природы и развития материального производства в значительной мере ограничивала перечень тех вариантов развития, по которым могло бы двигаться человечество. Начиная со второй половины XX столетия можно говорить о появлении материальной основы, которая предоставляет человечеству относительно большую свободу в выборе направлений развития. В этих условиях влияние политических, идеологических факторов, господствующей в обществе системы ценностей и т. п. оказывается столь существенным, что начинает реально воздействовать на выбор путей, естественно, значительно возрастает и число возможных вариантов развития. В этом же направлении действует и усложнение социальной структуры общества на основе многообразия форм собственности и хозяйствования. Поэтому, хотя вариантность внутренне присуща общественной жизни, только при определенных условиях она приобретает значение одной из господствующих форм движения.

В недалеком прошлом вопрос о вариантности общественного развития рассматривался преимущественно в рамках проблемы соотношения объективного и субъективного. В этом аспекте анализ вариантности осуществлялся по следующим основным направлениям:

- формационные варианты как особые качественно отличные типы общественного устройства, которые могут возникать на приблизительно одинаковой материальной основе (например, на базе машинного производства);
- вариантность как характеристика возможности выбора поверхностных форм хозяйствования (объективная заданность общественного развития и возможность активного воздействия субъективного фактора лишь на поверхностные формы хозяйствования);
- вариантность как синоним смешанности, многообразия, много мерности социально-экономических процессов, отвергающих какую-либо жесткую схему развития.

Представляется, что все эти постановки односторонне отражают указанную проблему. Во всех упомянутых случаях существование разных вариантов развития признается лишь применительно к какой-то одной сфере: либо это вариантность форм при отрицании вариантности сущности, либо вариантность развития производительных сил при безальтернативной детерминации общественного строя производства. Между тем вариантность следует рассматривать как имманентное свойство общественной формы движения во всех ее «ипостасях». В ней вы-

ражена диалектическая взаимосвязь общественных процессов в противовес механистическому, плоскостному их видению, когда выделяется одна группа факторов в качестве определяющих, а все другие рассматриваются как следствие, либо все явления представляются как равнозначные, рядом лежащие, наподобие некой смеси, состав которой может произвольно меняться, сами же элементы могут при этом оставаться даже и неизменными.

В этом смысле вариантность не является просто синонимом многообразия. Конечно, без многообразия она невозможна. Но многообразие может представлять собой и эклектическое соединение разнородных элементов, не являющих собой некую целостность, а лишь различные сочетания, трудно поддающиеся какому-либо объяснению. Вариантность же предполагает не механическое соединение элементов, а многообразие в рамках единства.

Выбор того или иного конкретного варианта развития во многом зависит от соотношения интересов субъектов общественного производства, от того, насколько остро перед каждым из них в их повседневной экономической или иной общественной практике стоит проблема необходимости преобразования и в какой мере она осознается участниками процесса. Это, в частности, объясняет тот факт, что до тех пор, пока данная форма общественного устройства поддерживается основной массой населения, ей ничто не угрожает. Состояние общественного сознания превращается в надежный заслон против любых перемен. Ничто не угрожает строю и тогда, когда существует недовольство со стороны основной массы населения, но нет четкого представления о том, в каком направлении должны произойти перемены. Поэтому формирование объективной потребности в изменениях всегда связано с ломкой сложившихся стереотипов мышления, сменой идеологии (идеи), скомпрометировавшей себя и неспособной более выступать в качестве движущей силы. Причем более действенной может оказаться социальная сила, способная выдвинуть принципиально новую идею относительно перспектив дальнейшего развития, которая может быть принята основной массой населения.

Превращение интереса определенной социальной группы в ведущий, как правило, связано с обладанием достаточной политической властью, что позволяет данной социальной группе (или отдельной личности) придать своему интересу форму юридического закона, открывающего возможность для появления новых отношений и ставящего препятствия на пути сохранения старых. Поэтому изменение существующей системы отношений предполагает в первую очередь разрушение старых институциональных форм. Соответственно выбор предполагаемого направления дальнейшего развития во многом зависит от того, насколько широко его носители представлены в органах государственной власти и насколько реально их влияние на выработку экономической и социальной политики и ее законодательное оформление, то есть от того, насколько эффективна институциональная защита данного интереса.

Проблема же стабильности интереса упирается в то, насколько широка его социальная база. Наиболее вероятна реализация того интереса и той направленности развития, которая поддерживается основной массой населения. Если два условия — институциональная защита и поддержка населения — в отношении какой-то социальной идеи соблюдены, то есть гарантия, что будет реализован тот вариант и то представление о будущем, которое выражает интерес именно этой социальной силы.

Итак, чтобы определить, какой из вариантов развития в данный момент будет реализован, необходимо: выявить реальные социальные силы, действующие в обществе; определить их интересы (прежде всего

экономические); оценить возможность реализации этих интересов, превращения их в ведущие (свобода доступа соответствующих социальных сил к политическим средствам реализации своих интересов); оценить, насколько характер данных интересов является массовым. Вместе с тем важно оценить и другое: насколько бесконфликтным явится в случае реализации того или иного варианта последующее развитие.

С учетом этих соображений следует, видимо, рассматривать те альтернативы социально-экономического развития, которые существуют сегодня в нашей стране: возврат к административно-командной модели, капитализм в его классическом виде, государственный капитализм, смешанное общество, социалистическая ориентация. Не исключено, что основой гражданского согласия может стать идея смешанного обшества.

Многообразие и единство современного мира

Содержание нынешней эпохи как начала перехода к новой метацивилизации вызывает к жизни целый комплекс качественно новых форм организации общественной жизни. Их многообразие связано с тем, что подобный переход, конечно же, не может быть осуществлен по единой для всех стран и народов схеме. В процессе эволюции в каждой из них идет поиск наиболее эффективных путей, обеспечивающих становление нового типа цивилизации.

В литературе данный процесс связывают со становлением качественно нового типа социального устройства, которое получило название «смешанное общество». Сам термин, конечно, неудачен, неизбежно провоцирует мысль о том, что именно и с чем смешано. Но это не снимает необходимости разобраться в сути происходящих процессов, их исторической природе.

В современных разработках наметились три основных подхода к пониманию этой проблемы. Один из них отождествляет смешанную экономику с многоукладной. Второй рассматривает смешанное общество как общество неформационного типа. Наконец, третий связывает характер этого общества с обществом переходного типа.

Представляется, что идея многоукладности мало что проясняет в ситуации, ибо множественность укладов присуща любой экономике. Об этом свидетельствуют и история, и современность. Причем эта многоукладность носит стабильный характер.

Длительное существование многоукладности объясняется тем, что складывается такая система хозяйства, в которой ни один уклад не охватывает полностью все стадии общественного воспроизводства. Поэтому найдя собственную экономическую «нишу», уклад нуждается в других укладах, взаимодействует с ними, поддерживает их, в какой-то мере даже «консервирует» их. И даже тогда, когда явно вырисовывается «лидерство» какого-то одного уклада, экономика не становится моноукладной. Напротив, господствующий уклад стремится к взаимодействию с другими укладами экономики, организуя его таким образом, чтобы перераспределять общественный продукт в свою пользу.

В периоды ломки, преобразования общественных форм взаимоотношения между укладами изменяются. Причем многоукладность и здесь оказывается основой стабильности и динамизма одновременно. Если проводимая реформа находит опору в одном из существующих укладов, приживается в нем и укрепляет его позиции в конкуренции с другими (не разрушая в то же время воспроизводственного процесса, в который данный уклад встроен), то эта реформа имеет шансы на успех. В противном случае и народное хозяйство, и общественные от-

ношения будут испытывать сильнейшие деформации, и воспроизводственный процесс может развалиться в результате неадекватного воздействия.

Все сказанное о многоукладности в полной мере относится и к смешанному обществу. Оно, действительно, многоукладно и иным быть не может, основано на множестве форм собственности, взаимодействующих в рамках единого воспроизводственного процесса, где каждая форма имеет собственную социально-экономическую нишу. Но многоукладность не образует какого-то особого нового качества, свойственного именно современной истории человечества. Поэтому, признавая полную правомерность данной характеристики, необходимо тем не менее признать и то, что она не раскрывает в должной мере сути происходящих перемен. Здесь нужны дополнительные поиски.

Что касается трактовок смешанного общества как общества неформационного типа, которое в силу стирания классовых антагонизмов отрицает формационность в принципе, то и этот подход еще требует серьезных раздумий. Прежде всего вряд ли правомерно формационный подход связывать с классовыми антагонизмами. Ведь известно, что теория формаций предусматривает и бесклассовые общества. Но даже и при полном исчезновении всех классов вряд ли исчезнут производительные силы, производственные отношения и надстройка и их существенное влияние на формы общественного устройства. Однако и в этом подходе есть какое-то рациональное зерно. Характеризовать смешанное общество как особую формацию действительно затруднительно, прежде всего в силу существенных различий тех процессов, которые идут в разных странах. Словом, и здесь необходимо накопление исторического материала для обоснованных научных выводов.

Наконец, трактовка смешанного общества как общества переходного типа, которое характеризует одновременно переход и к новой цивилизации, и к новой формации, также ставит больше вопросов, чем ответов, и прежде всего вопрос о том, что же представляет собой эта новая формация. Вместе с тем тот исторический поворот, который происходит сегодня в развитии общества, конечно же, несет существенные элементы переходности. По-видимому, сегодня с какой-то мерой определенности можно говорить лишь о «многолик ости» смешанных обществ. Поэтому вряд ли можно создать какую-то единую теорию смешанного общества. Скорее всего, само многообразие этих форм и конкретных их видов представляет неотъемлемую специфику данных обществ.

В то же время можно говорить об общем направлении тех изменений в общественной жизни, которые происходят с переходом к новой мировой цивилизации — нарастающей социализации общественных отношений, постепенном превращении человека из объекта исторического процесса в его субъект. Подобное превращение означает радикальное изменение места человека не только в общественной системе, в цивилизации, но и в способе производства. Именно поэтому можно полагать, что идет параллельное становление новой метацивилизации нового способа такого перехода, в рамках которого происходит отработка модели будущего общественного устройства, «притирка» новых элементов, ориентированных на человека, к сложившимся формам хозяйствования.

Оценивая через эту призму различные общества смешанного типа, можно уже сегодня констатировать, что на этом пути удалось найти более приемлемые формы движения ряда противоречий, в числе которых:

— противоречие между экономической эффективностью и социальной справедливостью, В разных странах и на разных этапах общественного развития эта проблема решается неодинаково. В одних упор

делается на социальную защищенность людей, обеспечение социального равенства, в других — на экономическую выгоду, социальное неравенство, экономическую эффективность. Опыт зарубежных стран показывает, что соотношение экономической и социальной эффективности не может быть одинаковым в течение длительного периода, ибо оно зависит от экономической и социальной ситуации в стране, от характера воспроизводственного цикла. Но в целом главная линия социального регулирования в современном обществе заключается в усилении социальной ориентации производства. Во всех высокоразвитых странах именно это становится доминантой их развития;

- противоречие между социализацией экономики и индивидуализацией работника. До сих пор в нашей стране индивидуализация оценивалась чаще всего как сугубо негативная тенденция. Между тем регулирование противоречия социализации и индивидуализации возможно не путем ослабления или устранения одной из сторон, а посредством нахождения форм их оптимального сочетания. Одним из направлений решения этой проблемы является утверждение принципа доминирования прав индивида над правами любой социальной группы. Наблюдаемый У нас в стране взлет национализма, сепаратизма, суверенизации, этнического псевдопатриотизма, индивидуализма вызван не столько потребностями социально-экономического развитая, духовного и исторического самоопределения наций и народов, сколько резко возросшей социальной незащищенностью каждого отдельного человека, социальной беспомощностью, вызванной развалом экономики, отсутствием ряда прав и свобод человека, односторонним упором на права социальных групп, общностей. Между тем в обществе каждый должен располагать некоторым «социальным пространством», над которым он полностью властен и в границах которого независим от вышестоящей власти и защищен ею;

— противоречие новаций и традиций. Это исключительно деликатная сфера общественных отношений, В нашей стране, как показывает весь предшествующий опыт. В том числе и последних лет. абсолютно все старое разрушалось, чтобы на его обломках построить новое. Такой подход породил недооценку традиций, жизнеспособных элементов общественного развития. Напротив, другие страны строили свою жизнь на сложившемся историческом основании, В этом случае не рвется св,язь времен, сохраняется этика социальных взаимоотношений, целостность исторического сознания, обеспечивается тесное взаимодействие различных сфер общественной жизни,

Насколько позволяет судить современный опыт развитых стран, обозримое будущее человеческой цивилизации связано со становлением структур смешанного типа. Они несомненно охватят длительную полосу дальнейшего развития общества, Прежде всего встает вопрос, с чем связана устойчивость данных структур и возможность их относительно длительного устойчивого существования, Ведь переходные состояния чаще всего нестабильны. Представляется, что секрет растущей стабильности связан с нарастанием в структуре способа производства общеэкономических основ.

Проблема общеэкономических основ производства имеет два аспекта. В одном случае она рассматривается применительно ко всей истории развития человеческого общества, когда общеэкономические основы представлены довольно узким кругом предельно абстрактных понятий, познавательная и практическая ценность которых весьма ограниченны.

Но есть и другой подход, который рассматривает общеэкономические основы как копилку общечеловеческого опыта. Этот опыт постоянно обогащается, расширяется, пополняется новыми элементами, новыми механизмами регулирования, имеющими общее значение для всех

современных систем. В данном случае общие основы производства получают совершенно иной вид. Это конкретная, разветвленная система, которая имеет относительно самостоятельное значение.

Наличие общеэкономических элементов в структуре способа производства давно стало общепризнанным. Оно традиционно связывалось с развитием производительных сил, организационных структур производства и управления, а также с отдельными элементами экономических отношений (план, рынок и т. п.).

Современное понимание этой проблемы отличается рядом принципиальных особенностей. Прежде всего содержание общеэкономических структур способа производства связывается ныне не с отдельными элементами производительных сил и производственных отношений, а с их целостной подсистемой, включающей взаимосвязанный комплекс производительных сил, организационно-управленческих структур и определенный блок производственных отношений.

При этом и сами производственные отношения представляют достаточно разветвленную подсистему многообразных общезначимых форм хозяйственной жизни, в числе которых:

- существование общезначимых форм собственности акционерная, кооперативная, индивидуальная, арендная и др.;
- развитая система рыночных механизмов регулирования общественного хозяйства;
- определенная совокупность общезначимых форм стимулирования трудовой и предпринимательской активности;
- комплекс механизмов государственного регулирования экономики;
  - механизм социальной ориентации хозяйственной деятельности;
  - производственная демократия и самоуправление;
- институционализация организационно-производственных отношений;
- укрепление мирохозяйственных связей, обеспечивающих преодоление замкнутости экономической жизни, усиление открытости экономических систем и тенденцию к их интеграции.

Общеэкономические структуры, функционируя как комплексная, сбалансированная подсистема, способствуют разрешению противоречий общества. Действуя в системе, названные элементы взаимно погашают недостатки друг друга. Взятые же в отдельности, напротив, вызывают дестабилизацию системы. Так, рынок вне государственного регулирования ведет к анархии; вне конкуренции, в том числе конкуренции разных форм собственности, — к монополизму; вне механизмов социальной защиты — к разрушению главной производительной силы общества. Аналогично государственное регулирование в отрыве от рынка вырождается в экономический волюнтаризм, социальная защищенность в иждивенчество и т. п. Поэтому реализация общеэкономического содержания современного производства возможна лишь на системной основе. Не исключено, что истоки стабильности смешанных обществ связаны именно с наличием мощного слоя общеэкономических основ, который равно совместим со всеми формами хозяйствования и потому дает возможность их гибкой перестройки, поиска наиболее приемлемых для данных конкретных условий вариантов их сочетания, обеспечивающих рост эффективности производства и социальную стабильность.

ОБНОВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ: ПУТИ И ПРОБЛЕМЫ

Влияние, которое оказал на политическую экономию в нашей стране кризис сложившегося социально-экономического строя, можно определить модным сегодня словом «шоковое». Особенно это относится к «политической экономии социализма» и в целом к вузовскому преподаванию, жестко привязанному к марксистской школе. Процесс обновления здесь проявился практически в полном отказе от прежнего курса, буквальном «закрытии» политической экономии, вылившимся, в частности, в повсеместное переименование кафедр в кафедры экономической теории и (даже!) предпринимательства. Наиболее характерным изменением в содержательном плане стала замена традиционной политической экономии курсом «экономике» — изучение микро- и макроэкономических проблем.

Все это можно понять и объяснить. Немаловажно, что перестройка преподавания проводилась на ходу, в «боевых условиях». И то, что сделано, заслуживает позитивной оценки. Но вполне естественно, что по прошествии определенного времени возникают вопросы: не слишком ли просто мы решаем задачи обновления, сводя его лишь к замене одного блока теории (допустим, несостоятельной) на другой блок; в этом ли суть необходимого обновления; какие факторы вообще требуют обновления политической экономии и т. д.? Представляется, что публикации ' в журнале правильно ориентируют на анализ именно подобной проблематики. В связи с этим хотелось бы затронуть ряд вопросов.

О характере обновления политической экономии

Смысл постановки данного вопроса связан с тем, что отечественная экономическая наука практически в течение многих десятилетий развивалась в рамках марксистской школы. Более того, это обстоятельство в значительной мере и привело ее к теперешнему кризисному состоянию. Конечно, и методология, и теория К. Маркса в наших условиях в силу известных причин подверглись и упрощению, и догматизации; превратились в идеологизированную модель общественного прогресса, обязательную для всех стран и т. п. Подобные негативные тенденции можно было бы преодолеть. Но дело также и в том, что отечественная марксистская школа, опираясь на избранные ею критерии подхода к экономическому развитию, исключала какое-либо использование методологических подходов (а следовательно, и содержательных решений) других школ. Характерная черта марксизма, в силу свойственного его сущности классового подхода,— неприятие иных школ, отношение к ним как к вульгаризаторским, ревизионистским, ненаучным в принципе. В итоге багаж экономической науки в нашей стране в той мере, в какой она оставалась в рамках догматизированного ею учения Маркса, формировался без учета достижений мировой экономической мысли

¹ Вопросы экономики, 1991, № 6; 1992, № 2.

² Конечно, сами разработки западных экономистов были известны в нашей стране. Однако, во-первых, изучением их занимался небольшой круг специалистов, во-вторых, это изучение осуществлялось сквозь призму «критики антимарксистских учений», которые в самой нашей теории всегда выступали как чужеродное тело.

Еще более существенно, что рассмотрение и оценка хода исторического развития, порождающего ряд новых явлений, в частности, в развитии западного общества, осуществлялись посредством старых методологических критериев, разработанных К. Марксом в середине XIX в.

Основанием такого метафизического подхода было убеждение, что марксистское учение — единственно и на все времена абсолютно верное.

В связи с вышесказанным и возникает вопрос, как понимать обновление отечественной политической экономии? Или — в рамках марксистской школы, предполагая не только преодоление различного рода упрощений, но и «критическое прочтение и некоторых исходных постулатов, и методологических основ марксизма»³; или—обновление, связанное с выходом экономической теории за эти рамки, то есть с действительным учетом богатства, накопленного мировой экономической мыслью. В последнем случае марксистская школа не «отбрасывается», она лишь утрачивает свой абсолютистский характер как якобы единственно научная, приобретает статус одного из направлений экономической мысли, возникающего в определенных условиях, отражающего (как и другие школы) определенный «срез» изучаемого объекта и носящего исторический характер.

Не отрицая важности глубокого переосмысления самого марксизма, следует предположить, что действительное обновление политической экономии связано скорее со вторым вариантом. Дело в том, что самое глубокое переосмысление (марксизма в данном случае) имеет границы в виде методологических основ каждого учения. Их критика ведет или к разрушению определенной школы, или действительно к выходу теоретических построений за пределы этих основ. Далее, общепризнанная необходимость учета достижений мировой экономической мысли для обновления отечественной науки есть, иными словами, признание важности включения в нее результатов именно других, немарксистских, в частности, школ. Короче говоря, очевидно, обновление нашей политической экономии никак не может ограничиться обновлением лишь марксистской школы.

Как же реально следует представлять подобное обновление? В конечном счете речь, видимо, следует вести об органичной интеграции различных школ в рамках единой экономической теории. Естественно, такая задача не может быть решена сразу. Первым этапом в ее решении может быть непосредственное, в какой-то мере эклектичное соединение элементов различных школ. В дальнейшем такое соединение могло бы стать все более органичным, реализовав взаимодополняемость разных элементов, и на базе глубокого научного синтеза может быть сформирована обновленная таким образом политическая экономия.

Постановка задачи синтеза разных школ имеет ряд оснований. Вопервых, важно, что эти школы акцентируют внимание на различных сторонах изучаемого объекта, что и создает условия для их взаимодополняемости: марксизм — на отношениях материального производства, маржинализм — на поведении потребителя; неоклассическое направление— на микро-, кейнсианство — на макроэкономических проблемах и т. д. Во-вторых, А. Маршаллом, Д. Робинсон, М. Туган-Барановским были предприняты попытки подобного решения задачи синтеза. Все они в недалеком прошлом получили в нашей науке оценку эклектических, поскольку считалось, что они пытаются соединить элементы «вульгаризаторских» школ с элементами «единственно научной» марксистской школы. В этом смысле отказ от идеологизированной оценки различных теорий открывает новые возможности для поисков синтетических реше-

³ Вопросы экономики, 1992, № 2, с. 81.

ний⁴. Наконец, в-третьих, общим основанием для постановки названной задачи является единство объекта (а также близость предмета) исследования. Последний вопрос в силу его важности требует специального рассмотрения.

О предмете политической экономии

Сама постановка вопроса об обновлении отечественной экономической теории, тем более путем «выхода» ее за рамки традиционных трактовок нашей марксистской школы, казалось бы, «автоматически» требует соответствующих изменений и в понимании предмета политической экономии. Вопрос этот не нов. Возможно, давно возникшая неудовлетворенность и состоянием, и ролью экономической теории в нашей стране порождала периодически вспыхивавшие дискуссии на эту тему. Лейтмотив их был один: о расширении предмета политической экономии путем введения в него производительных сил, экономической политики и др. Сегодня выход политической экономии из кризисного состояния также связывается с расширением ее предмета по следующей логике: конечно, производственные отношения остаются предметом политической экономии, но сегодня такое понимание слишком узко, следует расширить ее предмет, прежде всего за счет включения проблем экономической эффективности, социальных проблем и т. п.

На первый взгляд кажется, что продвижение по пути синтеза различных школ действительно должно расширить предмет обновленной экономической теории по сравнению с его трактовкой в отечественной науке. Однако посмотрим внимательнее, не боремся ли мы в данном случае с «врагом», созданным нами самими. Как известно, предмет политической экономии в марксистской школе выделялся на основе «выбора» между двумя аспектами общественного производства: отношение людей к природе (характеризуемое через производительные силы) и отношения людей между собой (характеризуемые как производственные отношения). Последний аспект и выступал непосредственно как предмет политической экономии. Очевидно, что в такой общей постановке предмет экономической науки достаточно (быть может, даже чересчур) широк. Ведь речь идет о самых разнообразных формах общения людей в общественном производстве: и непосредственных отношениях одного человека с другим, и отношениях его с различными группами лиц и обществом в целом, и отношениях между отдельными социальными группами, и т. Л. Содержание производственных отношений не исключает того, что каждый человек участвует в них, реализуя себя как «совокупность всех общественных отношений», проявляясь «своими собственными пятью и даже более чувствами» ⁵. И в этом смысле трактуя производственные отношения как экономические отношения присвоения материальных и духовных благ, направленные на удовлетворение потребностей людей, более чем нелогично исключать из их содержания вопросы и эффективности, и социальные, и определенной регулирующей деятельности государства, и т. д. Все эти аспекты характеризуют суще-

ственные формы реализации именно производственных отношений. Другое дело, что и сам K- Маркс (гипертрофированное развитие данная точка зрения получила в отечественной школе), следуя традициям классической политической экономии, абстрагировался в своем ана-

⁴ Одна из попыток такого рода предпринята в работе: Брагинский С., Певзнер Я. Политическая экономия: дискуссионные проблемы, пути обновления. М., Мысль, 1991. Правда, содержательное решение проблемы авторы связывают с методологическим подходом: «...три составные части марксизма (немецкая философия, французский социализм, английская политическая экономия) необходимо дополнить четвертым — неоклассическим синтезом...» (там же, с. 10). Но это уже другой вопрос.

лизе от многих черт производственных отношений. Все богатство человеческой сущности предстает у него в абстрагированных действиях «экономического человека»; разнообразные и сложные связи людей — как отношения масок; деятельность их рассматривается преимущественно в сфере собственно производства (следует иметь в виду, что Маркс не закончил задуманного им целостного исследования) и как деятельность, экономически детерминированная, не связанная с альтернативными вариантами и т. д. Все это не только допустимо, но и необходимо в процессе научного анализа. Однако как не следует отождествлять абстрактную и реальную картину общества, так не следует отождествлять реальные производственные отношения и их абстракции. И коль скоро сегодня встает вопрос о предмете политической экономии в сравнении с его марксистской трактовкой, речь, видимо, нужно вести не о его расширении, а о возвращении ему подлинного научного содержания, преодолении упрощенного понимания в нашей науке.

Следует отбросить упрощенное понимание и в трактовке предмета исследования различных немарксистских школ. Внешне непреодолимая грань между ним и «единственно научным» предметом марксистской политической экономии, которая всегда проводилась и которой всегда «гордилась» наша наука, начинает размываться при ближайшем рассмотрении содержания этих школ. Так, ничего общего, казалось бы, не может быть между «нашей» школой и школой предельной полезности, связанной с субъективными оценками. Однако и теория предельной полезности, исходя действительно из субъективных оценок потребителя как одного из проявлений жизнедеятельности человека, в своем применении и развитии обнаруживает, что в ней речь идет не только об общественных отношениях людей, но отношениях, связанных с внутренними закономерностями, получающими определенное математическое выражение. В итоге объективизируется и сама субъективная оценка.

Если обратиться к конкретным трактовкам предмета отдельных немарксистских школ (богатство; редкость, ограниченность благ; что, как, для кого производить и др.) и попытаться на основе рассмотрения их содержания ответить на вопрос, с каким же из двух названных выше аспектов они связаны, то окажется, что ни одна из них не изучает непосредственно отношение людей к природе, технологию и т. п. Все они — безусловно используя свои критерии и методы — посвящены рассмотрению именно общественных, производственных отношений людей.

Конечно, вывод о принципиальной близости предмета различных экономических школ, имея общее методологическое значение (для решения сравнительно частных вопросов в этой области), сам по себе не обеспечивает решения проблемы их синтеза. Действительно, различия школ остаются, сохраняется отличие их исходных посылок, своеобразие акцента в подходе к производственным отношениям и т. д. Если мы видим обновление экономической теории в синтезе достижений этих школ, то возникшая новая (синтетическая) теория должна быть построена также на определенном «акценте». Возникает вопрос — на какой же основе в этом смысле может (должно) произойти обновление политической экономии?

О стратегии обновления экономической теории

В поисках ответа на этот вопрос необходимо учесть одно важное обстоятельство: все существующие ныне экономические школы представляют разные теории, но теории одного уровня, одного порядка. Предмет их исследования в той или иной области общественного материального производства — отношения людей, доминантой в которых выступает производство вещественного богатства. Собственно, политическая экономия как наука, начиная от учений меркантилистов, сфор-

мировалась именно в данном ключе. Как наука о вещественном богатстве она была развита и классиками буржуазной политической экономии. Марксистская школа возникает практически как наука о зрелом капиталистическом способе производства, в условиях которого именно овеществление производственных отношений людей достигает своего апогея. На базе данной доминанты развиваются и другие теории. В этом смысле можно сказать, что развитие экономической теории, включающее ее дифференциацию по различным школам, в течение последних почти четырех веков осуществлялось в рамках одной крупной научной парадигмы, предполагающей господство материального производства, материально-вещественных факторов.

Представляется, что постановка вопроса о необходимости коренного обновления политической экономии имеет более широкое значение, чем просто «наведение порядка» в отечественной экономической науке. Нужно отразить новые процессы, имеющие место не только в бывших социалистических странах, но и новое состояние всего мирового сообщества и прежде всего развитых западных стран. Правомерно связывать подобное коренное обновление с переходом к новой крупной научной парадигме, обусловливаемой изменениями в детерминанте самого общественного прогресса⁶.

Это изменение, происходящее с переходом от индустриальной системы к постиндустриальной, проявляется в уменьшении роли материального производства и соответствующем возрастании непосредственного воздействия на общественный прогресс производства нематериального. В механизме развития общества изменяется роль человека. Если для первых этапов цивилизации была характерна слабая функциональная расчлененность вещественных и личного факторов производства (раб, к примеру, это лишь говорящее орудие), то в дальнейшем развитие вещественных факторов обусловливает прогресс человеческого фактора, постоянное совершенствование человека-исполнителя. Постиндустриальное общество формирует человека-творца, играющего ведущую роль в функционировании и развитии общества. В этих условиях на смену политической экономии вещественного богатства должна реально прийти политическая экономия человека.

Не означает ли это обстоятельство изменения предмета политической экономии? Думается, нет. Ведь производственные отношения исторически не остаются неизменными. В современную эпоху их движение и проявляется прежде всего в совершенствовании самого субъекта этих отношений. С одной стороны, при этом наблюдается вроде бы лишь новая ступень «старого» эволюционного процесса развития человека: повышается уровень его общей образованности, потребностей и способностей, он становится носителем более высокого уровня культуры. А с другой,— что особенно важно — в современных условиях все эти качества впервые в истории начинают преобладать в процессе воспроизводства, а это меняет коренным образом роль человека в самом производстве, формировании общественных отношений по поводу производстве и др.

Конечно, подобный процесс характерен далеко не для всех, а в первую очередь для развитых капиталистических стран. Однако важно, что в современных условиях новое содержание и значение приобретает процесс обобществления производства и труда. Если раньше обобществление производства развивалось прежде всего на базе углубления общественного разделения труда, то сегодня всевозрастающую роль приобретает обобществление на основе утилизации достижений труда всеобщего: распространение новых научных и технологических достижений, информационное обеспечение производства, реализация новых ка-

⁶ Вопросы экономики, 1991, № 6, с. 3—10.

честв человеческой личности и т. п. Существенно возрастает роль временного фактора, относительно снижается значение уровней экономичесского развития. Все это, вместе взятое, характеризует качественно новое значение обобществления в рамках всего мирового хозяйства: из внешнего фактора роста для отдельной страны, как это было в прошлом, оно все более превращается в органический внутренний фактор. Эта линия усугубляется появлением ряда глобальных проблем (экологической, ядерной), от решения которых зависит само выживание как всего человечества, так и народов отдельных стран.

Конечно, обновления политической экономии настоятельно требует и кризис сложившегося в нашей стране социально-экономического строя, и неотделимый от него кризис экономической теории. Но и здесь обнаруживается, что одним из факторов этого кризиса оказался «внешний»: растущее отставание нашей страны в техническом и технологическом отношении от западных стран, своеобразное «выпадение» ее экономики из быстро прогрессирующих производственных отношений в рамках мирового сообщества. Оно проявлялось не только в постоянно уменьшающейся конкурентоспособности отечественного производства» но и в ускоряющемся скольжении его вниз по мировой рейтинговой лестнице экономической эффективности и народного благосостояния.

В этом смысле даже, казалось бы, чисто внутренние причины, связанные с длительным господством в стране административно-командной системы, в решении проблемы обновления экономической теории заставляют выйти за национальные рамки и искать его на путях развития экономической науки в целом. И если формой такого обновления предполагается синтез различных школ, то стратегическим направлением (основанием) такого синтеза, на наш взгляд, должен стать подход к прогрессу человечества на современном этапе на базе новой доминанты— рассмотрения человека как определяющего фактора этого прогресса.

Конечно, новые объективные условия и факторы общественного прогресса, требующие обновления экономической теории на основе смены научных парадигм, как уже отмечалось, реально получили сегодня распространение в основном в развитых капиталистических странах. В нашей стране еще не решены многие проблемы индустриальной стадии, с нарастающей остротой встают вопросы обеспечения населения элементарными вещами — продовольствием, жильем и т. п. В какой же мере задачи стратегического обновления политической экономии отвечают конкретно-практическим направлениям развития нашего общества и не ограничиваются ли задачи обновления отечественной науки кругом более «скромных», насущных проблем?

О связи экономической теории с практикой

Вопрос, поставленный только что, носит, пожалуй, больше риторический характер, ибо в самом общем виде он связан с выбором: должна ли наша обновляемая теория изначально выступать как органичная часть мировой экономической науки или же оставаться в кругу собственных специфических проблем, как это было до сих пор. Решение, связанное с безусловным поворотом отечественной теории в русло мировой науки, приобретает уже сегодня не только общеметодологическое, но и конкретное практическое значение. Обратимся прежде всего к кардинальному вопросу о генеральном направлении развития российского общества.

Конечно, кризис строя, сложившегося в нашей стране, и его современные проявления требуют коренного преобразования экономической системы на путях, развития рыночных отношений. Но осуществление конкретных программ по решению данных проблем не снимает более

общего вопроса: куда, к какому социально-экономическому строю должны привести все эти преобразования? Как известно, в борьбе социальных сил здесь сталкиваются две концепции. Одна связана с социалистическим выбором, «обновлением социализма», то есть иными словами с продолжением строительства социализма (коммунизма). Другая, реализующаяся в конкретных мероприятиях проводящейся экономической реформы, провозглашает возврат к капитализму.

. Ясно, что обе концепции — закономерное логическое следствие формационного подхода: какие же еще альтернативы может иметь общество, шедшее от капитализма и не дошедшее до социализма? Известно также, что ни одна из них не вдохновляет большинство населения, не может стать объединяющей национальной идеей в достижении грядущего успеха. Социалистический выбор опорочен практикой «претворявшегося в жизнь» социалистического строительства, неподтвердившимися утопическими картинами розового будущего. Неприемлемость капитализма обусловлена свойственной ему глубокой социальной дифференциацией и несправедливостью и т. п. Как кажется некоторым, найденный примирительный «третий» путь — путь к смешанной экономике — не отвечает на деле на поставленный кардинальный вопрос, а только лишь намечает пути к такому ответу.

Важно ли для практики решение вопроса о том, куда идет российское общество? Безусловно, главным является осуществление конкретных мероприятий по выходу из кризиса и обеспечению эффективного функционирования экономики. Что же касается того, что мы построим (такая точка зрения здравого смысла достаточно распространена), то с этим можно определиться и потом. На наш взгляд, как всегда решение общего вопроса важно для проведения конкретных частных мероприятий. Нежелание «здравого смысла» решать эту проблему сегодня, думается, объясняется неудовлетворительностью обеих упомянутых выше концепций, появление которых, в свою очередь, является прямым следствием «зашоренности» научного анализа критериями формационного подхода.

В преодолении этой зашоренности, крайне трудном деле слома общественного формационного менталитета и состоит сегодня первая Практическая задача теории. Изменение доминанты общественного прогресса, как было показано при характеристике стратегической линии обновления политической экономии, означает, что движение российского общества «вперед» от нынешнего его состояния должно характеризоваться критериями не формационного (капитализм, социализм и т. п.), а другого подхода, в основе которого — человек как личность, его способности, его социальная свобода и защищенность. Подобное научное решение оказывается соответствующей основой для эмоциональных возражений против применения всяких «измов», характерного для научной Литературы и особенно публицистики. Как можно было бы назвать ступени развития человеческого общества в соответствии с новым (общецивилизационным) критерием — это вопрос особого анализа.

Пока же названного «слома» не произошло, общественное сознание, по данным социологов, остается достаточно неопределенным в рамках двух отмеченных концепций. С научно-теоретической точки зрения и тот И Другой вариант (к примеру, выбор социалистического пути) формационной парадигмы означал бы, что общество в новых условиях продолжает руководствоваться критериями «старой» экономической науки: что оно выбирает направление, не отвечающее тенденциям движения мирового сообщества; что оно собирается продолжать свой особый путь. как это было в течение прошлых 70 лет. Но тогда, видимо, не состоится обновление экономической теории.

* *

Важный аспект связи обновления политической экономии с практикой — соответствующие изменения структуры и содержания ее курса в вузовском преподавании. Хотелось бы назвать некоторые общие принципы, из которых исходит в решении данной задачи коллектив кафедры политической экономии экономического факультета МГУ.

Прежде всего понимание характера обновления политической экономии как выхода ее за рамки марксистской школы означает принципиальное расширение круга экономической информации. Первые шаги к синтезу различных направлений в преподавании — включение в курс основных достижений школы предельной полезности, неоклассиков, кейнсианства, институционализма и т. д. В этом смысле надо подчеркнуть, что обновление экономической теории было бы ошибочно понимать как простую замену одного курса другим.

Далее, даже для профессионалов экономическая теория заключает в себе значительную гуманитарную компоненту. Тем более это относится к ее преподаванию студентам неэкономического, инженерного и т. п. профиля. В этой связи очередным парадоксом можно назвать сокращение курса экономической теории в вузах при провозглашаемой всеми тенденции к гуманитаризации образования в нашей стране. Названная компонента выражает связь экономической теории с социальными процессами, характеризует ее как «социальную экономию». Поэтому политическая экономия не может быть сведена к количественной характеристике экономических процессов; ведущую роль в ней должны занимать анализ социально-экономического положения субъектов производственных отношений, тенденции развития каждой экономической системы, место в ней человека, развитие его функций в ней и т. д.

Важное значение в обновлении политической экономии имеет преодоление ее догматически-схоластического характера. Не касаясь в целом этой широкой сферы изменений отечественной науки, хочется затронуть лишь один аспект: догматизм и схоластику, связанные с преувеличенным вниманием к абстрактно-всеобщим категориям. Яркий пример тому общие модели капитализма и социализма (коммунизма), описываемые нашей наукой в недалеком прошлом. Характерно, что анализ этих моделей. «обнаружение» тех или иных изменений в западном и нашем обществах шел, как правило, независимо от реальных процессов. Так, вопреки действительности, постоянно «углублялся общий кризис капитализма», в нашей стране возник «развитой социализм» и т. д. Преодолеть подобные явления можно лишь путем решительного поворота теории к реальной действительности. Этот поворот для преподавания политической экономии в нашей стране предполагает, во-первых, усиление акцента на особенностях экономического развития вообще; во-вторых, специальную постановку вопроса о путях развития нашей экономики. Трудно согласиться с подходом, согласно которому наши студенты подробно изучают закономерности западной рыночной экономики, получая в лучшем случае в виде «довесков» к каждой теме' информацию о том, «как это у нас». Так молодые специалисты лишаются важной теоретической компоненты в своем багаже.

Принцип «довесков», помимо упомянутого, предполагает как бы и то, что Россия в дальнейшем пойдет точно таким же путем, как и западные страны— США, ФРГ, Франция и др. (это тоже рецидив формационного подхода). Но подобное предположение сомнительно вдвойне. Признается, что российское общество будет развиваться особенным путем, не имеющим прямых аналогов. Кроме того, и сами западные страны развивались и развиваются различными путями. Обновление политической экономии в этом смысле должно быть связано с уделением большого внимания анализу различных экономических систем.

ФИЛОСОФИЯ НТП И СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ТЕХНОЛОГИИ

Введение

Эффективно управлять научно-техническим прогрессом невозможно, если отсутствует умение оценивать качество конкурирующих технологий, осуществлять осознанный выбор наилучшей из них. Особое значение такое умение приобретает сегодня в связи с конверсией военных производств и открытием страны для зарубежных инвесторов. При этом чем выше ранг управления и шире временные рамки решаемых задач, тем более общими должны быть применяемые критерии сравнения. Для выработки стратегии развития крупных корпораций, инвестиционных компаний и страны в целом требуются универсальные критерии, позволяющие оценивать любые технологии — как готовые к применению, так и предлагаемые к разработке.

В условиях административного управления экономикой базой для выбора той или иной технологии чаще служила качественная оценка результата применения (например, возможность создания нового продукта или нового вида услуг). С точки зрения количественной к рассмотрению принимались прежде всего самые простые натуральные показатели, опять-таки характеризующие «результатную» сторону, в первую очередь — производительность технологии. Анализ же затрат, основанный на неадекватных, как теперь признается, стоимостных измерителях, носил скорее «подгоночный» характер, был той волюнтаристски изменяемой частью расчета, которая позволяла получить любой заранее заданный ответ.

Несомненно, курс на создание рыночной экономики со временем приведет к большей адекватности ценовых измерителей реальной ситуации, даст возможность в единой размерности отражать и результатную, и затратную стороны процессов. Однако и в этом случае выявлению истины могут препятствовать методологические стереотипы, успевшие сложиться в практике управления и его научного обеспечения.

На наш взгляд, до недавнего времени ряд важнейших сторон научнотехнического прогресса просто игнорировался руководством страны. Главная из причин такого положения заключалась в том, что большинство новых гражданских технологий заимствовалось нашей страной на Западе. Это позволяло управленцам рассматривать их в качестве неких уже заданных, обособленных объектов, которые надо было «внедрить» в неподатливое «тело» отечественной экономики. Как следствие, упускался из виду весь сложнейший комплекс явлений, связанных с зарождением нового в среде сложившихся технологий, его дальнейшим развитием, сопровождающимся не только конкуренцией, но и взаимодействием со старым. При выборе инвестиционной политики внимание акцентировалось исключительно на критериях функционирования готовой технологии. Критерии же эволюции, развития, подвижности, которые характеризуют процесс возникновения и становления технологии и не менее важны для понимания целостного феномена научно-технического прогресса, оставались в тени. Результат — низкая динамичность административной экономики, невосприимчивость ее к научно-техническому прогрессу — очевиден сейчас уже для всех.

Выбор универсальных критериев качества технологии

Применительно к решаемой здесь задаче сформулируем общую цель развития нашей техногенной, как она названа в работе Γ . Дилигенского «Конец истории» или смена цивилизаций?» , цивилизации: расширение технологических возможностей человечества, *накопление раз-*нообразия потребительских эффектов. Нетрудно видеть, что такая формулировка включает в себя описания любых содержательных эффектов, прошлых и будущих, и связывает направление вектора прогресса с единственной числовой характеристикой — разнообразием эффектов, точнее, со знаком производной от этой величины по времени. (Действительно, в периоды угасания великих цивилизаций, как, например, шумерской или римской, исчезали и многие созданные ими технологии, то есть полное разнообразие имевшихся в распоряжении человечества технологий уменьшалось. Подобные периоды в общей истории цивилизации принято считать регрессивными. И наоборот, резкое увеличение количества самых разнообразных технологий в ходе трех технологических революций отождествляется с прогрессом. Следовательно, предлагаемая формулировка, обладая максимальной общностью, не противоречит сложившемуся в современной науке и культуре представлению о «прогрессивном» в целом направлении развития цивилизации.)

Другая наша исходная посылка, обоснованная еще в первых докладах «Римскому клубу», заключается в том, что движение к сформулированной выше цели происходит в условиях принципиальной ограниченности, конечности базовых видов ресурсов — энергии, вещества, пространства. (Здесь не рассматривается цивилизация, базирующаяся на использовании ресурсов Космоса — чтобы их освоить, надо как минимум пережить нынешний этап «земной цивилизации».)

Было бы серьезной ошибкой воспринимать ограничения базовых ресурсов упрощенно, по аналогии с ограниченностью площади земной суши, или массы земной коры, или суммарного энергетического потенциала химических и ядерных топлив. Поскольку все указанные величины характеризуются астрономическими цифрами, подобное представление способно создать (и вплоть до недавнего времени создавало) опасную иллюзию практической неисчерпаемости базовых ресурсов. На самом же деле для технологического освоения доступен несравненно меньший, чем следует из таких оценок, объем ресурсов, задаваемый условиями устойчивости земной экосистемы. Надежная оценка его величины в настоящее время отсутствует, нет даже общепризнанных методов и моделей для его вычисления, но большинство современных исследователей признают лишь то, что возможности эксплуатации многих базовых ресурсов уже находятся на грани исчерпания.

В этих условиях рост разнообразия технологий неизбежно приводит к острой конкуренции за ресурсы, величина потребления которых становится все более значимым критерием оценки той или иной технологии. Если на начальных стадиях важность и необходимость ее внедрения как-то оправдывают большую ресурсоемкость, то в долгосрочном плане затратный критерий неизбежно срабатывает, притормаживая ресурсоемкие и выдвигая вперед ресурсосберегающие технологии. Убедительным, хотя и грустным подтверждением сказанного может служить начавшийся закат нашего когда-то славного авиадвигателестроения, предприятия которого привыкли решать поставленные задачи «любой ценой», в том числе и за счет высокого расхода топлива.

Критерии «затратного» типа можно еще точнее применять для оценки долгосрочного потенциала технологии, если рассматривать не абсолютные величины затрат, зависящих от варьирующегося масшта-

¹ Вопросы философии, 1991, № 3, с. 29—42. 122

ба ее внедрения, а некое относительное их измерение, способное отражать неизменную внутреннюю суть технологии. Для этих целей предлагается принять коэффициент полезного использования ресурсов (КПИ), исчисляемый в виде отношения объема ресурса, переработанного данной технологией «полезно» (то есть перешедшего в полезный результат), к полным затратам ресурса, неизбежно включающим и некие «отходы». Следует отметить, что сконструированный таким образом показатель перестает носить чисто «затратный» характер. Специфическим образом, через представление о полезно израсходованном количестве ресурса, он включает в себя описание результата, свободное от внешних функциональных особенностей, в данном случае несущественных.

Коэффициенты полезного использования вещества, энергии, пространства, времени

Общее правило вычисления КПИ представляется весьма простым, но эта простота обманчива. Коэффициент полезного использования базовых ресурсов — очень емкий и содержательный показатель, для его продуктивного применения нужна немалая методологическая четкость. Так, всякий раз требуется точно определить, какая именно разновидность того или иного ресурса будет отслеживаться (одних только видов веществ в различных технологиях задействовано сотни тысяч), что считать «полезно» истраченным ресурсом, а что — «отходом», и строго следовать принятому определению на всем пространстве сопоставляемых технологий.

Для вещественных ресурсов методы вычисления КПИ кажутся наиболее очевидными, но и здесь есть свои подводные камни. Как показывает опыт автора, содержание такого, казалось бы, простого понятия, как «отход», решающим образом зависит от способа проведения границы, отделяющей анализируемую технологическую систему от окружающей среды. Например, обработка металла резанием традиционно считается «высокоотходной» технологией. Но это утверждение справедливо при рассмотрении технологической системы, состоящей из отдельного станка, участка или цеха. В рамках же машиностроительного завода, обладающего системой сбора, компактирования и переплавки стружки, данная технология столь же «безотходна», как штамповка или литье.

Касаясь содержательности показателя КПИ вещества, следует подчеркнуть, что он отражает не только «экономическое» свойство технологии в большей или меньшей степени рационально расходовать какой-либо вид ресурса. Как правило, материальные отходы современной технологии плохо интегрируются в окружающую среду, не способны сразу же и без ущерба включиться в природный кругооборот веществ. Поэтому данный КПИ наряду с экономичностью одновременно отражает и экологичность технологии, степень ее дестабилизирующего воздействия на окружающую среду. Повышение коэффициента полезного использования вовлекаемого в технологический оборот вещества не просто «снижает отходы», но увеличивает его объемы, которые можно безопасно изъять из экосистемы, то есть наращивает запас наличных ресурсов.

Применительно к энергии КПИ выражается известной из физики величиной коэффициента полезного действия (КПД), для вычисления которого разработаны термодинамические модели. И этот показатель отражает не только степень энергетической экономичности технологии. На современном этапе развития техноцивилизации «отходы» тепла, нарушающие тепловой баланс атмосферы, становятся не менее опасным фактором загрязнения окружающей среды, чем отходы вещества. Поэтому КПД может рассматриваться как еще один показатель уровня экологичности технологии. Данный показатель способен отразить и более

тонкие, хотя и не менее важные для практики свойства технологии, связанные с неизбежным присутствием в любом искусственно инициируемом процессе естественных процессов деструкции. Согласно гипотезе, выдвинутой и обосновываемой нами², противоречие между двумя указанными процессами создает механизм фундаментального ограничения роста производительности технологии.

В практике оценки технологии принято учитывать величину занимаемого ею пространства (через показатель потребных производственных площадей), но анализ коэффициента полезного использования этого вида ресурса фактически не проводится. Если рассматривать экономику какого-либо государства как некую макротехнологию, то пример стран типа Голландии, Бельгии, Японии, относительно небольших по территории, почти не имеющих собственных ресурсов сырья и энергии, но добившихся процветания за счет высочайшей эффективности использования пространства, приводит к мысли о стратегической приоритетности показателя КПИ именно данного ресурса.

Наша страна традиционно располагает самой большой в мире территорией, и, возможно, поэтому показателю КПИ пространства не уделялось должного внимания. Между тем его высокая величина означает не только очевидную возможность экономии занимаемых технологией абсолютных площадей (что для огромной страны, вероятно, было не столь уж важно). Она характеризует и еще одно фундаментальное свойство, о котором почему-то мало задумываются: высокая пространственная плотность технологической системы означает кратчайшие связи между ее элементами, максимальную скорость взаимодействия и, следовательно, наивысшую производительность технологии. И как раз для нашей большой страны, в экономике которой в результате далеко не бесспорных аргументов о пользе специализации и кооперации, а порой и просто стремления управленцев и проектировщиков к облегчению своего труда возникла беспрецедентная «разбавленность» технологий в пространстве, данное соображение приобретает особую актуальность.

Не вступает ли требование высокой пространственной плотности в противоречие с критериями безопасности³, связываемыми со степенью концентрации технологии? Такие опасения представляются нам напрасными. Прежде всего источником опасности является не сама технология, а энергия, которая в ней используется. Причем опасна не столько концентрация, сколько абсолютный объем сосредоточиваемой в технологических целях энергии. Например, мало кому известно, что плотность энергии в активной зоне современных микросхем такая же, как в эпицентре ядерного взрыва — миллионы киловатт на кубический сантиметр ⁴. В то же время абсолютная величина потребляемой каждым таким прибором энергии измеряется долями ватта, и микропроцессор сегодня, пожалуй, самый безопасный, самый дружественный человеку элемент современной технологии.

Далее. Любая технология неизбежно включает в себя не только всевозможные преобразования, но и транспортировку энергии (или энергосодержащего вещества). Именно лишние перевозки, избыточная протяженность линий связи служат главным источником опасности, гораздо более серьезным, чем собственно технологическое оборудование. В масштабах страны, например, газо- и нефтепроводы подвергают угрозе в тысячи раз большую территорию, чем само место добычи, хранения или переработки нефти и газа. На заводах продуктопроводы и электрокабели гораздо чаще служат причиной аварий, чем основное технологическое оборудование. Локализованность оборудования для переработки и хранения энергии и вещества представляет несравненно лучшие возможности изоляции от окружающей среды (пример — защитные оболочки зарубежных ядерных реакторов), контроля за исправностью и устранением дефектов по сравнению с растянутыми транспортными магистралями. Поэтому императив снижения протяженности технологических связей для повышения КПИ пространства одновременно ведет и к большей безопасности технологии.

² Смирнов А. И. Перспективы технологии машиностроения. М.: Наука, 1992 (в печати),

 $^{^{3}}$ Фальцман В. К. Экономика техногенной и природной безопасности,— Вопросы экономики, 1992, № 1, с. 19—30.

⁴ Дорфман В. Ф. Синтез твердотельных структур. М.: Металлургия, 1986, с. 195.

Говоря о повышении КПИ ресурса времени, надо иметь в виду, что любая пауза в процессе, не связанная с получением полезного результата, может рассматриваться как потеря времени. Отсюда вытекает стремление к непрерывности технологического процесса. Следует подчеркнуть, что, повышая таким образом КПИ времени, мы не только сокращаем срок ожидания результата и ускоряем оборачиваемость ресурсов. Одновременно повышается и КПИ энергии, поскольку поддерживать непрерывное движение (механическое, на уровне физических тел, или тепловое, на уровне молекул) в общем случае оказывается энергетически выгоднее, чем периодически запускать такое движение. Опыт работы предприятий металлургии, где остановка печи или прокатного стана — почти катастрофа, может служить подтверждением данного тезиса. Непрерывность технологии повышает также и КПИ пространства, поскольку не только максимизирует, но и более жестко детерминирует потоки вещества и энергии, давая возможность их плотнее компоновать. Благодаря отделению технологического пространства от окружающей среды возрастает и уровень безопасности самой технологии.

В целом коэффициенты полезного использования вещества, энергии, пространства и времени в качестве универсальных критериев оценки технологии характеризуют не просто ее способность рационально расходовать эти ресурсы, но и другие важнейшие свойства, отражающие экономическую и экологическую эффективность ее функционирования, производительность и технический уровень. Современная технология чужда природному миру, и все, что не использовано ею «полезно» (то есть не поглощено искусственным миром), оказывается вредным для окружающей среды, а также и для самой технологии. Пока цивилизация не вступила на путь иных, гармонично связанных с природой технологий, повышение значений КПИ можно с уверенностью считать общей тенденцией НТП.

Закономерности НТП

Конечно, повышением коэффициентов полезного использования основных ресурсов научно-технический прогресс не исчерпывается. Но концентрация внимания именно на этой стороне НТП представляется продуктивной для разработки стратегии управления, при решении задач долгосрочного планирования, везде, где в силу неопределенности исходной информации не срабатывает метод агрегирования частных показателей и не годятся стоимостные измерители.

Выше уже говорилось, как можно использовать КПИ для сравнительной оценки наиболее важных функциональных особенностей новых технологий. Но для того чтобы эффективно управлять процессом НТП, одних «статических» характеристик недостаточно. Не менее важно уметь оценивать динамические характеристики — перспективы развития, эволюционный потенциал технологии, которой суждено входить не в тягучий искусственный мир административной экономики, а в живую, подвижную реальность мировой коньюнктуры. Какие же возможности решения данной задачи дают представления о КПИ и исторической тенденции их изменения?

Один такой способ хорошо известен и давно используется в мировой практике прогнозирования. Он вытекает из связи коэффициентов полезного использования с основополагающими принципами сохранения, согласно которым предельно достижимое значение для любого из КПИ ограничено единицей. Другими словами, идеальная технология, к которой следует стремиться, должна быть безотходной, способной полезно использовать все привлекаемые ею ресурсы.

Построив кривые исторического роста КПИ и соотнеся их достигнутое на текущий момент значение с предельным, можно оценить потенции-

ал буднего развития технологии. Сопоставив реальные приращения КПИ с затратами на их достижение, можно оценить эффективность использования вкладываемых в развитие технологии ресурсов. Основывав на известной кривой роста и экстраполируя ее в будущее, можно, хотя и с меньшей достоверностью, оценить предполагаемую отдачу от вкладываемого в развитие технологии капитала.

Проведенный нами анализ эволюции конкретных технологий позволяет наметить еще один подход к оценке их динамических характеристик, на которые значительное влияние оказывает конкретный способ, каким обеспечивается повышение КПИ.

Повышение КПИ путем технологических прорывов

Практически любое совершенствование технологии влечет за собой повышение коэффициентов полезного использования ресурсов, но наиб радикальные улучшения КПИ достигаются в ходе технологических прорывов, когда появляются принципиально новые технологии и технические решения.

В области энергетических технологий, например, к указанным прорывам относятся ступени повышения КПД тепловых двигателей — от первых паровых машин к двигателям внутреннего сгорания и затем к газовым турбинам. При этом переход на каждую новую ступень означает рост КПД примерно на 10%.

Не менее известный пример развития элементной базы вычислительной техники — от механических арифмометров через ламповые ЭВМ к современным микропроцессорам — иллюстрирует серию прорывов, сопровождающихся повышением коэффициентов полезного использования не только энергии, но и пространства, и вещества. Причем переход на каждую новую ступень знаменовался ростом каждого из коэффициентов как минимум на порядок.

Сельское хозяйство является ныне самой «пространство емкой» технологией, и здесь идеи интенсивного земледелия, гидропоники, многоэтажных теплиц («пищевого куба») можно привести как примеры последовательных «прорывных» решений, кратно повышающих КПИ пространства.

Повышение КПИ путем сопряжения технологий

Технологические прорывы — события яркие и знаменательные, они играют важнейшую роль в ускорении научно-технического прогресса, но было бы ошибкой считать их самым результативным из известных способов повышения КПИ. Анализ технологической эволюции показывает, что существует и другой способ, ничуть не менее, а порой и более эффективный. Он заключается в сопряжении данной технологии с некоторой другой таким образом, чтобы КПИ у образованного комплекса стал выше, чем у исходных технологий.

Сопряжение технологий — неотъемлемый элемент исторического развития, встречающийся несравненно чаще, чем технологические прорывы. Можно сказать, что если прорывы — редкие праздники, то сопряжения технологий — будни НТП. Каждая базовая технология со временем обрастает целым шлейфом сопряженных, часть из которых связана и с другими базовыми технологиями. В результате рождается сложнейшее переплетение технологий со своей топологией и иерархией элементов и любое изменение какого-либо узла этой системы в принципе вызывает волну возмущения во всей сети.

В технологиях переработки вещества (химия, металлургия, промышленность стройматериалов, пищевые отрасли промышленности и т. д.) способ повышения КПИ материальных ресурсов путем сопряжения оказался наиболее популярным. Идея здесь очень проста: отходы

одной технологии используются для получения продукта другой. технологии, сопрягаемой с первой. Таким образом КПИ вещества может быть увеличен многократно, нередко до близких к единице значений.

Классическим примером сопряженных технологий является коксохимическая промышленность. Когда для нужд металлургии понадобился кокс, его стали получать пиролизом каменного угля. Первоначально отходы коксового производства — каменноугольная смола — просто выбрасывались, что вело к активному загрязнению окружающей среды. Внедренная затем технология переработки каменноугольной смолы способствовала резкому повышению КПИ добываемого в природе вещества — каменного угля.

Увеличения КПИ пространства достигают порой самыми неожиданными способами, например, сопрягая энергетическую технологию с пищевой, когда разводят рыбу в прудах-охладителях при электростанциях. Сопряжение пищевой и транспортной технологий происходит при сельскохозяйственном использовании зон отчуждения вдоль транспортных магистралей.

Идеальным примером взаимного сопряжения технологий можно считать мир живой природы, в котором кругооборот веществ свидетельствует о 100-процентном их использовании, где задействовано практически все пространство и весьма эффективно используется энергия солнца — ведь ее даже удается откладывать «про запас» в виде месторождений угля и нефти.

Парадокс сопряжения

Сопряжения технологий доминируют в практике НТП над технологическими прорывами вовсе не потому, что первые требуют меньших интеллектуальных усилий,— и в этой области есть свои остроумные, необычайно изобретательные решения. Успех обеспечивается экономическим механизмом: при осуществлении прорыва приходится не только создавать новое оборудование для достижения в общем-то прежней цели, но и выбрасывать неамортизированное старое. При сопряжении же базовая, исходная технология продолжает функционировать практически без перемен, достаточно лишь разработать оборудование для новой, сопрягаемой технологии. Поскольку вместо затрат на нейтрализацию отходов возникает прибыль от их полезного использования, суммарные капитальные вложения на сопряжение оказываются гораздо меньше.

И тем не менее данный способ реализации НТП имеет один серьезный нелостаток. Лело в том, что сопряжение технологий, повышая коэффициент полезного использования основных видов ресурсов, одновременно делает всю систему технологий более консервативной, тормозя «прорывную» составляющую НТП. Действительно, любое новаторское техническое решение возникает спонтанно и касается, как правило, лишь отдельного элемента интегральной системы технологий. Попытка замены этого элемента наталкивается на необходимость менять и сопряженные с ним технологии (Например, можно восстанавливать железо из руды водородом, но что тогда делать со всей коксохимией? Можно заменить все машины с двигателями внутреннего сгорания (ВВС) электромобилями, но куда деть разветвленную сеть ремонта, обслуживания и заправки ВВС?). Изменение сопряженных технологий означает не только дополнительные инвестиции, но и преодоление сопротивления занятых на этих производствах людей, ставших «без вины виноватыми» жертвами побочных эффектов НТП.

Именно сложившийся системный механизм действующих технологий объясняет множество внешне парадоксальных ситуаций, когда не внедряются в жизнь, казалось бы, замечательные новые технологичес-

кие идеи. Анализ показывает, что в основе такого противодействия лежат прочные связи с сопряженными технологиями, существованию которых угрожает внедрение эффектной новинки.

Теоретически можно представить себе мир автономных, самодостаточных технологий с высоким КПИ всех видов ресурсов. Однако не следует всерьез рассчитывать, что когда-нибудь удастся превратить в таковые все существующие технологии: сама суть любой технологии комбинаторна ⁵, и запрет на сопряжение, принцип самодостаточности обязательно будут работать как мощный ограничитель разнообразия осуществимых технологий, то есть тормозить НТП. Поэтому более конструктивной представляется иная стратегия: стремиться к созданию неких универсальных сопрягающих технологий. Для повышения КПИ вещества понадобятся универсальные «технологии-мусорщики», для улучшения КПД — утилизаторы рассеянной энергии, а для более полного использования пространства — некая аморфная и сколь угодно делимая технология, которую можно будет без труда привязывать к любым другим. Возможно, что удастся создать технологию, способную повышать КПИ всех видов ресурсов, некий аналог бактерий в мире живого.

Специфика ближайших задач

Изложенные выше соображения, на наш взгляд, следует учесть при выработке стратегии технологического развития стран — членов СНГ. Происходящий сейчас распад производства не только приводит к огромным проблемам, но и открывает неожиданные возможности. Ведь чем дальше зашло сопряжение технологий, тем труднее становится изменить всю их систему, осуществить прорыв в какой-то ее части. Кризис, разрушающий сложившиеся переплетения технологий, играет очистительную роль. Это видно на примере технологических достижений Германии и Японии, промышленность которых была практически разрушен во время второй мировой войны. Да и успех новых индустриальных стран во многом объясняется тем, что они создавали свою индустрию на пустом, незанятом месте.

Россия сейчас также подходит к ситуации «расчистки места», коренной ломки, и очень важно не упустить этот момент, не скатиться на восстановление (и притом, возможно, в ухудшенном варианте) устаревших структур, а постараться воспользоваться данным шансом для введения «прорывных» технологий. Причем надо учитывать, что на уровне отдельного предприятия силы самоорганизации ввиду крайней их слабости могут пока только способствовать восстановлению старого. Лишь на уровне централизованного управления можно задать нужное направление указанному процессу. Недаром та же Япония, в которой элемент централизации сильнее, чем в США, сумела обогнать их по многим видам технологий.

Немало технологических сопряжений рухнуло сейчас по политическим или экономическим причинам, и такая ситуация объективно облегчает осуществление прорывов. Но еще больше сопряжений сохранилось, а поддержка сопряженных технологий при замене их «лидера» — задача, не решаемая в рамках обособленного предприятия. Только самые крупные концерны или государство в целом способны временно взять подобные технологии на обеспечение так же, как намечается делать при конверсии военных производств.

Задача множественного переключения сопряженных связей в принципе неразрешима в рамках автаркии и может казаться непосильной для тех, кто подсознательно сохраняет автаркическое мышление. На самом деле история предоставила нам уникальный шанс и упустить его из-за консерватизма наших представлений было бы непростительно.

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

А. КОЛОМИЕЦ, кандидат экономических наук

СЛЕДУЕТ ЛИ «УСКОРЯТЬ ПРОГРЕСС»?

Итоги развития экономики России за период с начала экономических реформ, точкой отсчета для которого стала либерализация цен, вряд ли можно считать утешительными. Провозглашенные цели стабилизации денежно-финансовой системы сегодня не стали ближе, чем в начале года. Для того чтобы затормозить инфляцию, были использованы все меры, как находящиеся в пределах разумного, так и выходящие за эти пределы. Немалую роль среди последних играл в значительной части искусственно вызванный кризис платежей. Тем не менее инфляционная спираль совершает все новые витки. Однако, несмотря на признание самоочевидного факта, что «денежно-кредитная система России, как и вся экономика, страдает от неразвитости рыночных механизмов и далеко не всегда поддается методам регулирования, успешно применяемым в мировой практике», подготовленная Правительством «Программа углубления экономических реформ» исходит из убеждения в принципиальной правильности избранного курса.

Самый первый вопрос, на который необходимо ответить, чтобы оценить предлагаемые Программой методы лечения экономики России: правильно ли выбран этот курс? Многие годы дискуссии об экономических реформах в нашей стране проходили в рамках дихотомий: радикальный — консервативный, прогрессивный — реакционный. Оценочная шкала в этих дискуссиях была предопределена априори: хорошо то, что радикально и прогрессивно, и плохо — что консервативно и реакционно.

Однако не мешает задуматься, во имя чего совершаются экономические реформы? Если, как утверждает марксистско-ленинская доктрина, во имя ускорения общественного прогресса, тогда хороша та реформа, которая ведет к революции (или является по сути таковой, то есть «революционной перестройкой»). Так нас учили на студенческой скамье. Если же реформы совершаются для нормализации хозяйственной жизни общества, тогда реформы должны быть соразмерны той «силе вещей», которая действует как сила экономических интересов реально существующих людей и социальных групп.

С этой точки зрения экономическая политика может быть, независимо от меры своего радикализма, конструктивной или неконструктивной. Конструктивная политика ставит перед собой реальные цели в соответствии с указанным выше критерием и добивается их. Характерная черта неконструктивной политики — утопизм целей. Попытки достигнуть их вопреки логике хозяйственной жизни приводят к превращению политики в «оригинальную».

Пример «оригинальной» политики — сначала аннулировать значительную часть сбережений населения, отпустив цены при монопольной

структуре производства, затем раздать квазиденьги для приобретения собственности в виде приватизационных чеков-ваучеров. Можно спорить о величине дохода, получая который человек как социальный субъект становится собственником, но вряд ли можно сомневаться в том, что доход от имущества в несколько тысяч рублей сегодня не сделает собственником никого. При такой политике, чтобы получить сотню реальных собственников, надо в короткий срок сначала раздать, а потом изъять у тысячи права на собственность. Очевидно, социальный порядок, базирующийся на таком ускоренном перераспределении, не будет устойчивым.

Другой пример «оригинальной» политики: сначала, до предела ограничивая кредитную эмиссию, прийти к острой нехватке платежных средств, а затем пытаться решить созданную своими же руками проблему путем превращения долгов предприятий в не имеющие надежного обеспечения векселя. В каком монетаристском учебнике можно прочесть наставление о стабилизации денежно-кредитной системы с помощью платежных суррогатов? Кроме того, нехватка платежных средств ведет на деле к искусственному замедлению оборота, в свою очередь, вызывающему дополнительную потребность в средствах платежа и рост цен предложения. Но отчетность о размерах кредитной эмиссии, естественно, этого обстоятельства не улавливает. Таким образом, при галопирующей инфляции можно наслаждаться розовыми сводками о снижении темпов прироста денежной массы в обращении.

«Оригинальность» такой политики неизбежно ставит вопрос о том, можно ли считать реалистичной ее цель — остановить инфляцию путем стабилизации денежно-кредитной системы. Ведь в своей основе инфляционные процессы в нашей стране порождаются структурными диспропорциями народного хозяйства.

Структура российской экономики, для которой характерно гипертрофированное развитие топливно-энергетического, машиностроительного комплексов, а также ВПК сформировалась под определяющим воздействием системы административного принуждения и собственной инерции развития. Необходимым условием формирования и существования такой структуры было и остается инфляционное финансирование, А теперь представим себе, что больному, находящемуся «на искусственном дыхании», перекрывают кислород. Вряд ли кто-нибудь сомневается, что с помощью этой операции никого вылечить не удастся. Реальная альтернатива, под воздействием которой сегодня формируется экономическая политика: либо «нулификация экономики», либо хаотические исключения из жестких правил, проводимые в пользу предприятий и отраслей, имеющих наиболее сильные рычаги давления на власти. А такими рычагами сегодня располагают как раз те промышленные монстры, ограничить которых призваны реформы.

Недостижимость провозглашенных целей вынуждает на практике к серьезным отступлениям от намеченного курса, связанным с дополнительной кредитной эмиссией и существенным повышением номинальной заработной платы и других выплат. Воистину, «повинующихся судьба ведет, неповинующихся — тащит».

Маловероятно, что в рамках принятой в правительственной программе доктрины удастся достигнуть в среднесрочном периоде благоприятных структурных изменений. Сложившаяся сегодня ситуация напоминает замкнутый круг: инфляция может быть ограничена на базе структурных изменений, последние возможны только в результате масштабных инвестиций, однако снижение уровня сбережений в условиях связанного с инфляцией падения реальных доходов населения и инфляционные ожидания инвесторов делают развертывание инвестиционного процесса невозможным. Да и масштабы накопления в коммерческом

секторе не таковы, чтобы можно было обесточить этот процесс ресурсами. Остается ждать deus ex machina — иностранного инвестора, который готов рискнуть капиталами, в то время как многие отечественные предприниматели всеми правдами и неправдами стараются перевести средства за рубеж. Неудивительно, что взаимоотношения с МВФ порой напоминают процедуру вымаливания у языческих богов дождя во время засухи.

Достижение позитивных структурных сдвигов затруднительно еще и потому, что в худшие условия жесткая финансовая политика и снижение реальных доходов населения сегодня ставят именно отрасли и предприятия, работающие на конечного потребителя. В условиях опережающего роста оптовых цен над розничными экономическая инерция будет углублять структурные диспропорции.

Ситуация, однако, не является тупиковой, если подойти к ней с более широких позиций. Но это возможно только при существенной корректировке приоритетов экономической политики. На первое место должна быть поставлена задача структурных изменений в народном хозяйстве при минимально возможном снижении объемов ВНП. Только в процессе решения этой задачи могут быть созданы и необходимые условия стабилизации финансовой системы. Сегодня достаточно очевидно, что «монетарными» средствами этой цели не достичь.

Ключевой проблемой для достижения положительных структурных сдвигов является обеспечение стабильности инвестиционного процесса и его переориентации. Если инфляция подрывает гарантии получения достаточной прибыли на вложенный капитал, то гарантом Здесь может быть только государство. Именно партнерство сформировавшегося слоя частных предпринимателей и государства в осуществлении инвестиционной политики, направленной на структурные изменения, может изменить ситуацию. Предприниматель вкладывает капитал, коммерческий опыт, инициативу, государство обеспечивает необходимые финансовые ресурсы, проводит комплексную экспертизу и, наконец, предоставляет гарантии.

Формы такого партнерства и государственных гарантий могут быть различными. Это и частичное погашение кредитов за счет бюджета, и передача контрольного пакета акций при достижении предприятиями проектной мощности, и широкое использование инвестиционного налогового кредита, и инвестиционные субвенции, и другие меры. Конечно, бюрократизированная и слабо управляемая государственная машина—плохой партнер для частного бизнеса. Но иного попросту не существует.

Возвращение государству функций инвестора потребует серьезных изменений в целях бюджетной и кредитной политики, а также политики доходов. Эти изменения не означают отказа от попыток регулирования экономической ситуации с помощью кредитно-финансовых рычагов, но связаны с иными целями и методами их применения. В частности, одним из основных каналов поступления дополнительных кредитных ресурсов в народное хозяйство для удовлетворения увеличивающихся в условиях инфляции потребностей в кредите должно стать целевое кредитование программ в сфере агропромышленного комплекса и производства потребительских товаров. При этом должны быть обеспечены равные возможности государственным и негосударственным предприятиям в получении таких кредитов.

Увеличение масштабов финансирования централизованных капитальных вложений безусловно потребует увеличения бюджетного дефицита. Соответствующее увеличение государственного долга не станет инфляционным фактором только в том случае, если оно будет покрываться за счет размещения у населения государственных ценных бумаг. Хорошо известно, что в нормальной рыночной экономике именно государственные ценные бумаги, являются одним из наиболее надежных видов активов и в значительной степени определяют устойчивость всего фондового рынка. В то время как сохраняющаяся нестабильность российского фондового рынка в первую очередь связана с господством инструментов низкого качества. Задача возвращения доверия к государственному долгу вполне разрешима, необходимо только аккуратно платить по обязательствам, корректируя платежи с учетом реального состояния рынка кредита. При условии решения этой задачи можно

рассматривать сложившуюся к концу лета тенденцию опережающего роста цен по сравнению с увеличением денежных доходов населения как необходимую предпосылку наращивания инвестиционного потенциала, а не как. пролог экономической катастрофы.

Важнейшую роль в стабилизации инвестиционного процесса может сыграть приватизация, если рассматривать ее не как одномоментную раздачу государственного имущества, а в более широком плане — как часть процесса приобретения населением приносящей доход собственности, та есть постоянно действующий механизм экономической жизни, основанный на движении реальных финансовых ресурсов, увеличении количества и стоимости находящихся в обращении ценных бумаг. Представляется, что в дальнейшем бесплатное наделение граждан приватизационными чеками может быть ограничено лицами пенсионного возраста и другими объективно нуждающимися в социальной поддержке группами населения. Для тех, кто не подпадает под этот критерий, может быть установлен иной порядок формирования приватизационных вкладов. Например, каждому работающему гражданину, достигшему 25летнего возраста (или старше, в случае обучения с отрывом от производства и т. п.), в отделении Сбербанка по месту жительства открывается накопительный приватизационный счет. На этот счет предприятия и организации отчисляют не менее 5% от суммы заработной платы работника на условиях, аналогичных отчислениям средств на социальное страхование. На этот счет могут зачисляться и добровольные взносы с предоставлением льгот по подоходному налогу. По истечении 3—5 лет указанный счет закрывается. Аккумулированные средства могут быть в течение 10 лет использованы только на приобретение ценных бумаг или недвижимости. Такой порядок, в частности, способствовал бы ограничению масштабов принудительной приватизации и формированию экономически обоснованных цен на приватизируемое имущество. При этом население получило бы дополнительные социальные гарантии адаптации к реалиям рыночной экономики. Возможны и другие варианты решения проблемы.

Конечно, предлагаемый подход противоречит радикальной рыночной ортодоксии, которая ставит одной из важнейших целей скорейшее изгнание государства из сферы хозяйственных отношений. Однако всякая политика, в том числе и экономическая,— «искусство возможного». Сегодняшняя задача этой политики, исходя из наличных условий и действующих интересов,— обеспечить позитивные сдвиги в сторону глубоких структурных реформ и создания основ пусть «неклассического», но тем не менее реально действующего рыночного хозяйства.

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ

ТЕНДЕНЦИИ МИРОВОЙ И ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ. ЛЕТО 1992 г.

Доклад, подготовленный группой экспертов Института по исследованию конъюнктуры и рынков и по электронно-вычислительной технике $(KO\Pi UHT - \mathcal{J}ATOP\Gamma)^*$

Восточная Европа

1. Наш последний обзор, составленный в апреле текущего года, прогнозировал для всего центрально- и восточноевропейского региона затяжной экономический кризис. Особо отмечалось, что в 1992 г. нет шансов на поворот или приостановление этой тендениии. Ланные о первых 3—5 месяцах этого года подтверждают прогноз, хотя в отдельных странах темпы спада замедлились. Отчет Экономической комиссии ООН лля стран Европы за 1991—1992 гг. справедливо называет спал экономики, продолжающийся с 1989 г., т. е. четвертый год, затяжной депрессией, которая с точки зрения продолжительности и глубины экономического спада является даже более острой, чем «великий кризис» 1929— 1933 гг. Та депрессия, однако, была присуща всей мировой экономике, тогда как нынешним экономическим кризисом поражены лишь бывшие социалистические страны центрально- и восточноевропейского региона, так как он является неизбежным спутником смены общественного строя и структурных сдвигов в экономике. Положение усугубляется политической нестабильностью региона: распадом многонациональных государств (СССР, Югославии, Чехословакии), обострением национальных противоречий, неустойчивостью созданных политических систем и т. д. Выход из экономической депрессии стал, таким образом, не просто конъюнктурным вопросом, а зависит от осуществления радикальных общественных и экономических реформ. Поддержка же их со стороны общества из-за затяжной депрессии, массовой безработицы и обеднения населения нестабильна. Поэтому даже весьма продуманная экономическая политика может потерпеть фиаско, оказаться неосуществимой. Совсем не обязательно, что каждая из постсопиалистических стран, борющихся с более-менее сходными трудностями и применяющих аналогичные рецепты экономической политики, в обозримый срок сможет вернуться на путь экономического роста.

2. Наиболее проблематичным кажется положение государств — преемников бывшего СССР. Хотя в нашем распоряжении имеются статистические данные за I квартал лишь по России и Украине, да и мы не уве-

^{*} Венгрия, Будапешт, июль 1992 г. Под редакцией Г. Облата.

рены в их надежности, кажется несомненным, что расстройство экономики не смягчается, а усиливается. Согласно имеющимся данным, по сравнению с соответствующим периодом прошлого года национальный доход России в I квартале текущего года понизился на 14%, а промышленное производство в первые пять месяцев сократилось на 13,2%. (Эти же показатели за весь прошлый год:— 11% и — 2,2%.) О спаде подобных масштабов свидетельствуют и данные по Украине. Прогноз, разработанный в марте по поручению российского правительства, не исключает возможности спада совокупного общественного продукта до конца года на 25—30%.

Даже при всей неопределенности синтетических макроэкономических данных приходится отметить, что добыча нефти, являющаяся главным источником получения Россией иностранной валюты и ведущей отраслью экономики, за первые пять месяцев текущего года снизилась по сравнению с соответствующим периодом прошлого года на 13%. В сопоставлении с сокращением добычи нефти за весь минувший год, составившим 11%, это указывает на углубление спада. О сужении производства свидетельствует тот факт, что за первые четыре месяца этого года экспорт сократился на 18%, а импорт возрос на 12%, и образовался значительный дефицит внешнеторгового баланса.

Широкое (но не полное) освобождение цен, декларированное 2 января 1992 г. под знаком так называемой «шоковой терапии», не оправдало надежд, обещания правительства Ельцина — Гайдара до сих пор не исполнились. После скачкообразного повышения потребительских цен в январе в 3,5 раза (по другим источникам — в 5—8 раз) в феврале — марте месячные темпы роста цен смягчились до 25%, однако в мае эти темпы достигли размеров гиперинфляции—около 50%. Все произошло вопреки отсрочке либерализации цен на энергоносители. Хотя потребление населения значительно снизилось, на рынке все же не установилось равновесие между спросом и предложением, дефицит оказался непобежденным. В круг дефицитных товаров попали и обесценивающиеся наличные деньги, что стало источником дальнейших общественных напряжений и экономических неурядиц. Вряд ли имеются технические препятствия печатанию более крупных купюр — за этим дефицитом можно предполагать или своеобразный способ ограничения количества денег в обороте, или очередные политические манипуляции.

Из-за необузданной инфляции, резкого спада производства, отсутствия резервов, неизменности жесткой структуры экономики сомнительна осуществимость внутренней конвертируемости рубля (по польскому образцу), обещанной сперва на июль, затем на август, потом на более поздний срок — даже если Россия и получит от развитых индустриальных стран обещанный пакет помощи 24 млрд. долл., в том числе фонд стабилизации валюты на сумму 6 млрд. долл.

3. Для «вишеградской тройки» (Польша, Чехословакия, Венгрия) характерен подобно всему региону продолжающийся спад производства, хотя и в различных масштабах. Официальные данные о первых четырех месяцах этого года подтверждают, что его темпы, по сути, аналогичны темпам спада минувшего года: в Польше — 6%. в Чехословакии—24, в Венгрии —18,9%. Однако если оценить данные по месяцам, в этих странах наблюдается скромное оживление.

Численность безработных в Чехословакии начала сокращаться (хотя доля их в Словакии все еще высока—11,8%), в Польше рост безработицы на короткий срок приостановится, но останется на высоком, 12-процентном уровне, в Венгрии темпы ее роста, кажется, немного замедлились. Из всего этого нельзя еще сделать вывод о благоприятных сдвигах, потому что приватизация крупной промышленности в Чехословакии и Польше пока не началась, а в Венгрии еще впереди значитель-

ная часть такой приватизации. На чехословацкие и польские данные, несомненно, влияли и коррекции, осуществленные при регистрации безработных.

Внешнеэкономические позиции всех трех стран улучшились, внешнеторговые балансы их имеют активное сальдо. Примечательно, что после застоя предыдущих лет и в Чехословакии экспорт динамично возрастает. Ускорился приток иностранного производительного капитала в Чехословакию и Венгрию, одновременно наблюдается решительный сдвиг и в Польше. И все-таки международная оценка двух стран стала менее благоприятной из-за внутриполитических событий. В Польше неопределенное соотношение сил в парламенте грозит неуправляемостью, в Чехословакии — грядущий раздел страны, когда различное общественное и экономическое развитие двух, становящихся самостоятельными частей страны влечет за собой изменение геополитической стабильности региона. Значительно более критична международная оценка Словакии, чем Чехии.

- 4. Хотя с точки зрения внутренней политики положение в Болгарии и Румынии также нельзя считать стабильным, главная проблема заклю чается в неуклонно продолжающемся спаде производства, в высоких темпах инфляции, в возрастающей безработице и обеднении населения. Правительства обеих стран сейчас уже со всей решимостью встали на путь реформ и приватизации, но по существу изменения начались лишь в сельском хозяйстве (в Румынии распределение земель между крестьянами, а в Болгарии возврат земли прежним собственникам). В определенной степени улучшились и международные позиции обеих стран, но их экономическое положение в целом остается неизменно критическим, и временной горизонт подъема все еще теряется в тумане.
- 5. Из государств преемников прежней Югославии лишь Словения прекратила участие в военных действиях. Таким образом, в ее экономике— вопреки значительному спаду производства и безработице про являются признаки стабилизации: в результате жесткой рестриктивной денежной политики Госбанка Словении темпы инфляции замедляются, экспорт достиг прежнего уровня, внешнеторговый баланс активный. Собственная новая валюта—толар практически уже обладает внутренней конвертируемостью.

Экономика Хорватии несет убытки от продолжающейся войны. Почти половина расходов госбюджета финансируется за счет денежной эмиссии. Произошел резкий спад не только производства, но и внешнеторгового оборота. Потребление населения составляет лишь половину довоенного уровня. Грозит опасность обострения социальных напряжений— ведь темпы роста цен близятся уже к гиперинфляции.

Безысходно состояние экономики Сербии и Черногории. Их экономика уже поражена гиперинфляцией из-за финансирования военных затрат, и она может рухнуть, так как не в состоянии будет длительное время выдерживать последствия экономической блокады. Все это внутри Сербии, до сих пор не пострадавшей от военных действий, вызывает призрак экономического и политического хаоса, внутренней гражданской войны, возможности открытия новых фронтов. Поскольку перспективы конструктивного решения вопроса не ясны, мы ожидаем дальнейшую дезинтеграцию.

6. Летом 1992 г. экономика Венгрии характеризуется противоречивыми процессами. С одной стороны, спад затягивается, что видно уже и по оперативной экономической политике правительства, которое признало завышенной оценку доходов 1991 г. и ревизовало проект госбюджета на текущий год. С другой стороны: возрастающий актив платежного баланса, значительное улучшение баланса товарооборота, пополнение валютных резервов и замедление в течение последних трех кварта-

лов темпов инфляции. Эти процессы—с учетом сохранения быстрого роста экспорта — указывают на то, что и вопреки продолжающемуся спаду наблюдается очень медленное, но далеко не безуспешное включение экономики страны в международную экономику и в западноевропейское разделение труда.

По нашим оценкам, суммарные показатели результатов экономики в этом году отразят лишь смягчение спада, а не застой (или даже подъем). В этом году мы рассчитываем на спад ВВП приблизительно на 2—3%, на темпы роста инфляции в 20—25% и на дефицит госбюджета примерно в 180—200 млрд. форинтов.

7. Вследствие некоторого укрепления курса доллара в минувшем году и ограниченности возможностей привлечения внешних ресурсов в прошлом году лишь в незначительной мере возросла валовая сумма задолженности восточноевропейской «пятерки» в СКВ. Чистая сумма задолженности региона снизилась до менее 80 млрд. долл. Заметно повысилась лишь чистая сумма задолженности Румынии (согласно

западным источникам — более чем на 2 млрд. долл.). Торговые балансы Венгрии, Польши и Чехословакии за I квартал этого года имели активное сальдо, понизился дефицит баланса Румынии. Однако за такими на первый взгляд позитивными явлениями кроются неблагоприятные реальные внутрихозяйственные процессы.

Согласно прогнозу Экономической комиссии ООН для стран Европы, в 1992 г. приток в регион иностранных ресурсов снизится из-за сокращения многосторонних правительственных кредитов. Дело в том, что предполагаемое увеличение вдвое (до 3 млрд. долл.) кредитов, предоставляемых Международным банком реконструкции и развития и новым Европейским банком, не сможет компенсировать сокращение кредитов МВФ, ВС, а также группы 24-х. Беспроблемными до сих пор можно считать отношения с МВФ лишь Чехословакии, Венгрии и, пожалуй, Болгарии: все три страны подписали с МВФ годовые соглашения о предоставлении кредитов. Однако открытие кредитов и в данном случае зависит от того, удастся ли (хотя бы приблизительно) соблюсти оговоренные условия экономической политики.

Таблица 1 Данные об экономических результатах стран Восточной Европы (изменения в процентах к предыдущему году, к его соответствующему периоду)

Россия	вып производство	ввп			
Чехословакия			1990 г.	,	
Румыния	$\begin{array}{c ccccccccccccccccccccccccccccccccccc$	-	$ \begin{array}{c c} -3.0 \\ -11.6 \\ -11.8 \\ -7.4 \end{array} $		 Чехословакия Польша Болгария Румыния

а Национальный доход.

Развитые страны

8. В развитых индустриальных странах в 1990—1991 гг. прервался процесс резкого подъема экономики, наблюдавшийся с 1982 г. В англо-

а Национальный доход.
6 За 5 месяцев.
В Наша оценка.
г За 4 месяца.
д Совокупное товарное производство (с услугами).
Источник: Национальные статистики, сообщения печати,

саксонских странах и в отдельных странах Северной Европы произошел спад производства. Замедление роста экономики характерно было и для остальной части Западной Европы, включая со второй половины 1991 г. и Германию, а также — по другим причинам — оно затронуло и Японию.

В упомянутых странах, за исключением Германии, находящейся в специфических условиях, с 1990 г. монетарная политика была смягчена. Улучшение положения, прогнозировавшееся уже в середине 1991 г., наструпило с опозданием, и в летние месяцы 1992 г. темпы роста еще невысоки и присущи далеко не всем странам, В регионе ОЭСР можно равным образом найти характерные черты состояния, близкого к застою, и выхода из спада. И ранее высокая безработица продолжает углубляться. В то же время инфляцию можно считать относительно умеренной, и темпы ее на короткую перспективу продолжают в некоторой степени снижаться.

Благоприятные факторы сказываются в первую очередь в США. На основе низких процентных ставок, а также уменьшения задолженности населения и предприятий можно считать вероятным оживление личного потребления, а позднее — инвестиций. Темпы роста экспортной деятельности удовлетворительны. Зато крупный дефицит госбюджета препятствует значительному повышению государственных расходов и заказов. В конечном итоге темпы роста экономики в 1992 г. будут низкими и могут ускориться лишь в 1993 г.

9. В ФРГ мощный подъем, связанный с воссоединением страны, в середине 1991 г. «выдохся», не ослабив напряженности, вызванной ростом темпов инфляции и дефицита госбюджета. Восточная Германия одновременно подвержена влиянию факторов как спада, так и оживления; причем тенденция к оживлению — при сохранении острых экономических и социальных проблем — в 1993 г. может в некоторой степени усилиться. Западногерманская экономика в условиях взятого на себя финансового бремени и значительно повышенных процентных ставок в начале 1992 г. находилась еще в состоянии застоя; с конца 1992 г. могут быть вновь созданы условия для медленного роста.

С середины 1991 г. тенденция замедления производства, а затем застоя охватила и *Японию*. В то время как снизились инвестиции предприятий, активное сальдо внешнеторгового баланса вновь повысилось. Снижение краткосрочных процентных ставок, стабилизация уровня цен на внутреннем рынке, стимулирующий эффект конкуренции на мировом рынке, а также правительственная программа инвестиций, направленных на развитие инфраструктуры,— все это вместе повлечет за собой, по всей вероятности, с конца 1992 г. и особенно в следующем году рост экономики в Японии.

В странах Западной Европы в 1991 г. ВВП в совокупности возрос лишь чуть больше, чем на 1%. Это сопровождалось высокой безработицей и умеренными темпами инфляции. Со второй половины 1992 г. можно ожидать некоторого оживления производства. Политика «дешевых денег», относительно благоприятное формирование уровня расходов и ожидаемый рост спроса на мировом рынке обещают на 1993 г. рост экономики в среднем на 2,5—3%. В ряде стран дефицит госбюджета ограничивает возможности более быстрого роста.

10. В первые месяцы текущего года в США, в большинстве европейских стран и в Японии продолжалось замедление темпов роста цен, и в начале лета уже и Германия сможет пройти пик инфляции. В ухудшающихся условиях занятости темпы роста номинальной заработной платы остаются низкими, реальная заработная плата не повышается, и таким образом снижение процентных ставок пока не стимулирует спрос. Это особенно присуще инвестициям, которые, за исключением Германии, во всем мире находятся в состоянии застоя.

Экономическая политика, стимулирующая спрос, видимо, и в будущем году не станет инфляционным фактором. В 1992—1993 гг. можно ожидать замедления темпов роста цен. Увеличение потребительских цен в странах ОЭСР в этом году составит в среднем 3,5—3,8%, в следующем году, вероятно, менее 3.5%.

Разница в процентных ставках в пользу германской марки по отношению к доллару является в первую очередь причиной того, что курс доллара по сравнению с его средним курсом в прошлом году, сложившимся на уровне 1,67 германской марки, ослаб, в первом полугодии его курс колебался в пределах 1,57—1,68 германской марки, Однако эффект дифференциации процентных ставок на формирование валютных курсов кажется все менее определяющим, очевидно, потому, что в короткой перспективе нельзя рассчитывать на значительные сдвиги национальных процентных ставок.

Конъюнктурные и инфляционные тенденции по отдельным странам также не отличаются в такой мере, чтобы это привело к четко выраженному понижению или повышению курса ведущих валют. На основе всего этого в текущем году мы рассчитываем на повышение курса доллара по отношению к германской марке аналогично прошлогоднему — на 3% или немного ниже. Факторы, влияющие на формирование валютных курсов относительная стабильность цен, состояние госбюджета, близкое к сбалансированности, и возрастающий актив внешнеторгового и платежного балансов в международном сопоставлении, — по всей вероятности, укрепляют позиции японской иены. Из всего этого следует, что ожидаемое незначительное повышение курса доллара по отношению к германской марке, а также к остальным западноевропейским валютам может сопровождаться в этом году его дальнейшей незначительной девальвацией по отношению к иене.

11. Усилившиеся в восточной части Европы националистические, дезинтеграционные процессы не могут оставить незатронутой и западную часть континента. В кругу стран ЕС усиливаются расхождения во взглядах, противоречия интересов в первую очередь в вопросах создания Европейского Союза, а также расширения Сообщества и перекройки карты Европы. Все это может привести и к замедлению процесса

Таблица 2 Экономический рост в регионе ОЭСР (прирост ВВП/ВНП в процентах к предыдущему году)

	1989 г. / 1990 г.	1991 г.	1000 - 2	1000 - 0
<u> </u>	1969 F. 1990 F.	1991 L.	1992 r.a	1993 г.а
ОЭСР — полностью	3,2 2,4 2,5 0,9 4,7 5,6 3,8 4,5 2,5 0,4 3,9 3,4 3,0 2,0 2,3 0,8 3,7 4,9 0,8 1,8	$\begin{array}{c c} 0,5^{x} \\ -0,7 \\ 4,4 \\ 0,2^{6} \\ -1,6 \\ 1,2 \\ 1,4 \\ -2,1 \\ 3,0 \end{array}$	1,7—2,0 1,5—1,9 1,8—2,5 1,5 2,2 1,8—2,0 1,4 0,8—1,1 2,0—2,4	2,7—3,0 2,3—2,7 3,5—4,0 3,2—3,6 2,4—2,6 2,5—2,8 1,8—2,0 2,8—3,5 2,7—3,2
Дания Финляндия Швеция Швециария Голландия	5,4 0,4 2,3 0,6 3,9 2,1 4,2 3,9	1,0 -6,1 -1,4 -0,5 2,4	2,5—2,8 6,0 —0,6 0,8 1,1	2,3—2,7 9,0 1,1 1,9 2,1

[•] Оценка на основе данных за первые три четверти года.

Источник: OECD Main Economic Indicators, 1992, IV, V.

а Собственный прогноз.
6 За 1989 г. и 1990 г.— Западная Германия, с 1991 г.— Германия (западногерманский рост в 1991 г.— 3.1%).

Таблица 3 Формирование ВНП и показателей спроса в странах ОЭСР (в процентах к предыдущему году)

	1989 г.	1990 г.	1991 г.
внп	3,2 2,8	2,4 2,4	0,5× 0,9×
Личное потребление Государственное потребле-		!	
ние	1,3 5,5	2,5 3,2 7,4	2,1* 2,1* 5,4*
Экспорт	8,7 9,1	6,1	2,0×

[🗴] Оценка на основе данных за первые три квартала года.

Источник: OECD Main Economic Indicators, 1992, IV, V.

интеграции. В то же время есть еще шансы на реализацию маастрихтского договора. Союз может быть создан уже в 1996 г., и его членами могут стать также Австрия и скандинавские страны. А более слабые члены Сообщества могут быть оторваны от процесса.

Третий мир

12. В развивающемся мире в этом году ожидается рекордный при рост ВВП— на 5—5,5%. Азиатские страны-локомотивы, вероятно, со хранят свою обычную форму, но в тех странах, показатели которых уже продолжительное время негативно влияют на средние показатели по третьему миру, также наблюдается подъем. Это особенно примечательно для целого ряда государств Ближнего Востока и Латинской Америки: в обоих регионах наблюдается определенный восстановительный бум.

После многих лет топтания на одном месте процесс выхода из долгового кризиса — по крайней мере в большинстве стран со средними доходами— в прошлом году действительно начался, и в текущем году он, вероятно, ускорится. В этом — помимо программ по стабилизации и восстановлению— важную роль играет и осознание странами ОЭСР того, что им нужны рынки развивающегося мира.

Достигнув в прошлом году прироста ВВП на 7%, Китай стал одной из наиболее быстро развивающихся стран мира, но на основе душевого ВНП, оцененного в 1991 г. в 335 долл., все еще является одной из наиболее бедных стран. Прирост промышленного производства в прошлом году составил 15%. Хотя наиболее динамичным сектором экономики является новое частное предпринимательство и в первую очередь совместные предприятия с участием иностранного капитала, подавляющая часть промышленного производства приходится на крупные государственные предприятия. Все явственнее проявляются признаки «перегрева» китайской экономики: неразвитая инфраструктура не в состоянии идти в ногу с быстрым расширением производства. В этом году следует считаться с замедлением темпов роста экономики Китая, с приростом ВВП приблизительно на 5,5%.

Мировая торговля

13. Темпы роста мировой торговли с 1989 г. неизменно понижались, и достигнутый в прошлом году 3-процентный рост был самым низким за последние 8 лет. В этом году ожидается поворот и рост объема торговли

на 4,5%, а в будущем году уже на 6%. Имевшийся в прошлом году весьма слабый — всего 1,5-процентный — прирост стоимости международной торговли объясняется *понижением уровня цен*, выраженного в долларах, *на* 1,5%, что, в свою очередь, объясняется весьма значительным спадом цен в основном на нефть, а также на сырье и исходные материалы.

Соотношение индекса экспортных и импортных цен и в 1991 г. складывалось благоприятно с точки зрения экспортеров промышленных изделий, экспортеры же нефти, страны, зависящие от экспорта сырья и полуфабрикатов, понесли значительные убытки. В этой области изменение ожидается лишь к концу текущего года и далее в 1993 г.

Вероятно, и в 1992 г. наиболее динамичной будет внешняя торговля стран Юго-Восточной Азии и Латинской Америки, но возрастет спрос на импорт и в странах ОЭСР.

Продолжение конфликта между США и Европейским сообществом по вопросам торговой политики препятствует успешному окончанию переговоров в рамках ГАТТ, зашедших в тупик. Холодный прием, оказанный американской стороной новейшей брюссельской концепции реформ, касающейся совместной аграрной политики ЕС, и предусматриваемые США репрессивные меры ставят под сомнение возможность быстрого и успешного окончания Уругвайского «раунда».

14. Почти на всех рынках сырья и полуфабрикатов в 1991 г. наблюдалось значительное понижение цен. Хотя к концу года положение немного улучшилось, в I квартале текущего года вновь окрепли негативные тенденции. Для большинства сырьевых рынков характерны пониженные цены из-за перепроизводства и больших запасов. Международные товарные соглашения, за небольшим исключением, в течение ряда лет недееспособны, и усилия, предпринятые с целью их возобновления, также до сих пор не дали результатов. Среди товарных групп по сельскохозяйственному сырью и пищевкусовым продуктам наблюдается непрерывный спад цен, в то время как на отдельных продовольственных рынках и рынках цветных металлов проявляются обнадеживающие тенденции стабилизации цен. Предполагаемое во второй половине этого года коньюнктурное оживление может приостановить продолжавшееся в течение ряда лет снижение цен на сырье.

Цены на нефть понизились в 1991 г. в среднем более чем на 15%. Эта тенденция в начале 1992 г. еще продолжалась, но с марта начался относительно постепенный рост цен. Мировое потребление нефти в 1992 г. повысится, вероятно, в весьма незначительных размерах, приблизительно на 1%. Так как добыча нефти в странах вне ОПЕК в этом году продолжает понижаться, политика стран ОПЕК сыграет решающую роль в формировании цен. В течение этого года на динамику цен наибольшее влияние окажут совещания ОПЕК по определению квот, а также предположения о добыче и экспорте нефти Ираком, Ливией и бывшим СССР. В остающейся части года цена за баррель нефти сорта «Брент» останется, вероятно, в пределах 19—21,5 долл.

ОБ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ*

Состояние промышленного производства

Во втором полугодии 1992 с резко возросли темпы сокращения промышленного производства. Если в январе — июне по сравнению с соответствующим периодом прошлого года производство сокращалось ежемесячно в среднем на 13—15%, то в июле падение составило 21,5%, а в августе оно достигло 27,2%. В целом за 8 месяцев производство снизилось на 16,6%.

В основном производство осуществлялось ради производства, то есть было самоцелью. Такой экономический регулятор, как «спрос на продукцию», практически еще не «работал». По данным обследования, проведенного Центром, на 67% промышленных предприятий происходил рост запасов готовой продукции, а на 17% они остались на том же уровне. Снижению спроса и возникновению кризисного положения в этой сфере способствовало развитие конверсионных процессов, сокращение активности в инвестиционном комплексе, отказ села от дорогостоящей техники, низкое качество товаров народного потребления.

Одним из основных факторов, начавших оказывать влияние на объемы и темпы промышленного производства, стало изменение системы расчетов за потребляемую продукцию — предоплата. Расценивая введение предоплаты как явно несвоевременную, запоздалую меру, приведшую в условиях обострившегося кризиса к опустошению расчетных счетов предприятий, тем не менее можно констатировать, что переход на новую систему платежей в конечном счете приведет к оздоровлению воспроизводственной сферы: а) прекратится инерционность поставок продукции без соответствующего финансово-кредитного покрытия; б) ликвидируется полный разрыв материально-вещественного оборота от финансового; в) меновые отношения между предприятиями будут развиваться по типу товарно-денежных; г) у предприятий появятся финансовая дисциплина и ответственность за совершаемые коммерческие операции.

В топливном комплексе добыча угля сократилась в январе — августе по сравнению с соответствующим периодом прошлого года на 4%, в том числе в августе — на 11%. По расчетам Центра, общий объем добычи угля в России в 1992 г. составит 342 млн. т. Добыча нефти за 8 месяцев сократилась на 14%, на промыслах бездействует 13% эксплуатационного фонда нефтяных скважин.

Сокращение объемов добычи угля и нефти в прежние годы компенсировалось приростом объемов добываемого газа. В январе — августе 1992 г. добыча газа снизилась по сравнению с соответствующим периодом прошлого года на 0,9%. В августе добыча газа сократилась на 1,4 млрд. куб. м (на 3%). Прогнозные расчеты показывают, что объем добычи нефти и газового конденсата в 1992 г. не превысит 397 млн. т, а газа — 642 млрд. куб. м.

В январе — августе объем выработки электроэнергии сократится на 4%, в том числе на тепловых электростанциях, обеспечивающих ³/₄ производства электроэнергии,— на 7%.

В черной металлургии в августе продолжал нарастать спад производства. В июле снижение выпуска основных видов металлопродукции

^{*} Аналитическая записка подготовлена Центром экономической конъюнктуры и прогнозирования (бывш. ГВЦ Госплана) при Министерстве экономики России по заказу Правительства РФ. Публикуется с небольшими сокращениями.

составило 21%, в августе спад производства готового проката достиг 26%, стальных труб —32%. По прогнозным расчетам, объем выпуска готового проката в 1992 г. составит не более 47 млн. т. Высокие цены на металлопродукцию привели к снижению спроса на металл и, как следствие, к уменьшению объемов его производства. Кроме того, снижение производства металлопродукции в определенной степени вызвано спадом инвестиционной активности, а также сокращением выпуска военной техники

В машиностроении в августе 1992 г. суточный выпуск ряда важнейших видов продукции был самым низким в текущем году. В их числе металлорежущие станки, кузнечно-прессовые машины, льноуборочные комбайны, башенные краны грузоподъемностью 8 т и выше, тракторные прицепы. Их производство в январе — августе 1992 г. относительно того же периода прошлого года сократилось на 20—57%. Выпуск электродвигателей переменного тока, зерноуборочных комбайнов, тракторов, экскаваторов, грузовых вагонов сократился на 26—33%, кранов на автомобильном ходу и подшипников качения — на 14—16%. Следует отметить, что- одной из важнейших причин сокращения выпуска многих видов машиностроительной продукции является уменьшение спроса вследствие низких потребительских свойств, изменения структуры производства, а также завышения цен предложения, полностью игнорирующих рыночные условия. Стремление предприятий поддержать производство на минимальном уровне, обеспечивающем занятость работающих, но при экономически неоправданных ценах предложения, служило инструментом спекулятивного давления на правительство, нагнетания социально-экономического напряжения.

В августе 1992 г. нарастала тенденция спада в химической промышленности. Выпуск химических волокон и нитей в августе был наименьшим за истекший период года и составил 86% к уровню предшествующего месяца. За 8 месяцев с. г. отставание в их производстве от прошлогоднего уровня составило 45 тыс. т, или 12%.

Аналогичная ситуация сложилась с выпуском минеральных удобри. Среднесуточный выпуск их в августе 1992 г. сократился по сравнению с августом прошлого года почти на Уз- За 8 месяцев отставание от прошлогоднего уровня достигло 1,7 млн. т (17%), в том числе в производстве азотных —485 тыс. т (11%), фосфатных — 990 тыс. т (33%), калийных удобрений — 201 тыс. т (9%).

В лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности в августе уровень производства большинства видов лесопродукции был ниже июльского. За 8 месяцев по сравнению с аналогичным периодом прошлого года производство деловой древесины сократилось на 16,6 млн. куб. м (12%), в том числе кругляка — на 13 млн. куб. м (11%). Возрастающая несбалансированность между сырьевой базой и перерабатывающими производствами привела к сокращению на 21—38% производства рудничной стойки, шахтного обапола, переводных брусьев, деревянных домов заводского изготовления, на 12—20% —пиломатериалов, клееной фанеры, шпал для железных дорог широкой колеи, оконных и дверных блоков.

Прогнозные расчеты показывают, что объем производства деловой древесины в 1992 г. не превысит 167 млн. куб. м.

Продолжает ухудшаться положение в целлюлозно-бумажной промышленности, вызванное необеспеченностью древесным сырьем, химикатами, макулатурой, импортными запчастями к оборудованию (импортное оборудование составляет 30% всего установленного). Суточное производство бумаги и картона в августе было самым низким за истекший период, по сравнению с июлем оно сократилось соответственно на 15% и 14%.

В промышленности строительных материалов в августе среднесуточный выпуск мягкой кровли, изола, оконного стекла, линолеума был выше уровня предыдущего месяца. Суточное производство цемента, шифера, строительного кирпича, сборного железобетона по сравнению с июлем снизилось на 2—3%- Отставание к прошлогоднему уровню за период с начала года по ним составило 6—20%.

В условиях спада инвестиционной активности сокращение спроса повлекло за собой дальнейшее снижение выпуска материалов для строительства объектов производственно-технического назначения — сборных железобетонных конструкций и изделий, стальных стеновых и кровельных панелей, конструкций из алюминиевых сплавов. В январе — августе их выпуск сократился на 20—29%.

По мнению руководителей предприятий, участвовавших в обследовании некоторых отраслей промышленности, проведенном нашим Центром, до конца 1992 г. будет наблюдаться дальнейший спад производства во всех обследованных отраслях.

Наибольшее снижение выпуска продукции намечается в химической, легкой, машиностроительной промышленности и промышленности строительных материалов. На уровне первого полугодия нынешнего года ожидается спад производства в мясной, пищевой и полиграфической промышленности. Незначительное оживление до конца года по сравнению с первым. полугодием 1992 г. ожидают в своей отрасли руководители предприятий мукомольно-крупяной промышленности. На фоне падения спроса на «свою» продукцию 79% руководителей

На фоне падения спроса на «свою» продукцию 79% руководителей предприятий отмечают, что цены на нее до конца года повысятся, 18% предполагают сохранить цены первого полугодия.

В условиях ужесточения финансово-кредитной политики предполагается сокращение собственных финансовых ресурсов предприятий. До конца года будет происходить снижение доли предприятий, пользующихся банковским кредитом.

Около 90% респондентов (суммарно) предполагают снижение уровня использования производственных мощностей или в лучшем случае использование их до конца года на уровне первого полугодия. Лишь 9% руководителей в основном малых и средних предприятий предполагают увеличить использование мощностей.

До конца года прогнозируется некоторое снижение запасов сырья и материалов. Однако это снижение не будет очень заметно на фоне высокой базы первого полугодия, когда 57% респондентов отметили увеличение запасов сырья.

Обнадеживающе выглядят намерения руководителей 54% предприятий, которые предполагают стабилизировать или увеличить производство. Характерно, что усиление деловой активности, попытки увеличить выпуск продукции будут сопряжены с ориентацией производства на сбыт, на реальное потребление. До конца года на 38% предприятий запасы готовой продукции останутся на уровне предшествующего полугодия, на 22% предприятий — снизятся. Доля предприятий, ориентирующихся на рост запасов готовой продукции, сократится к концу года в 2 раза (по сравнению с первым полугодием).

Аграрный сектор

Ожидаемый *валовой сбор зерна* в весе после переработки в 1992 г. составит 97—99 млн. т, что на 8—10 млн. т превысит урожай прошлого года. Такого количества зерна недостаточно для покрытия всех расходных статей (корма, личное потребление, семена). Дефицит зерна в размере 19—21 млн. т придется покрывать за счет импорта.

К 7 сентября 1992 г. в государственные ресурсы поступило карто-

феля в 3 раза меньше, чем год назад, овощей — почти в 2 раза, плодов и ягод — на $^{1}/_{3}$. Из числа овощных культур огурцов по сравнению с прошлым годом закуплено на 30% меньше, помидоров — наполовину.

Сокращение государственных заготовок картофеля и овощей способствует все большей переориентации потребителя с государственного сектора торговли на рыночный и кооперативный. Одновременно растет уровень самообеспечения населения этими продуктами. Расширяются посевы картофеля и овощей на садово-огородных участках ив личных подсобных хозяйствах населения. Так, в настоящее время население производит более 72% картофеля.

Ситуация в животноводческом комплексе остается сложной и противоречивой. По данным на 1 июля, сокращение поголовья скота приостановлено. Однако в общественном и частном секторах тенденции носят противоположный характер. Раздел собственности при перерегистрации хозяйств приводит к сокращению поголовья скота в колхозах и совхозах и к росту в личных приусадебных хозяйствах и на фермерских подворьях.

По сравнению с 1991 г. закупочные цены на скот и птицу, молоко и яйца возросли в 4—6 раз.

Либерализация розничных цен и ее влияние на доходы и уровень жизни населения

В январе — августе 1992 г. по сравнению с тем же периодом 1991 г. потребительские цены на товары народного потребления и услуги увеличились в 12 раз. Индекс потребительских цен на товары народного потребления и услуги за январь — март 1992 г. по отношению к декабрю 1991 г. составил 619%.

Изменение цен на различные группы потребительских товаров в январе — августе 1992 г. проходило неоднозначно. На продовольственные товары, на которые были установлены коэффициенты регулирования цен (молоко, сахар, соль, растительное масло, некоторые сорта хлеба и др.), цены в январе выросли сразу в 2,7—3,5 раза. Однако вынужденная отмена предельных коэффициентов вызвала рост цен на эти продукты питания. Значительный всплеск роста цен на 30—70% произошел в апреле и июне на муку и хлебобулочные изделия за счет полной или частичной отмены дотаций в разных регионах России.

Рост цен на продовольствие за январь — июль составил 6,6 раза, в том числе по продуктам питания, где осуществлялось регулирование цен, это увеличение равно 5,9 раза, а по товарам, реализуемым по свободным ценам,— 12,7 раза.

Розничные цены на непродовольственные товары за январь — август нынешнего года по сравнению с ценами декабря 1991 г. выросли более чем в 12 раз. Заметное влияние на рост цен стали оказывать цены и объемы реализации в коммерческой торговле.

По данным выборочного обследования, доля поставок через оптовое звено торговли в общем объеме завоза товаров в магазины государственной торговли сократилась в среднем по России с 68% в прошлом году до 54% в текущем, в Новгороде — с 87 до 57, в Волгограде — с 68 до 47, в Смоленске — с 56 до 28%. Одновременно растет удельный вес поступлений товаров в результате прямых связей с предприятиями-изготовителями (с 18 до 21%), на основе самостоятельных закупок и бартерных операций (с 9 до 17%), через биржи и по прочим источникам (с 4 до 7%).

За указанный период времени уровень цен и тарифов в сфере платных услуг, оказываемых населению, вырос в 6 раз. Такое значительное повышение цен имеет негативные последствия и влечет за собой резкий отток заказчиков.

Исследования Центра, свидетельствуют о том, что уровень жизни населения в июле текущего года снизился против соответствующего периода 1991 г. примерно на 20—25%.

При этом учитывалось, что уровень жизни населения определяется не только текущими денежными доходами и потреблением, но и денежными сбережениями, количеством и качеством накопленного домашнего имущества, жильем, услугами здравоохранения и просвещения, землей в пользовании, в конечном счете — соотношением потребностей граждан и возможностей их удовлетворения. Кроме того, необходимо принимать во внимание то, что действительный уровень потребительских цен в 1991 г. из-за существенной роли «черного рынка» был выше, чем по официальной статистике, а часть текущих доходов и, накопленных сбережений населения не могла быть направлена на приобретение необходимых материальных благ и оплату услуг из-за товарного дефицита.

Потребительские расходы населения в январе — августе 1992 г. выросли до 1,5 трлн. руб., став в 5,5 раз выше, чем за соответствующий период прошлого года. При этом в физической массе населением приобретено товаров и услуг на 42% меньше.

В текущем году по сравнению с прошлым потребление населением мясных продуктов снизилось на 13%, молока и молочных продуктов — на 19, рыбы и рыбопродуктов — на 18%. На 31% уменьшилось потребление фруктов и ягод, на 18% —сахара и кондитерских изделий. Дороговизна, а также недостаток в продаже одежды и обуви привели к сокращению покупок в 2—2,5 раза.

Ухудшилось против прошлого года качество питания населения. Калорийность суточного рациона питания в первом полугодии 1992 г. составила 2401 ккал, что на 5% меньше, чем в прошлом году, в основном за счет снижения энергетической емкости в продуктах животного про-исхождения (на 12%).

Сложнее стало получить квалифицированную медицинскую помощь. На нужды здравоохранения в текущем году, по оценке Минздрава России, выделено из федерального и местных бюджетов 60—65% средств, необходимых для поддержания отрасли хотя бы на уровне, сложившемся к 1991 г. Все острее ощущается дефицит лекарственных препаратов, организации нормального питания больных, обеспечения амбулаторнополиклинических учреждений и больниц инструментами, оборудованием, материалами.

Стоимость минимально допустимого потребительского набора в июле 1992 г. оценивалась в 2400 руб. в среднем на человека {для пенсионера—1920 руб.}. Распределение населения по среднедушевому доходу за июль с. г. показало, что половина населения России имела Доход ниже прожиточного (физиологического) минимума. Действующий в настоящее время уровень минимальной заработной платы (900 руб.) лишь на 40% обеспечивал стоимость этого набора (в 1991 г.— на 80%, в 1990 г.—на 83, в 1989 г.—на 88%).

Усилилось расслоение общества по уровню материального достатка. Так, если в 1991 г. среднедушевые доходы 10% наиболее обеспеченного населения превышали уровень доходов такой же доли наименее обеспеченного населения в 5,4 раза, то во II квартале 1992 г. эта величина достигла 6,5.

Денежные доходы населения в Российской Федерации в январе — августе текущего года составили 2478 млрд. руб. и выросли к уровню соответствующего периода 1991 г. в 5,3 раза. В то же время это увеличение лишь на 60% компенсировало повышение цен на товары и услуги. Текущее потребление населением материальных благ сократилось на 40%.

Намеченные правительством меры по централизованному повыше-

нию оплаты труда в бюджетных организациях, пенсий и других социальных выплат, с одной стороны, несколько укрепят материальное положение большей части населения, однако, с другой стороны, безусловно вызовут дальнейший рост цен, прежде всего на товары массового спроса, что «ударит» по наименее обеспеченным социальным группам.

Оптовые и потребительские цены

Либерализация цен привела к резкому их росту как в потребительском секторе, так и в производственном, ставя в худшее положение производителя конечной продукции, который испытывает на себе давление растущих цен на сырье, материалы и комплектующие изделия и частые отказы потребителей от приобретения готовой продукции.

Однако динамика оптовых цен производителей была крайне неоднородной. В значительной мере превышение общего роста цен в промышленности отмечалось на предприятиях нефтехимической промышленности, где их рост составил 11,5 раза, цветной и химической промышленности— 6 раз. В ІІІ квартале 1992 г. наметилась тенденция замедления темпов роста оптовых цен на промышленную продукцию. Среднемесячный рост цен в июле — августе составил 15%. При этом в августе наблюдался самый низкий в текущем году темп роста оптовых цен (13%). Некоторая стабилизация цен в промышленности стала закономерным следствием тех изменений, которые произошли в ценовом поведении производителей в течение года. После необоснованно резкого всплеска цен в январе — феврале этого года их уровень не стабилизировался, а продолжал постоянно расти в предвидении предстоящей либерализации или повышения цен на энергоносители.

В итоге нового административного повышения цен на энергоресурсы их средний уровень в июне 1992 г. превысил среднегодовой уровень цен прошлого года по газу и нефти соответственно в 14 и 26 раз, углю— в 42 раза, маслу смазочному — в 44 раза, бензину — в 39 раз. В результате цены на многие виды продукции и в первую очередь промежуточного потребления (металлы, пластмассы, химические волокна, шины и резинотехнические изделия, краски и др.) достигли предела своего роста при существующем уровне финансовых и кредитных ресурсов предприятий. Рост цен на продукцию металлургического и химико-лесного комплекса в августе по сравнению с июлем текущего года существенно замедлился и составил в среднем 9% (во II квартале с. г.—27%).

Оптовые цены на машиностроительную продукцию в последние месяцы также имели тенденцию к росту. Так, в августе по сравнению с июлем этого года на 30—60% подорожали отдельные виды продукции, уровень цен которых в мае — июле оставался неизменным. Среди них — комбайны проходческие, лифты, скреперы, бульдозеры, пресс-подборщики и др. Существенно (в 1,7 раза) повысились цены на легковые автомобили, пользующиеся устойчивым спросом населения. Под влиянием роста затрат на сырье, материалы и комплектующие изделия, с одной стороны, и роста денежных доходов населения в III квартале — с другой, в 1,4—1,5 раза повысились в июле — августе оптовые цены на отдельные товары культурно-бытового назначения, выпускаемые машиностроительными предприятиями (электропылесосы, велосипеды, мотоциклы, магнитофоны, радиоприемники и др.). Ежемесячный рост оптовых цен в целом на машиностроительную продукцию в июле — августе с. г. составил 15—16%.

В прошедшие два месяца не произошло существенных изменений в динамике оптовых цен на продукцию легкой промышленности: среднемесячный рост цен в июле — августе составил 7%. По отдельным видам товаров первой необходимости, в производстве которых допущен наи-

больший спад (хлопчатобумажные и шерстяные ткани, отдельные виды швейных изделий и трикотажа, особенно детского, обуви и Др.), рост оптовых цен был несколько большим (10—20%).

Начало массовых закупок зерновых культур урожая 1992 г. по ценам, в 25—30 раз превышающим уровень цен 1991 г., стало сказываться на уровне оптовых цен на продовольствие. В августе по сравнению с июлем в 1,7 раза повысились цены на продукцию мукомольно-крупяной промышленности (мука пшеничная, ржаная, отдельные виды круп и др.). В таких регионах, как Ставропольский край, Ростовская область, оптовые цены на продукцию мукомольно-крупяной промышленности увеличились в 4—8 раз.

В условиях резкого увеличения массы наличных денег в обращении и переориентации спроса населения на преимущественное приобретение продуктов питания рост оптовых цен на продукцию пищевкусовой промышленности в III квартале не прекрашался. В августе общий уровень цен на продукцию отрасли поднялся на 24%, в том числе на продукцию масло-жировой, винодельческой, плодоовощной промышленности —на 35—46%. В связи с резким обострением проблем снабжения сырьем, особенно импортного производства, существенно (на 59%) повысились цены на табачные изделия. Очевидно, что и в последующие месяцы общий рост цен будет в значительной степени определяться динамикой цен на продовольствие и увеличением денежных доходов населения. Таким образом, до конца года может сложиться опережение темпов роста розничных и, следовательно, оптовых цен, на потребительские товары над темпами роста оптовых цен в остальных отраслях промышленности. Повышение уровня цен всей промышленной продукции, по расчетам Министерства экономики РФ, составит в среднем 2000—2100% к уровню 1991 г.

О внешнеэкономической деятельности

К сентябрю текущего года, по данным Госкомстата России, масштабы внешнеэкономической деятельности продолжали снижаться.

В январе — августе 1992 г. внешнеторговый оборот России составил 42,7 млрд. долл. и по сравнению с соответствующим периодом прошлого года уменьшился на 28%, в том числе оборот с промышленно развитыми странами составил 25,5 млрд. долл. и сократился на 23%; развивающимися странами — 5,6 млрд. долл. (на 20%); с бывшими странами—членами СЭВ — 7,9 млрд. долл. (на 48%). В общем объеме товарооборота на долю развитых и развивающихся стран приходилось 73% (в январе—августе прошлого года — 67%).

В январе — августе предприятия и организации России экспортировали товаров на 21,6 млрд. долл., или на 34% меньше соответствующего периода прошлого года, в том числе в августе — на 3,2 млрд. долл. (на 31% меньше).

За исследуемый период экспорт нефти составил 31,7 млн. т и уменьшился на 13%, газа — 57,5 млрд. куб. м и уменьшился на 3,7%. В 1,3—1,5 раза сократились поставки продуктов переработки нефти, аммиака, калийных удобрений, клееной фанеры; в 1,8—2,0 раза — машин и оборудования, пиломатериалов, чугуна, ферросплавов; в 2,5 и более раз — железных руд и концентратов, кокса и полукокса, фосфорных удобрений, необработанных лесоматериалов.

В общем объеме экспорта на долю энергоносителей приходилось более 50%, машин, оборудования и транспортных средств—8,8%.

Объем импорта России в январе—августе 1992 г. составил 21,1 млрд. долл. и сократился по сравнению с соответствующим периодом

прошлого года на 21%, в том числе в августе —1,9 млрд. долл. (снижение на 45%).

Импорт машин и оборудования составил 7,0 млрд. долл. и уменьшился на 22%. В общем объеме импорта на долю машин и оборудования приходилось 33%.

Сальдо внешней торговли России в январе — августе было положительным (0,5 млрд. долл.). Но его сумма оказалась существенно меньшей, чем за 8 месяцев прошлого года (6,0 млрд. долл.).

Основными торговыми партнерами российских предприятий и организаций в отчетном периоде были страны Европы—68% внешнеторгового оборота России, на долю стран Азии приходился 21% оборота, Африки—2, Америки — 9, Австралии и Океании — 0,1%. В торговле с США и Канадой имеется значительный дисбаланс. Импорт из США превосходит экспорт в 3,9 раза, импорт из Канады больше, чем экспорт, в 8,7 раза. Доля восточно-европейских стран в товарообороте России снизилась с 25% в январе — августе 1991 г. до 19% в январе — августе 1992 г.

В январе — августе этого года в рамках бартерных операций товарооборот российских предприятий и организаций был оценен в 3,6 млрд. долл., или 8,4% всего внешнеторгового оборота России. Основными торговыми партнерами в торговле по бартеру были предприятия, организации, фирмы Китая, Польши, Чехословакии, Венгрии, Италии.

В январе — августе совместные предприятия, расположенные на территории России, произвели продукции и оказали услуг на 90 млрд. руб. Ими было экспортировано товаров и услуг на 1324 млн. долл., импортировано на 968 млн. долл., реализовано товаров и услуг на валюту на 293 млн. долл., на рубли — на 41 млрд. руб.

Учитывая сложившиеся тенденции в январе — августе с. г., ожидается, что в 1992 г. объем экспорта по сравнению с 1991 г. уменьшится на 35—40 %, импорта — на 18—20 %.

РЕФОРМА ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ

Становление реального государственного и экономического суверенитета Республики Казахстан идет сложно. Экономику охватил глубокий кризис, характеризующийся спадом производства и резким снижением уровня жизни населения. За четыре месяца текущего года произведенный национальный доход сократился более чем на 25%, объем производства в промышленности — на 13%. Уменьшился выход животноводческой продукции, сложной остается ситуация в строительстве, на транспорте. Складывается критическое положение в финансово-кредитной сфере и денежном обращении. Во весь голос заявили о себе проблема взаимных неплатежей и острейший дефицит наличности. Сводный индекс розничных цен и тарифов на товары народного потребления и платные услуги населению за январь—апрель текущего года по отношению к тем же месяцам прошлого года составил 635,1%- Между тем среднемесячная зарплата рабочих и служащих возросла за этот период в 3,5 раза, в том числе в непроизводственной сфере — в 4,3.

Вступая в 1992 г., предприятия фактически не имели полной информации о новом хозяйственном механизме, ценах, налогах, экономических нормативах; стало быть, не могли определиться в экономическом поведении, спланировать свою деятельность. Отсутствие необходимых межгосударственных решений затормозило возможность сформировать портфель заказов и договоров. Вполне естественно поэтому, что в декабре прошлого года правительство усиленно занималось заключением двусторонних межправительственных соглашений по поставкам товаров и продукции производственно-технического и социально-культурного назначения. Не мог не сказаться на обострении ситуации и тот факт, что республика вступила в новый этап реформы в зимний период, собрав к тому же один из самых низких урожаев зерна за всю историю. Впервые республика закупила хлеб за границей, израсходовав на это более 200 млн. долл.

В таких условиях правительство пошло на радикальные меры в финансово-кредитной и денежной сферах, инвестиционной и социальной политике. С 1992 г. впервые в государственном секторе отошли от директивного плана, заменили его системой государственного заказа, введена практически новая, во многом непривычная система налогов и обязательных платежей.

Важной составной частью проводимых реформ стало изменение подходов в области заработной платы *в* отраслях материального производства. Впервые были сняты и административные ограничения по ее росту и абсолютному размеру для государственных предприятий. Тем самым был сделан шаг к решению основной задачи формирования многоукладной экономики—обеспечение равенства всех форм собственности.

Серьезной корректировке подверглась бюджетная и кредитная политика. По целому ряду видов продукции и услуг отменено возмещение разницы в ценах и сокращены бюджетные дотации предприятиям. Изменена инвестиционная политика, устранено бюджетное финансирование капитальных вложений. Значительно повышена процентная ставка за централизованные кредитные ресурсы, усилена ответственность за кредитную эмиссию. И самое главное — демонтирован механизм административного установления цен на товары, продукцию и услуги. С учетом ранее проведенных мероприятий осуществлена либерализация около 90% розничных и свыше 80% оптовых цен. В сфере государственного регулирования остались цены только на 14 видов продовольственных товаров, на энергоносители, а также тарифы на транспорте и на отдельные услуги населению.

Направления реформы взаимосвязаны с дальнейшей перестройкой и совершенствованием организационных структур управления и государственного регулирования экономики, создан ряд новых государственных органов, необходимых для обеспечения полноценной государственности. В преддверии январских шагов по либерализации цен Кабинет министров принял упреждающие меры по дополнительной социальной защите граждан. Были пересмотрены минимальные уровни оплаты труда и пенсий. По согласованию с Верховным Советом республики государственное дотирование получил более широкий перечень товаров первой необходимости, нежели, скажем, в России. Усовершенствована система выплат пособий, и увеличен их размер. Серьезную материальную поддержку получило студенчество. Начался также пересмотр размеров пенсий.

Однако большинство указанных мер осуществлялось медленно. Органам исполнительной власти и правительству не хватало организованности, порой давали о себе знать некомпетентность кадров и слабая исполнительская дисциплина. Не отрицая критики за упущения и недостатки в денежном обращении и области кредитов, в реализации антимонопольной политики и подготовке кадров новой формации, создании и развитии рыночной инфраструктуры, разгосударствлении и приватизации, в формировании новых организационных структур в производстве, правительство, по существу, было лишено достаточных полномочий в некоторых ведущих и принципиальных направлениях реализации реформы, не имело соответствующих рычагов влияния на эти процессы.

Первые итоги проведения реформы позволяют наметить реальные меры на ближайшее время по ее углублению и решению встающих перед республикой задач. Среди этих мер выделим наиболее важные.

Правительство предлагает уточнить идеологию ценообразования и формирования фонда оплаты. Предусматривается нормативно установить элементы затрат и издержек производства, относимых на себестоимость, усилить экономическими методами упорядочение процесса ценообразования и доходов. Кабинетом министров Республики Казахстан принято постановление о регулировании повышения заработной платы в зависимости от роста объемов производства на предприятиях всех форм собственности. Намечается изменить шкалу налогообложения с доходов граждан. Соответствующие предложения внесены в Верховный Совет республики.

Принято решение правительством о двукратном повышении заработной платы в бюджетных организациях. В результате проводимых мер на 1 июня заработная плата составила в сфере материального производства 2100 руб., а в непроизводственной сфере— 1960 руб. Средняя заработная плата в здравоохранении возросла по сравнению с ее уровнем на начало прошлого года в 9,9 раза, в народном образовании — в 9,8 раза, в государственном управлении — в 8,8 раза. Говоря о социальной защите работников с фиксированными доходами, следует отметить, что сделанного по повышению зарплаты недостаточно. Но это предел того, что может дать экономика в условиях кризиса и падения национального дохода. Следующее повышение заработной платы всем бюджетным сферам будет проведено в сентябре — октябре текущего года. Принято решение по введению нового порядка оплаты отпусков, исходя из повышенных тарифных ставок и окладов за истекшие два месяца. Большую работу по решению социальных вопросов проводят главы администраций, вводя различного рода доплаты и льготы из местных бюджетов.

Одна из проблем — оплата аппарата управления. Мы хронически боимся платить аппарату столько, сколько он должен стоить. Можем ли мы в такой ситуации сохранить и собрать в правительстве, министерствах, органах власти и управления лучшие умы, знакомые не только с аппаратными тонкостями, но и с реалиями жизни, рыночных преобразований? Сказать трудно, потому что происходит явный отток из аппарата управления наиболее способных руководителей, исполнителей в различные коммерческие структуры. Между тем аппарат управления — это национальное достояние государства и требует к себе бережного отношения. Безусловно, правительство предпримет меры по сокращению расходов на управление, будет серьезно работать над формированием оптимальных структур, имея очень интересное заключение МВФ об органах управления республики. Но аппарату надо достойно платить.

Важная мера дальнейшего осуществления реформ — *дополнение* механизмов экономического регулирования цен административными в отношении предприятий-монополистов. Имеется в виду ограничить уровень рентабельности их продукции, осуществить дифференциацию рентабельности по отраслям и уточнить антимонопольное законодательство в части ужесточения мер воздействия на монополистов.

Национальный государственный банк в острейшей ситуации с неплатежами должен в сжатые сроки *организовать работу по взаиморасчетам внутри республики* (это около 60 млрд. руб. взаимных неплатежей) и *активнее действовать в направлении межгосударственных зачетов*. Принятое в середине мая в г. Бишкеке решение всех национальных банков СНГ о переходе на оплату через аккредитивы и предварительную оплату поставок, думается, позволит решить проблему с Прохор платежных документов.

В условиях углубления кризиса обеспеченности налично-денежными средствами правительство предполагает: расширить безналичные расчеты, постепенно переходить на применение чеков и кредитных карточек, резко сократить оборот наличности; ускорить возврат денег от населения, прежде всего от его высокооплачиваемых групп, путем массовой закупки за валюту качественных товаров народного потребления; поддержать рублевую зону, придав полновесность этой общей валюте. В то же время будут создаваться все необходимые условия, надлежащие механизмы для введения в оборот национальной валюты.

Одна из сложных задач экономики — реформирование организации структур в производстве. Время отраслевых концернов, сыгравших на первом этапе реорганизации структур управления свою положительную роль, прошло. Начался процесс становления нового типа промышленнофинансовых групп, многоотраслевых корпораций и концернов, холдингов. В республике должно быть 10—15 крупных диверсифицированных промышленно-финансовых групп (корпораций), связанных экономическими интересами, с едиными акциями и долей государства. Только они могут выжить в трудное время перестройки.

В связи с неэффективностью выполнения межправительственных соглашений по поставкам, отсутствием конкретных механизмов до их реа-

лизации правительство предусматривает в ближайшее время пересмотреть в сторону существенного снижения номенклатуру госзаказа. Предполагается в госзаказ включать ограниченный перечень товаров, имеющих стратегически важное значение, а все остальное не регламентировать.

Решить проблемы, связанные с жесткой финансово-кредитной политикой, погашением инфляции и стабилизацией, невозможно без внешнего импульса, а именно, без привлечения иностранного капитала. Правительством республики предложены приоритеты вложения иностранных кредитов и инвестиций: приобретение технологий; экспортные отрасли и импортзамещающие производства; переработка сельскохозяйственной продукции; транспорт, связь и инфраструктура; отдельные виды стройматериалов; туризм; подготовка кадров.

На мировой рынок республика может и должна выходить не только как поставщик сырья, но и как производитель продуктов его переработки. Это позволит существенно повысить экспортный потенциал, а в дальнейшем перейти к следующему этапу -г- формированию еще более глубоких переделов и сложных производств. Тем самым, имея в руках сырье, мы потенциально способны поэтапно расширять свое присутствие на мировом рынке и в два-три года удвоить экспорт. Второе направление нашего прорыва на мировой рынок — продукция сельского хозяйства. Правительство намерено перейти на торговлю зерном нового урожая в свободно конвертируемой валюте или в рублях по мировым ценам. В этой связи ставится задача привлечения иностранных технологий в зерновое производство и животноводство для решения триединой задачи: сократить посевные площади под зерно, но за счет урожайности увеличить его производство; освободившиеся посевные площади отдать под естественные пастбища, тем самым снизив себестоимость мяса; сократить количество поголовья, но за счет продуктивности поднять производство мяса и молока.

Правительство намерено отойти от всеобщего патернализма и защищать прежде всего социально уязвимые слои населения, а именно, пенсионеров, престарелых, сирот, многодетные семьи, поддерживать работников с фиксированными доходами. Уже в текущем году по сравнению с прошлым годом средний размер пенсий возрастет в 9,3 раза. С 1 октября 1992 г. вводится механизм пересчета всех старых пенсий, который позволит систематически пересчитывать пенсии в связи с ростом средней заработной платы в народном хозяйстве. Затраты пенсионного фонда только по этому мероприятию составят 8,3 млрд. руб.

В дальнейшем наряду с увеличением пенсий будут вводиться компенсационные выплаты с учетом роста цен, скажем, хлебные или продовольственные выплаты. Правительство рассматривает и другие меры социальной защиты этой группы населения: бесплатный проезд на городском транспорте, сохранение уровня квартирной платы, предоставление льгот за коммунальные услуги, бесплатное питание и т. д.

С распадом Союза и союзных структур власти возникла необходимость преобразовать отделения бывшего пенсионного фонда, разработать и принять правовые документы, регулирующие дальнейшую деятельность пенсионного фонда республики. При этом целесообразно объединить его с фондом государственного социального страхования в виде государственного фонда социальной защиты населения республики. В кратчайшие сроки надлежит ввести такую систему пособий, которая будет полностью отвечать требованиям государственной защиты неимущих. Выплата пенсий и пособий по социальному страхованию должна производиться за счет средств единого фонда социальной защиты населения. Государство не имеет средств для социальной защиты всего населения. Поэтому трудоспособные люди должны во многом взять заботу

о своей семье на себя. Правительство же будет создавать все условия, в том числе и по формированию малого бизнеса, введению дополнительных рабочих мест. В полную силу должна заработать программа развития мелкого предпринимательства, развиваемая также при государственном фонде содействия занятости.

Утвержденные Верховным Советом программы перехода к рынку, по выводу экономики из кризиса и ее дальнейшей стабилизации охватывают все известные науке и практике направления макроэкономической стабилизации, включая систему мер по стимулированию предпринимательства, разгосударствлению и приватизации, политике цен, оздоровлению финансов и совершенствованию финансово-кредитной сферы, а также по социальной защите населения. За истекшее время после их принятия существенно изменилась ситуация, как, впрочем, и наши представления о путях и методах внедрения рыночных отношений. В этой связи Кабинет министров республики намечает с участием комитетов Верховного Совета переработать положения имеющихся программ на основе опубликованной Президентом стратегии становления и развития Казахстана как суверенного государства.

Переход к рынку будет сопровождаться ухудшением ситуации, снижением жизненного уровня. Все страны проходили через это, и мы не исключение. Такой период реально наступил, причем мы находимся в самом начале пути. Правительство понимает всю неблагодарную роль, уготованную ему на это время. Оно должно осуществить весь набор непопулярных мер и принять на себя недовольство народа. Такова экономическая и политическая логика переходного периода. Самое тяжелое, но и самое главное сейчас — это смена психологии, уход от иждивенчества, опора на себя, на свои силы. И именно этот шаг основной массе населения дается с трудом.

Сейчас как никогда республике необходимо общественное согласие. Различного рода требования, ультиматумы и забастовки не продвигают нас к поставленной цели, ставят в трудное положение все общество, которое не может дать больше, чем имеет. Тем не менее и в этих условиях правительство твердо заявляет о дальнейшем продвижении в направлении реформ, предлагает новые непопулярные шаги. Но мы уверены, что все это в долговременных интересах народа. Поддаться на соблазн сиюминутных выгод — значит затянуть тяжелый для людей период на годы, ухудшить ситуацию в экономике, устранять которую потребуется ценой новых потерь.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Н. Д. КОНДРАТЬЕВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

(по материалам Международной научной конференции)

В настоящее время Россия проходит один из труднейших этапов своего развития. Отказ от старой тоталитарной модели, попытка перехода к цивилизованным рыночным отношениям, связанная с необходимостью принятия весьма непопулярных мер, включая, либерализацию цен, ярко высветили (что многим экономистам давно было ясно) отсутствие теории, описывающей процесс превращения одной социально-экономической системы в другую. В каком направлении должно развиваться общество, какие цели ставит оно перед собой, какова роль государства в переходный период, можно ли полностью довериться рынку-пусть мол стихия сама разберется — или все же необходимо определенное управление зарождающимися рыночными отношениями, как решать проблемы социальной защиты населения, жизненный уровень которого резко упал с ходом рыночных преобразований, что может привести к социальному взрыву и ставит под угрозу саму возможность вступления России в ряды цивилизованных государств — эти и другие насущные вопросы требуют аргументированных и обоснованных ответов от экономической науки, роль которой сегодня исключительно велика. Слишком многое зависит от качества ее рекомендаций, способности смотреть в будущее и предвидеть его.

В этой связи закономерно возникает проблема преемственности экономического знания, опоры на разработки ученых, незаслуженно оставшихся на обочине отечественной науки, поскольку их идеи не совпадали с господствовавшими на протяжении многих десятилетий взглядами на процессы социально-экономического развития нашей страны, на природу созданного у нас общества, его подлинные цели и перспективы. К таким ученым можно без сомнения отнести выдающегося российского мыслителя Н. Д. Кондратьева (1892—1938 гг.), который внес неоценимый вклад в исследование вопросов методологии планирования, больших циклов конъюнктуры, научного предвидения и др. Великий ученый разделил трагическую судьбу своего поколения. Долгое время его творческое наследие было недоступно для изучения на Родине. К счастью,

заклятие наконец было снято, и ученыеэкономисты и широкая общественность страны получили возможность изучать его труды, оценить степень их актуальности, соотнести идеи Н. Д. Кондратьева с воплощенными на практике. Находившиеся под многолетним запретом работы обрели право на существование — «рукописи не горят!». Не случаен, думается, интерес, который

вызвала Международная научная конференция «Научное наследие Н. Д. Кондратьева и современность», состоявшаяся 17—19 марта 1992 г. в Москве и 20-21 марта в Санкт-Петербурге и посвященная 100-летию со дня рождения ученого. Тот факт, что пленарное заседание проходило в Колонном зале Дома Союзов, свидетельствует об огромном уважении к памяти Н. Д. Кондратьева со стороны как научного сообщества, так и государственных и деловых структур — ведь без помощи спонсоров, а среди них — Отделение экономики РАН, Нижневартовское нефтяное объединение, Российская строительная биржа, Министерство экономики России и др., подобное мероприятие сегодня организовать было бы просто невозможно. Большой интерес к конференции проявили зарубежные ученые, о чем говорит участие в ней исследователей из США, Франции, Италии, Нидерландов, Болгарии, Венгрии и других

Открыл конференцию вице-президент РАН Н. Лаверов. От имени Президента России к собравшимся обратился первый вице-премьер правительства РФ Е. Гайдар. Он говорил о том, насколько тяжелы оказались последствия изолированности развития отечественной экономической науки от науки мировой, какой огромный вред нанесли идеологические шоры объективной оценке положения дел в стране. В итоге мы приступили к реформе без теоретической базы, вынуждены были во многом продвигаться на ощупь. Сегодня очень не хватает высокой экономической культуры Н. Д. Кондратьева, его способности делать статистический анализ, предвидеть будущее. Творческое наследие ученого сохраняет свою актуальность и для решения текущих проблем, на его основе возможно расширение сотрудничества с зарубежными учеными.

С докладом, посвященным жизни и творчеству Н. Д. Кондратьева, выступил проф. АНХ, президент Ассоциации «Прогнозы и циклы» д. э. н. Ю. Яковец. Он подчеркнул, что наконец настало время для восприятия идей Н. Д. Кондратьева и на Родине ученого, что подтверждается изданием в России его основных трудов. Творческое наследие Н. Д. Кондратьева многогранно, он занимался изучением проблем аграрной экономики, деловой конъюнктуры, планирования, и прогнозирования развития народного хозяйства, разработкой мето-дологических основ предвидения социальноэкономических процессов, вопросами статистики. Наибольшую известность получила созданная им теория больших циклов конъюнктуры, названных впоследствии длинными волнами Кондратьева, которая легла в основу многочисленных исследований проблем цикличности, проводившихся в разных странах мира. Используя положения этой теории, ученый рассматривал закономерности появления крупных изобретений, инноваций, возникновения социальных катаклизмов и др. С середины 80-х годов в нашей стране началось становление научной школы, изучающей проблемы цикличности, получил распространение междисциплинарный подход, обобщающий анализ различных видов циклов, условия их взаимодействия и факторы, определяющие движение отдельных фаз циклов, сформированы основы теории циклов развития экономики, науки и техники, а также природы. В рамках данной теории кризисы стали рассматриваться как закономерный этап цикла, неотъемлемый элемент процессов развития сложных

В своем выступлении акад. ВАСХНИЛ А. Никонов остановился на вкладе Н. Д. Кондратьева в разработку аграрных проблем. Его размышления о судьбах крестьянства в России, об экономической основе аграрной реформы, паритетном развитии земледелия и промышленности, становлении и развитии сельскохозяйственного рынка в стране и участии государства в его регулировании останотся актуальными и в настоящее время. В работах Н. Д. Кондратьева, посвященных проблемам сельскохозяйственного производства, можно найти ответы на многие вопросы, которые ставит перед нами жизнь.

Многие идеи Н. Д. Кондратьева звучат очень современно, подчеркнул министр экономики России А. Нечаев. Он говорил о недостоверности наших экономических прогнозов, неумении предвидеть последствия принятия тех или иных экономических решений. Противоречия, с которыми мы сталкиваемся сегодня, Н. Д. Кондратьев предвидел еще в 20-е годы, когда работал надконцепцией плана-прогноза, которая впоследствии легла в основу индикативного планирования в ряде стран Запада. Идеи Н. Д. Кондратьева могут помочь в решении проблем финансового прогнозирования, обновлении методологии статистики, разработке текущей и перспективной социально-экономической политики.

В мировой науке отношение к творческо-

му наследию Н. Д. Кондратьева далеко не однозначно. Не все ученые признают существование длинных волн, а среди тех, кто согласен с его теорией, велики расхождения по поводу периодизации циклов, количества волн Кондратьева в мировой цивилизации, а также факторов, определяющих динамику цикличного развития. Зарубежные участники конференции говорили об этих и других проблемах, связанных с осмыслением идей Н. Д. Кондратьева на Западе.

Проф. Я. ван Дейн (Нидерланды) отметил, что нельзя чисто механически воспринимать теорию Н. Д. Кондратьева. Отдельный цикл следует рассматривать как ускорение и замедление экономического роста. Если считать, что длинный цикл продолжается около 60 лет, можно высказать предположение, что экономика стран Запада находится в начале V цикла, то есть в фазе подъема, что подтверждается ростом спроса на инвестиции, особенно в сфере инфраструктуры, а также происходящей в наиболее передовых странах технологической революцией, которая стимулирует развитие новых производств и возникновение новых мощных экономических блоков.

Близкую к вышеприведенной занимает проф. Дж. Паллавичини (Италия), считающий, что западная экономика находится в конце IV волны. Пятый же цикл будет характеризоваться значительными изменениями всех сторон жизни человека, обусловленными переходом к иной научнотехнической парадигме, глубокими структурными сдвигами. Появятся новые концепт альные модели деятельности предприятий, учитывающие экономические, социальные и другие условия существования цивилизации. В этой связи особое значение имеет правильное определение точки цикла, в которой находится экономика какой-либо страны, для выработки адекватной экономической политики, направленной на обеспечение равновесного развития.

По мнению проф. Дж. Модельски (США), феномен длинных волн присущ не только индустриальному обществу, но и рыночному хозяйству в целом и наблюдается с момента зарождения рыночных отношений в Китае в начале нашего тысячелетия. Таким образом, можно выделить 19 длинных волн, в результате действия которых и сформировалась современная структура рынка. Он отметил наличие зависимости между волнами Кондратьева и сменой эпох в мировой политике. Сейчас мы находимся в начале новой волны, а лидером технологического развития станут информационные отрасли, на основе которых будет создан новый технологический уклад и вместе с ним новый образ жизни

Проф. **И. Николов** (Болгария) остановился на вопросах преодоления глубокого кризиса, переживаемого странами Восточной Европы. В этих странах обострились все виды противоречий, но общий недостаток, присущий им,— полное отрицание прошлого. Прав был Н. Д. Кондратьев — должное опять подавляет сущее.

Большое внимание на пленарном заседании было уделено анализу глубокого кризиса, переживаемого нашей страной, и по-иску путей выхода из него.

Акад. Эстонской АН М. Бронштейн подчеркнул в своем выступлении, что продолжительность кризиса зависит от степени нарушения социально-экономического равновесия и эффективности действия факторов, способствующих выходу из кризиса. Современный кризис в государствах, находящихся на территории бывшего Советского Союза, носит как системный, так и структурный характер. И хотя фаза кризиса — неотъемлемый элемент цикличного развития любой системы, нельзя допустить глубокого спада производства, поскольку восстановить нарушенное равновесие будет все труднее. Главная опасность сегодня — отсутствие материальных предпосылок для вывода сельского хозяйства из состояния длительной депрессии, стимулов к широкому использованию достижений НТП, возможностей проведения полномасштабной конверсии народного хозяйства. Н. Д. Кондратьев считал, что кризисы являются необходимым условием восстановления равновесного состояния системы, но при этом важно, чтобы в период кризиса не происходило дальнейшего усиления неравновесия.

С резкой критикой экономической политики правительства России выступил член.корр. РАН, зам. директора ЦЭМИ РАН Д. Львов. По его мнению, в России существуют сейчас три основные проблемы: разрыв хозяйственных связей, переполнение денежного обращения, монополизм производителей. Проведенная либерализация цен противоречит теории Н. Д. Кондратьева, сама идея просто доведена до абсурда. Поскольку общий уровень цен определяется ценами в базовых отраслях, освобождение цен на энергоносители (даже контролируемое) может привести к краху экономики. Необходимо придерживаться положений, давно высказанных Н. Д. Кондратьевым, о соотношении цен и налогов. Мы предлагаем отказаться от налогов на добавленную стоимость, налогов на прибыль и отчислений на социальное страхование. Для нужд бюджета вполне будет достаточно рентных платежей сырьевых отраслей. Выступающий отметил, что нельзя безоговорочно следовать рекомендациям МВФ, которые, судя по всему, легли в основу политики российского правительства. Для нашей страны не годятся стандартные программы стабилизации, опробованные с различной степенью успеха в ряде стран третьего мира.

В своем выступлении проф., директор Центра общественных наук при МГУ, д. э. н. К). Осипов охарактеризовал современное состояние нашего общества как уже свершившийся социальный, технологический и экологический кризис. На деле это полный и всеобщий распад, происходящий на уровне социума в целом, затрагивающий и области культуры, этики, личности. Наше общество с невероятной легкостью отказалось от своего прежнего устройства и привычных ценностей. Кризис под названием «перестройка» является апокалипсическим, его характерная черта — беспредельная иррациональность. Возможно ли зарождение новой цивилиза-

ции на развалинах евразийских образований? В стране сейчас отсутствуют необходимые условия для становления рыночной организации общества, но есть все, что этому препятствует. Нашему народу в который раз навязана жестокая политическая борьба. Тем не менее долг экономической наукипредложить наименее болезненные пути выхода из кризиса. В научный оборот нужно ввести категорию «переходные кризисные процессы», чтобы на ее основе разрабатывать различные варианты вывода страны из того тупика, в котором она находится. сегодня правительственная Реализуемая программа перехода к рыночной экономике не имеет ни материальной, ни идейной основы для сплочения общества, она просто ему навязывается, что подтверждает актуальность противоречия между сущим и должным, анализу которого Н. Д. Кондратьев посвятил ряд своих трудов.

Эту мысль поддержал и д. и. н., зав. отделом Института социологии РАН Ю. Давыдов. Остановившись на последней книге Н. Д. Кондратьева «Проблемы экономической статики и динамики», написанной им в Бутырской тюрьме, он выделил главу «О сущем и должном». В ней автор подчеркивает недопустимость смешения объективно-научного и политически-конъюнктурного подходов к изучению экономических процессов. Абсолютная научная честность — вот главное отличие позиции Н. Д. Кондратьева, чему не грех многим поучиться у него и сейчас

В своем выступлении проф. МГУ **Б. Барри** остановился на вопросах разработки общей теории цикличности, увязывающей природные и социальные процессы в единое целое. Указав на взаимосвязь цикличности естественных (природных) процессов с характером человеческой деятельности, он подчеркнул наличие определенной синхронизации внутренних и внешних циклов, имеющих различную природу.

Важность проведения дальнейших исследований творческого наследия Н. Д. Кондратьева и консолидации на этой основе сил экономистов, придерживающихся различных взглядов, отметил д. э. н., зам. директора ИЭРАН В. Логинов. Цель конференции — не просто отдать дань уважения великому российскому ученому с трагической судьбой. Необходимо создать условия для того, чтобы его учение действительно превратилось в одну из основ формирующейся новой нарешать задачи, встающие перед нашей страной на рубеже двух тысячелетий.

Перед завершением пленарного заседания выступила дочь Н. Д. Кондратьева, членкорр. РАН Е. Кондратьева. Она выразила глубокую признательность устроителям конференции, всем, кто помог реабилитировать имя ее отца и содействовал публикации его работ, особенно акад. А. Никонову. Главным в характере Н. Д. Кондратьева была неукротимая жажда знаний, что и помогло крестьянскому сыну превратиться в одного из самых образованных людей своего времени. Будем надеяться, что его труды действительно обретут вторую жизнь

и послужат на благо России, которую он так горячо любил.

В последующие дни работа Международной научной конференции продолжалась на заседаниях специализированных секций в Москве и Санкт-Петербурге. На секции «Идеи Н. Д. Кондратьева и современные экономические и социологические теории» рассматривались вопросы, связанные с актуальностью творческого наследия ученого, проблемы методологии науки, макроэкономического управления, формирования общей теории цикличной динамики на основе междисциплинарного подхода, а также закономерности исторического процесса в свете идей Н. Д. Кондратьева.

Работа секции «Прогнозирование и моделирование цикличного развития экономики» была посвящена разработке теории и методов прогнозирования цикличного развития, его моделированию и предвидению будущего на основе теории больших циклов Н. Д. Кондратьева.

На секции «Теория инноваций и цикличности развития науки и техники» обсуждались вопросы взаимосвязи научно-технического развития и циклов Н. Д. Кондратьева, а также прогнозирования научно-технического прогресса.

Участники секции «Переходные кризисные процессы в социально-экономическом развитии» сосредоточили свое внимание на проблемах кризисов как этапах перехода от одного состояния экономики к другому, качественно новому, необходимости выработки адекватной государственной политики в период кризиса, роли теории длинных волн Кондратьева с точки зрения прогнозирования возникновения кризисных ситуаций.

На секции «Аграрная экономика и конъюнктура рынка» анализировались проблемы, связанные с развитием идей Н. Д. Кондратьева в области аграрной экономики как в историческом аспекте, так и с точки зрения современности. Обсуждались вопросы взаимосвязи больших циклов и динамики сельскохозяйственного производства, перехода АПК к рыночным отношениям, учета интересов крестьянства в государственной политике.

Работа секции «Природные циклы и экологическое прогнозирование» была посвящена исследованию проблем цикличного развития процессами социально-экономическими, возможностей моделирования и прогнозирования природных циклов, а также поискам путей выхода из экологического кризиса.

20—21 марта 1992 г. в Санкт-Петербургском государственном университете состоялось пленарное заседание. После вступительного слова ректора академика РАН С. Меркурьева с докладом «Н. Д. Кондратьев в Санкт-Петербургском (Петроградском) университете» выступил проф. Л. Широкорад, рассказавший о студенческих годах ученого.

В своем выступлении проф. **А. Франк** (Нидерланды) остановился на общих вопросах теории кондратьевских циклов и ее применении для анализа современного эко-

номического и политического положения бывшего СССР. По его мнению, кондратьевские волны были характерны для мировой экономики не только в период так называемого капитализма, но и на протяжения нескольких тысяч лет. Политика правительств в действительности не определяет ход экономических процессов, наоборот, последние воздействуют на принятие политических решений. Это подтверждается современными событиями в мире. СССР проиграл «холодную» войну, не выдержав гонку вооружений с США. Перестройка была попыткой преодолеть проявившиеся в бывшем СССР последствия мирового экономического спада. Однако надо иметь в виду, что на этапе повышательной фазы кондратьевской волны активные действия правительства способствуют ускорению экономического роста, а во время понижательной — усиливают экономические трудности, что и дасебя знать во время пребывания Горбачева у власти. В странах Запада также происходит экономический спад, поэтому они вряд ли смогут оказать реальную помощь российским реформам.

Доклад декана экономического факультета СПГУ проф. В. Рязанова был посвящен теме «Циклы реформ в России в свете теории длинных волн». В нем подчеркнуто своеобразие действий кондратьевских длинных волн в нашей стране. Во-первых, цикличное развитие мировой экономики проявилось в России через волнообразно-цикличный характер ее экономической модернизации. При этом волны российских реформ хронологически совпадали с повышательными фазами мировой конъюнктуры. Вовторых, для реформ России характерна возвратное движение. Волны инверсия контрреформ приходились на понижательную фазу длинных волн. Такая симметричность волн экономических реформ и контрреформ повышательным и понижательным фазам в развитии мировой экономики, которую можно наблюдать на протяжении почти 200-летней истории российских реформ, присуща, как считает Рязанов, странам «догоняющего типа развития». Нельзя разрывать экономическую историю России на периоды «до» и «после» революции — имеет место единый процесс экономической модернизации страны, своего рода «гиперцикл», который пролоджается почти два века.

Проф., д. э. н. В. Пешехонов остановился на анализе творческого наследия Кондратьева в области аграрной экономики России. Отличительная особенность деятельности Кондратьева заключается в том, что в своих научных рекомендациях он всегда исходил из тщательного анализа реальной действительности. Кондратьев считал, что в силу исторических особенностей развития аграрных отношений в России передача земли в собственность народу и во владение и пользование крестьянству — наиболее приемлемая форма земельных отношений. Кондратьев мужественно выступал против форсированной коллективизации. Он подчеркивал, что в реальной обстановке 20-х годов индивидуальное крестьянское хозяйство должно быть основой аграрного производства.

Большой интерес представляет обоснованная Кондратьевым система государственного регулирования рынка сельхозпродуктов в экстремальных условиях — при сокращении производства, обесценении валюты, острой нехватке продовольствия и т. д. Сегодня в аналогичной ситуации властным структурам следует использовать рекомендации выдающегося русского экономиста.

В докладе проф., д. э. н. С. Валдайцева «Динамика технологических возможностей и инвестиционная конъюнктура» отмечалось, что чувствительность длинных технологических циклов по отношению к краткосрочным инвестиционным циклам увеличивается. В этих условиях понижается «автоматизм» длинных циклов технологических возможностей. Резкое изменение капиталоем-кости отдельных направлений НТП приводит к тому, что кластеры новых результатов в разных областях науки не накапливаются, или накапливаются не те кластеры и т. д. В результате становится очень трудно прогнозировать появление новых технологий. Чтобы поддержать нормальный приток технологических возможностей, надо управлять инвестиционной конъюнктурой, учитывая потребности науки. Длинные технологические волны — явление общемирового значения. Их временные характеристики и эффективность зависят от общемирового задела результатов фундаментальных и поисковых исследований. Кризис в нашей стране, где (в границах бывшего СССР) работали около '/з научных работников мира, может существенно подорвать базу сложившейся линамики технологических волн изза сворачивания во всех странах СНГ большинства фундаментальных научных программ

В докладе проф., д. э. н. П. Октябрьского подчеркивалось особое значение статистики в творческом наследии Н. Д. Кондратьева. Весь его огромный талант экономиста проявился именно потому, что он был прежде всего статистиком. Сами кондратьевские циклы имеют статистическую основу. Не будь ее, теория циклов в то время не состоялась бы. Статистика не была для Кондратьева самоцелью — дальнейшее развитие «социальной экономии» он связывал с решением проблемы «статистификации политической экономии» и усилением в ней роли количественного анализа.

На пленарном заседании выступили также директор Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН, проф. А. Мелуа с докладом «Сохранение и изучение научного наследия петербургских экономистов» и председатель Северо-Западного отделения ассоциации «Прогнозы и циклы», проф. А. Субетто с докладом «Наследие Н. Д. Кондратьева и новая парадигма цикличности развития в науке, культуре и образовании».

На следующий день состоялись заседания секций «Закономерности и перспективы развития науки», «Прогнозирование развития культуры», «Циклы в жизни человека и образование». На экономическом факультете Санкт-Петербургского университе-

та прошел круглый стол «Теоретическое наследие Н. Д. Кондратьева и экономические проблемы современности».

На заключительном пленарном заседании в АНХ (Москва) выступили руководители секций с сообщениями о результатах их работы, а также ряд крупных ученых (Ю. Яковец, А. Субетто, И. Бестужев-Лада и др.) с докладами, в которых предпринималась попытка выйти на новый уровень осмысления проблем человеческой цивилизации, признавалась необходимость глобального, планетарного подхода к поискам их решения.

В рекомендациях, принятых участниками Международной конференции, отмечается выдающийся вклад Н. Д. Кондратьева в развитие экономической науки, оказывающий все большее воздействие на ход современных научных исследований. Участники конференций считают весьма важным способствовать освоению и дальнейшему углублению идей Н. Д. Кондратьева в различных отраслях знаний и сферах практической деятельности. Целесообразно сконщих проблемах:

 общая теория и закономерности социально-экономической статики, динамики и генетики, категорий сущего и должного в социально-экономическом развитии;

теория цикличной динамики, методы ее моделирования и измерения:

— механизм формирования и развития больших циклов конъюнктуры во взаимо-

действии со среднесрочными и краткосрочными циклами;
— теория и методы предвидения будущее го, прогнозирования и стратегического пла-

- нирования с учетом цикличной динамики; теория конъюнктуры, методология и организация конъюнктурных исследований рыночных процессов;
- теория и механизм инноваций, структура современной научно-технической революции:
- содержание переходных процессов социально-экономического и политического развития, механизмы возникновения кризисных ситуаций и выхода из них;
- закономерности развития аграрной экономики;
- механизмы природно-экологических циклов;

циклы в жизни человека, в развитии образования и культуры.

Участники конференции договорились продолжать и расширять научные контакты, направленные на координацию исследований и обмен их результатами между учеными различных стран, для чего был выработан ряд необходимых мер.

В целом Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Н. Д. Кондратьева, прошла на высоком научном уровне и способствовала привлечению внимания ученых и широкой общественности как России, так и зарубежных стран к творческому наследию великого сына нашей Родины. Теперь самое важное — воплотить в жизнь принятые рекомендации, наполнить их практическим со-

держанием. Если использование и дальнейшее развитие идей Н. Д. Кондратьева смогут хоть немного облегчить трудную жизнь народов России и других стран СНГ, содействовать разрешению глобальных проблем человеческой цивилизации, значит, его труды не пропадут даром и усилия, направленные на изучение и популяризацию его идей, окупятся сторицей.

> С. Винокур, О. Зотова, А. Белых

О создании Международного фонда Н. Д. Кондратьева

Международный фонд Н. Д. Кондратьева был создан 19 марта 1992 г. Его учредителями стали: Институт экономики РАН, Академия народного хозяйства при правительстве Российской Федерации, Московская сельскохозяйственная академия имени К. А. Тимирязева, Аграрный институт РАСН, Санкт-Петербургский государственный университет, а также видные зарубежные ученые: Тибор Вашко (Австрия), Виль. гельм Крелле (Германия), Ричард Моуги (США), Джордж Модельски (США), Джанкарло Паллавичини (Италия), Витторио Страда (Италия), Якоб ван Дейн (Нидерланды). Президентом Фонда избран акад. Л. И. Абалкин. В состав Совета фонакад. Л. И. Абалкин. В состав Совета фонда вошли видные ученые: И. Бестужев-Лада, С. Глазьев, А. Гранберг, Е. Кондратьева, Н. Лаверов, В. Макаров, А. Никонов, Ю. Осипов, Л. Субетто, В. Стародубровский, С. Шаталин, Ю. Яковец и др.

Международный фонд является добровольным общественным объединением научных работников и специалистов, осуществляющих на основе самоуправления, коллективного творческого труда и самофинансирования совместную деятельность по изучению и пропаганде творческого наследия Н. Д. Кондратьева, поддержке междисциплинарных и международных исследований в области социально-экономической динамики и генетики, цикличности развития и предвидения будущего, конъюнктуры и аграрной экономики. Фонд является бесприбыльной некоммерческой организацией.

Основные задачи Фонда: содействие международному научному сотрудничеству; проведение совместных исследований, конференций, конкурсов, дискуссий, симпозиумов и иных мероприятий учеными России и других государств, входящих в СНГ, зарубежных стран; участие в выполнении международных и национальных программ, проектов, подготовке и экспертизе прогнозов, обучении кадров и преподавательской деятельности; поддержка молодых исследователей; введение в научный оборот и изучение неопубликованных и малоизвестных произведений Н. Д. Кондратьева и др.

Международный фонд Н. Д. Кондратьева проводит конкурсы, направленные на решение актуальных научных проблем, учреждает и присуждает медаль имени Н. Д. Кондратьева для поощрения выдающихся отечественных и зарубежных исследователей, чьи научные интересы совпадают с тематикой Фонда, осуществляет издательскую и информационную деятельность. На базе Фонда и Ассоциации «Прогнозы и циклы» предполагается с 1993 г. приступить к изданию международного журнала «Циклы и предвидение будущего», раз в три года в разных странах проводить международные научные конференции по указанным выше проблемам. Очередную конференцию намечено организовать в 1995 г. в Нидерландах на тему «Прогнозирование цикличной динамики общества на рубеже нового столе-

Деятельность Фонда осуществляется на основе научных программ и проектов, предусматривающих достижение реальных результатов в конкретных исследованиях в соответствии с целями и задачами Фонда, она будет способствовать консолидации усилий ученых разных стран мира в изучении актуальных проблем формирования новой цивилизации, эффективных путей выхода России из кризиса, синтеза высокой технологии и культуры.

Членами Фонда могут быть как юридические, так и физические лица, заявившие о своем решении участвовать в его работе и внесшие вклад в фонд в денежной, интеллектуальной или другой форме и ежегодно уплачивающие членские взносы.

Адрес Международного фонда Н. Д. Конпратьева: 117218, Москва, ул. Красикова, 27. Телефон: 129-04-09; 129-04-88.

Телетайп: 207764 «Налог» Телефакс: (007) 095-310-7001

Телекс: 911536.

Взнос в уставный фонд можно перечислить на р/с № 345208 в Коммерческом инновационном банке научно-технического прогресса, корреспондентский счет 161707 в ЦОПЕРУ ЦБ России МФО 299112 или валютный счет 070.008.001/187 в том же банке.

Н. Кузнецова, и. о. исполнительного директора Фонда